

В. В. Г У Р А

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
В ВОЛОГОДСКОЙ
ОБЛАСТИ

I 879819

ВОЛОГОДСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1951

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ОТ АВТОРА

На протяжении многих веков создавал великий русский народ свою замечательную культуру. В этом процессе созидания русской культуры принимала и принимает участие Вологодская область, которая даже в мрачных условиях крепостничества и «свинцовых мерзостей» капитализма дала родине талантливых художников и писателей, изобретателей и учёных.

Многие деятели русской культуры и в их числе — мастера слова находили в Вологодской области богатый материал для своих произведений.

В Вологде родился один из видных писателей XVIII века М. Муравьёв, в ней и в Хантонове (близ Череповца) прошла большая часть жизни талантливого поэта К. Батюшкова. В Вологодской области протекали детские и юношеские годы несправедливо забытых В. Красова, П. Засодимского, В. Гиляровского.

События 1812 года забросили в глухую тогда Вологду поэтов П. Вяземского и Ю. Нелединского-Мелецкого. Избрав ещё в начале прошлого века Вологодскую губернию местом ссылки, царское правительство сослало сюда критика Н. Надеждина, а несколько позже — видного

публициста-шестидесятника Н. Шелгунова и народника П. Лаврова. В конце апреля 1848 года почти всю губернию пересек сопровождаемый жандармами М. Салтыков-Щедрин, сосланный в Вятку. В вологодской ссылке были В. Короленко, В. Воровский, А. Луначарский; вологжанину Засодимскому — и тому пришлось жить на своей родине под негласным надзором полиции.

На протяжении нескольких лет в Устюжну часто приезжал и подолгу жил близ неё А. Куприн. Здесь он создал ряд известных своих рассказов. Недалеко от Кириллова летом 1879 года отдыхал и работал В. Гаршин. Глеб Успенский посетил, с творческими намерениями, Череповец, а потом побывал в Устюжне. На родине, вдали от петербургской суеты, легче работалось Засодимскому.

Почти все писатели XIX века, побывавшие в Вологодской губернии, оставили в своих художественных и публицистических произведениях, воспоминаниях и письмах ряд интересных высказываний о дореволюционной жизни вологодского края. Их внимание привлекали не только древняя культура, быт и нравы вологжан, колоритная северная природа: литераторы прошлого нередко говорили о тяжёлой жизни вологодских крестьян и городских «низов», задавленных игом крепостничества, царизма и капитала. Тяжкую нищету и нужду, страшную отсталость и темноту, безудержный произвол чиновничества и самодурство помещиков — вот что находили русские писатели в одной из самых захолустных губерний.

Но передовые писатели вместе с тем отмечали исключительную одарённость простого народа, рассказывали о

давнем стремлении его к свободной счастливой жизни, выражали скрытый протест против царских порядков.

Давняя мечта свободолюбивого народа о светлом будущем стала явью после Великой Октябрьской революции. Резко изменился политический, экономический и культурный облик нашей родины; широко раскрылись, расцвели разбуженные революцией творческие силы народа; в условиях социализма окрепла, неизмеримо выросла, навсегда распрощалась со своим тяжким прошлым и Вологодская область. Советская власть вырастила из простых тружеников-вологжан тысячи знатных людей, работников физического и умственного труда; она открыла путь в литературу усть-кубинскому батраку К. Коничеву, вожегодскому крестьянину А. Тарасову, никольскому бедняку А. Яшину.

За годы советской власти в Вологде и области побывали лауреаты Сталинских премий А. Серафимович, И. Эренбург, Л. Леонов, К. Симонов, С. Михалков, В. Панова, В. Лебедев-Кумач, Е. Долматовский и другие советские писатели, для которых вологжане и их социалистический труд явились источником творческого вдохновения. Побывав на заводах и в колхозах, в лес-промхозах и новых школах, они с чувством гордости отзывались о крае, обновлённом социализмом. Серафимович, хорошо знакомый с царским севером, посетив Вологду и область в 1941 году, восхищался громадными достижениями вологжан за годы советской власти: он увидел здесь новые промышленные комбинаты, заводы, железные дороги.

Взволнованно воспевают родной обновлённый край поэт-вологжанин А. Яшин: в лесную никольскую глушь, описанную ещё Засодимским, пришла новая советская техника, зажглись в деревнях яркие огни колхозных электростанций. И. Эренбург и М. Пришвин запечатлели в своих произведениях первые успехи северной лесной промышленности, а В. Панова в повести «Ясный берег» рассказала о подъёме животноводства области в послевоенное время.

На жизненном материале Вологодской области рисуют советские писатели нового советского человека, раскрывают прекрасную мысль о том, что «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны» (А. Жданов).

Высказывания о нашей области писателей прошлых веков и наших современников — советских писателей наглядно показывают те огромные изменения, которыми обязаны вологжане советской власти.

А. М. Горький неоднократно подчёркивал, что изучение прошлого имеет большое значение, прививает любовь к своему родному краю, к великой родине. «Чем лучше мы будем знать прошлое, — говорил великий русский писатель, — тем легче, тем более глубоко и радостно поймём великое значение творимого нами настоящего».

Профессор Д. Благой высказал хорошее пожелание составить «своего рода «литературную географию» всей на-

шей необъятной, могучей и прекрасной родины». Однако до сих пор нет работы по «литературной географии» Вологодской области. До сих пор учащиеся и учителя, культурно-просветительные учреждения и широкая общественность области не могут удовлетворить свой интерес к деятельности русских писателей, связанных с Вологодой и вологодским краем.

Автор книги «Русские писатели в Вологодской области» поставил перед собой скромную задачу собрать и обобщить материал, относящийся к пребыванию писателей в Вологодской области и к отображению вологодской действительности в их творчестве. Кроме печатных сведений, крупными разбросанных в различных периодических изданиях и сборниках, в книге впервые используются некоторые архивные документы, неопубликованные письма, воспоминания, новые биографические данные.

Книга состоит из очерков в основном биографического характера, содержание которых продиктовано избранной темой. Но автор всегда стремился дать (правда, лишь общую и краткую) характеристику писателю, привлекая с этой целью высказывания революционных демократов и опираясь на указания классиков марксизма-ленинизма.

Не имея возможности дать сколько-нибудь обстоятельный и подробный анализ творчества писателя и не ставя перед собой таких целей, автор отсылает читателя, желающего углубить свои знания, к специальной литературе, указанной в комментариях. Книга имеет задачей сообщить о пребывании писателей в области, показать, по мере возможности, как отразился в их творчестве мест-

ный материал, жизнь края, его природа, быт и нравы людей, какие места связаны с пребыванием в области того или иного писателя, что было написано им здесь. Конечно, автору не всегда удавалось разрешить эту задачу — либо из-за недостатка фактического материала, либо в силу каких-нибудь других причин.

Самый большой в книге очерк (написанный И. В. Гура) посвящён одному из ярких представителей русской литературы начала прошлого века — Батюшкову. Очерк о поэте кружка Станкевича Красове, в связи с тем, что до нас дошли довольно скудные сообщения о его жизни, представляет общую характеристику его творчества, в которой выделены мотивы, связывающие поэта с нашей областью.

Неравномерность объёма очерков о других писателях обусловлена различными сроками пребывания этих писателей в области и неравноценностью того материала, который удалось обнаружить о их творчестве, относящемся к жизни в Вологде.

Очерки, вошедшие в книгу, расположены хронологически. Книга снабжена комментариями, где даются некоторые библиографические сведения и сообщения краеведческого характера, не включённые в основной текст. Здесь же читатель найдёт справки о кратковременном пребывании в области писателей, подробный материал о которых автору не удалось разыскать.

М. Н. МУРАВЬЕВ
(1757—1807)

Отец двух декабристов—Никиты и Александра Муравьёвых—вологжанин Михаил Никитич Муравьёв был известным писателем XVIII столетия, одним из ранних представителей русского дворянского сентиментализма.

Многие из литераторов того времени видели в нём наставника в жизни и литературе, прислушивались к его голосу. Державин, Жуковский, Батюшков и другие поэты конца XVIII—начала XIX века высоко ценили младшего современника Радищева и старшего современника Карамзина.

Карамзин в предисловии к изданной им книге Муравьёва «Опыты истории, словесности и нравоучения»

(1810 г.) щедро награждает своего предшественника хвалебными отзывами.

Восторженно отзывался о М. Н. Муравьёве его племянник и воспитанник К. Н. Батюшков, написавший специальное «Письмо к И. М. Муравьёву-Апостолу о сочинениях Муравьёва»¹⁾.

Великий литературный критик В. Г. Белинский, давая оценку этому не в меру хвалебному письму, справедливо отмечал, что Батюшков восхваляет своего родственника и воспитателя «риторически» и превозносит его «выше леса стоячего». «Дело идёт, — пишет Белинский, — о сочинениях Михаила Никитича Муравьёва, бывшего товарища министра народного просвещения, попечителя Московского университета; он... оставил после себя память благородного человека и страстного любителя словесности. Как писатель, М. Н. Муравьёв принадлежал к ломоносовской школе. Слог и язык его не карамзинский, хотя и казался для своего времени образцовым. В сочинениях его, действительно, видно много любви к просвещению; душа добрая и честная, характер благородный; но особенного литературного или эстетического достоинства они не имеют»²⁾.

Муравьёв родился в Вологде 25 октября 1757 года в семье провинциального чиновника. «Он не мог похвалиться блестящим аристократическим происхождением, но имел право сослаться на старинное выслуженное деорянство: его далёкие предки, новгородские «боярские дети», с XV века без перерыва служили московскому самодержцу. Не мог он считаться и крупным влиятельным землевладельцем: его родовые поместья в Новгородской и Рязанской губерниях были невелики и мало доходны»³⁾.

До трёхлетнего возраста Муравьёв жил и воспитывался в Вологде, а в 1760 году отец увёз семью в Оренбург, куда был назначен вице-губернатором. С 1768 года

Муравьев учится в университетской гимназии в Москве, а затем слушает лекции в Московском университете. Уже в эти годы он входит в литературные круги, сближается с Херасковым и другими поэтами.

За время своей жизни в Москве Муравьев, видимо, нередко бывал на родине, в Вологде. Об этом свидетельствует одно из первых его произведений — «Эклога (А. В. О... ву)», помеченная 1771 годом. Четырнадцатилетний Муравьев пишет:

Помедли, Вологда, останови на час
Поток поспешных волн, чтобы свирели глас
Раздался, по твоим носясь струям прозрачным,
И чтоб живущия по рощам Нимфы злачным,
Собравшись толпой ко берегу твоему,
Внимали с кроткостью напеву моему.

«Эклога» представляет послание вологодскому губернскому предводителю дворянства А. В. Олешеву⁴⁾.

Богатое имение Олешева — Ермолово находилось в 12 верстах от Вологды, на берегу реки Вологды, о которой пишет молодой поэт.

Не закончив обучения в университете, Муравьев уехал с отцом в Архангельск и снова побывал в Вологде. К этому времени (видимо, к зиме 1771 года) относятся «Три письма» Муравьева к одному из товарищей по университету.

«Скорое движение по полям равным и сияющим снежною белизною, — пишет он в первом письме, — приближает нас к Вологде, городу, который имеет уже столько отношений к Архангельску. Древнее его, он был некогда пребыванием Великого Государя царя Иоанна Васильевича...».

Здесь же Муравьев говорит об историческом значении Вологды и удобном её расположении для торговли, отмечает выдающуюся роль вологжан в открытии новых

земель. «... Они посещали острова, отделенные безднами морскими от обеих краёв земли Азии и Америки».

«Посреди города, — продолжает Муравьёв, — протекает река того же имени, которая не может заслуживать славного имени в реках Российских: *в числе Российских рек неизвестна и мала*, по выражению великого стихотворца нашего. Строение довольно велико и по большей части деревянное. Несколько церквей каменных древнего строения. Есть заводы и рукоделия. Фабрики свечные и бумажные. Но особенно оживляется общество Вологодское близостью селений дворянских, окружающих город».

Такое подробное описание родной Муравьёву Вологды говорит о том, что писатель бывал в ней и хорошо знал её историю. В отрывках из записей Муравьёва есть свидетельство того, что он целыми днями просиживал «в Вологде за Вергилием, которого разумел половину», и особенно увлекался Ломоносовым.

«Наполнен чтением Ломоносова, я не могу без страстия и уважения взирать на родину сего блистающего разума», — восклицает поэт, для которого Ломоносов был примером, достойным подражания.

Из Вологды Муравьёв выехал в Архангельск. Продвигаясь по хорошему зимнему пути «во глубокий север», он сообщает: «Важский посад остаётся нам по пути к городу. Мы едем излучинами реки Ваги, которая, как я слышу, приведёт нас на Двину...».

Жизнь на севере, посещение родины великого Ломоносова наложили отпечаток на духовный облик Муравьёва, особенно на его раннее творчество. «Можно сказать с уверенностью, что лучшие качества Муравьёва — постоянное стремление к просвещению, личному и в особенности народному, вера в прогресс человечества..., — были разбужены деятельностью великого русского учёного и поэта»⁵⁾.

В «Избрании стихотворца» Муравьёв прямо заявлял о том, что он стремится следовать в своём творчестве Ломоносову:

Я блеском обольщен прославившихся Россом
На лире пробуждать хвалебный глас учусь,
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый Понт несусь.

На обратном пути (из Архангельска в Петербург) Муравьёв вновь попадает в Вологду, проезжает через родные вологодские края. Видимо, этой поездкой навеяно стихотворение «Путешествие», в котором описывается дорога из Вологды в Петербург.

Прости, спокойный град, где дни мои молодые
Под сенью родины сны красили златые.
Я твой меняю кров на пышный Петрополь.
Но память мне твою с собой унести позволю,
Ах! память жизни сей, столь сладко проведенной
С нежнейшим из отцов, с сестрою несравненной.
Уже церковей твоих сокрылися главы,
О Вологда! поля, лишённые травы,
Являют сентября дыхание сурово:
Но нас повсюду ждёт друзей свиданье ново.

И дальше поэт описывает трудный и долгий в то время путь до столицы.

Пространство новое пред нами разверзлось,
Где Угла быстрая приносит дар Шексне.
День целый по ей неслись мы быстрине;
Тяжелы неводы влекут нам рыболовы
И дым являет их в лесах таящихся кровы.
Преходом, от валов течение удаля,
Железом Устюжским усеяны поля.

Вскоре по приезде в Петербург Муравьёв поступает на службу в гвардию, но попрежнему большое внимание уделяет самообразованию и литературе. В 1785 году, по определению Екатерины II, он должен был обучать наукам

цесаревича Александра и его брата. Но молодой воспитатель не восхищался своей жизнью при дворе и даже тяготился положением «школьного учителя».

В начале XIX века Муравьёв стал товарищем министра просвещения. Но и в это время он не забывал о своих родных вологодских краях, изредка посещал их. В произведениях Муравьёва часто встречаются зарисовки вологодских пейзажей, автобиографические сообщения, упоминания о родных и друзьях. Особенно часто прибегает поэт к новому в то время жанру — дружескому посланию.

В 1783 году Муравьёв написал «Послание о лёгком стихотворении». Оно обращено к вологодскому помещику конца XVIII века А. М. Брянчанинову, женатому на двоюродной сестре Муравьёва. В другом послании к Афанасию Брянчанинову — «Сельская жизнь» поэт описывает Фомино, усадьбу этого помещика, находившуюся в 30 верстах от Вологды, на реке Лухте:

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных,
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах муравой цветущею устланных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.
Тебе окружные желтеют жатвой горы,
Поля, где шествуешь, присутствием живишь.
Теснятся в круг тебя прилежные селяне
И Нимфы вьют тебе венки из васильков.
С зарею возстают восхода солнца ране,
Железом воужась блистающих серпов...

Поэт-дворянин, далёкий от народа и не думающий о его нуждах, рисует «образцового» помещика, радостно созерцающего своё «мирное» владение, благодушно взирающего на то, как «теснятся» вокруг него «прилежные селяне». Конечно, Муравьёв не даёт в своём стихотворении реальной картины жизни Фомина.

Но в плане литературно-историческом стихотворение интересно тем, что в нём ясно можно видеть отход от эстетических норм классицизма, стремление передать чувствования, настроения человека, его впечатления — мечтания.

Как видно из послания, Муравьёва влечёт «жизнь сельская», его идеал — «тишина, спокойствие, уединение». Для Муравьёва характерно чисто сентиментальное, созерцательное воспевание природы, любование её красотой.

Бывал Муравьёв и в Нижнем Осанове, другой усадьбе Брянчанинова, расположенной под Вологдой.

«Первое из писем Муравьёва, озаглавленных им «Обитатель предместия», от 2 августа 1790 года, — сообщает вологжанин Ф. Фортунатов, — начинается изображением местности, живо напоминающим подгородную усадьбу Брянчанинова Осаново».

Эта местность так описывается Муравьёвым:

«Не выезжая из города, пользуюсь всеми удовольствиями деревни, за тем что живу в предместии. Я вижу жатву из окошка. С восхождения солнца земледелец жнет неутомимо полосу свою и связывает снопы. Косцы, поставленные строем один за другим, вместе взносят и опускают косы свои. Какой приятный запах от сена, разбросанного по лугу!..

Мой домик очень мал и невиден; но я не променяю его на великолепные здания, восходящие к облакам и поддерживаемые столпами.

Хотите видеть описание моего дома? Он стоит на конце широкой уединенной улицы, которая выходит в поле. Перед ним, со стороны города, строение обывательское прерывается. В приятной ложине извиливается ручей, по берегам которого разбросано несколько кустов орешника... Напротив дома приходская церковь весьма

древнего строения... Основание ее вросло в землю. Оградою служат ей старые дубы, которые далеко кругом себя кидают тень свою».

Муравьёв сообщает, что он живёт в дружбе с соседями, среди которых у него есть хорошие приятели. «Как можно жить одному! — восклицает он. — Любить только самого себя! Никому не быть полезну!.. Нет, чувствую живо в сердце моем, что человек сотворен для общества...».

В письме от 27 сентября 1790 года Муравьёв рассказывает о своей поездке в поместье Межакова Никольское. Писатель восторгается «идеальным, добродетельным» помещиком, который, якобы, очень обходителен со своими крестьянами; Муравьёв не видит социального зла крепостнических порядков. Но в одной волости он всё-таки заметил огромную разницу между положением крестьян и помещика: «хижины земледельческие развалившиеся, вросшие в землю, соломою крытые, а на холму, под которым деревня, огромное здание помещика, в самом живописном местоположении».

Кибитка, в которой ехал Муравьёв, сломалась, застряв в грязной улице нищего селения. В это время раздались звуки рогов, возвещавшие о возвращении сохоты хозяина роскошной усадьбы, которого не трогало несчастье крестьян. «Он думал, — пишет Муравьёв, — что они рождены для его призрения. Но вместо того собаки были предметом его внимания и разговоров».

Муравьёв требует гуманного отношения к крестьянину, осуждает этого «знатного, недостойного своей породы» помещика, но ограничивается лишь моралью и не осуждает крепостничество как социальное зло, как типическое явление.

В этой связи уместно привести мнение Белинского, который, касаясь статей «нравственного содержания»,

написанных Муравьёвым и объединённых общим названием «Обитатель предместья», говорил:

«Язык этих статей довольно чист и ближе подходит к карамзинскому, чем к ломоносовскому; содержание много говорит в пользу автора, как человека с самыми добрыми расположениями души и сердца; но и всё тут: ни идей, ни воззрений, ни картин, ни слога».

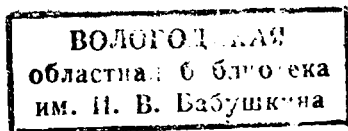
Испытав влияние Ломоносова, Муравьёв не стал его продолжателем: в годы своей поэтической зрелости он был поэтом дворянско-сентиментального направления. На его стихах и прозе можно проследить ограниченность дворянско-политического кругозора, отчуждённость дворянской культуры от народа.

Муравьёв был «непосредственным предшественником» Карамзина, в его стихах «уже закладывались основы нового сентиментально-поэтического стиля»⁶⁾.

Творчество Муравьёва было переходным звеном, соединяющим сумароковскую и карамзинскую школы в нашей литературе. Муравьёв вместе с тем готовил почву для поэтической деятельности одного из предшественников Пушкина — тоже вологжанина — Батюшкова.

879819

К. Н. БАТЮШКОВ
(1787—1855)

В ста верстах от Вологды, в одном из глухих углов Чёреповецкого уезда, в начале XIX века находилось сельцо Хантоново. Невдалеке от реки, в густой зелени, расположился господский дом с балконом, садом и беседкой. Село было небогатое. Барский дом—ветхий, готовый развалиться. Имение это принадлежало старинной вологодской дворянке Александре Григорьевне Батюшковой, урождённой Бердяевой. В этом домике своей матери провёл значительную часть сознательной творческой жизни видный русский поэт начала XIX века К. Н. Батюшков. Здесь он переживал минуты творческого подъёма, здесь работал над своими лучшими элегиями, сатирами, дружескими посланиями. Здесь вызревали его новые творческие планы. И не удивительно, что Хантоново с его безыскусственной сельской про-

Очерк написан И. В. Гура.

стотой Батюшков предпочитал родному городу Вологде. На протяжении всей своей жизни поэт был, однако, связан с Вологдой, и в ней ему пришлось завершить свой жизненный путь.

Вологда конца XVIII — начала XIX вв. была губернским городом, захолустным и грязным. Экономика её поражала своей примитивностью. Так называемое «общество» состояло из небольшого круга дворян, чиновников, купцов и мещан. В Вологде почти не было учебных заведений; просвещение не пользовалось почётом, и людей образованных насчитывалось немного. Вологда и вся Вологодская губерния в XIX веке служили для царского правительства местом политической ссылки.

Батюшков родился в Вологде 18 (29) мая 1787 года. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, издавна связанному с северными краями нашей родины и, в частности, с Вологодской губернией. Предки Батюшкова были людьми образованными, активно участвовали в общественной жизни своего края и всего государства. Один из них при Екатерине II подвергся опале, и это тяжело отразилось на судьбе Николая Львовича Батюшкова, отца поэта. Будучи 15-летним солдатом Измайловского полка, он привлекался к следствию по делу опального дяди, а потому позже не мог продвинуться по службе и постепенно превратился в провинциального «медведя» с крутым нравом, хотя был человеком довольно просвещённым.

Большую часть своей жизни Николай Львович провёл в родовом поместье Даниловском. Редко показывался он в Вологде и того реже в столице. Дети побаивались сурового и раздражительного отца.

Мать Константина Николаевича лишилась рассудка вскоре после рождения сына и в 1795 году умерла в Петербурге.

Раннее детство поэта прошло в селе Даниловском, Устюженского уезда, входившего тогда в Новгородскую губернию. Это было нерадостное детство. Мальчик больно переживал своё сиротство, что нашло отражение в любимой элегии Батюшкова «Умиравший Тасс»:

... Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний, —
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я! ¹⁾.

Надо думать, что мальчик не особенно огорчился, когда, в 1797 году, отец отвёз его в петербургский частный пансион. В Петербурге Батюшков получает образование не слишком обширное, но дополненное благодаря собственной жажде к знанию. Здесь формируются его литературные вкусы, он изучает творчество русских писателей, из которых особенно ценит Ломоносова, и делает первые шаги в поэзии при поощрении заботливого наставника и родственника М. Н. Муравьёва.

Новые впечатления и знакомства, участие в литературной борьбе того времени захватывают юношу.

В 1807 году Батюшков, вопреки воле отца, решил принять участие в военных действиях против Наполеона, записался в ополчение и вскоре был ранен. Он писал своему другу поэту Н. И. Гнедичу, что собирается вернуться в родные края, и звал его в «гостеприимную тень отеческого крова»: «Поедем ко мне в деревню и заживём там».

Но «отеческий кров» не дал Батюшкову желанного отдыха: в деревне его ожидали неприятности. Вторичный брак отца посеял рознь между отцом и дочерьми. Александра и Варвара решили поселиться в материнском имении Хантоново. Эти обстоятельства заставили Батюшкова уехать из дому раньше, чем он предполагал.

Долго Батюшков не возвращался в Даниловское. Перенеся тяжёлую болезнь, он вновь стал в боевой строй.

Но мысли о сёстрах, о их жизни в деревне не покидают его. 12 апреля 1809 года, из местечка Надендаль, он пишет в Хантоново: «Будучи за 2000 вёрст, я не могу давать советов, но если бы вы построили дом в Хантонове, это бы не помешало; стройте для себя, какой вы заблагорассудите... С каким удовольствием я бы возвратился под тень домашних богов!...».

Летом, 1809 года, после прекращения военных действий, Батюшков, получив длительный отпуск, приезжает в Петербург. Отсюда он сообщает сёстрам о своём намерении посетить их в Хантонове: «Друзья мои, ожидайте меня у волн Шексны».

Хантоново оказалось основательно запущенным. Дом, ветхий снаружи, и внутри не блистал удобствами. Поэтому Батюшков в письмах к сёстрам постоянно напоминал о необходимости выстроить хотя бы новый флигель. Но денег не хватало, и желание Батюшкова сбылось только в 1816 году. Имение давало незначительный доход. Сам Батюшков не хотел слишком притеснять крестьян: «Я боюсь отяготить мужиков..., — писал он, — судьба подчинённых мне людей у меня на душе». Но в этой «гуманности» явственно обозначались границы дворянского либерализма: жалея крестьян, барин тем не менее исправно брал с них оброк. Однажды, находясь в крайне затруднительном положении, он даже просил сестру взять с крестьян деньги вперёд, извинившись перед ними. В мае 1812 года Батюшков велел собрать деньги за сентябрь: «Пришли их не замедля. Крайне сожалею, что мужиков должен я тревожить в такое трудное время: весной и в рекрутство! Напиши им приказ поласковее. А деньги адресуй мне...». В другом письме (1815 г.) он велел даже продать одного крепостного.

Хозяйство в Хантонове велось по-старинке. Батюшков в дела не вникал. Этим пользовались плуты-приказ-

чики, обманывавшие сестёр. Поэтому именье закладывалось и перезаклаживалось, земля распродавалась по частям.

Единственным местом, интересовавшим Батюшкова в деревне, был сад: он с удовольствием ухаживал за цветами и часто вспоминал о них в письмах.

По соседству с Хантоновым жили типичные провинциальные помещики, вполне довольные своим обыденным застойным существованием. Батюшкову не с кем было поделиться литературными замыслами, некому прочесть написанные стихи. «К кому здесь прибегнуть музе? — пишет он Гнедичу 1 ноября 1809 года. — Я с тех пор, как с тобою расстался, никому даже и полустушишь, не только своего, но и чужого не прочитал. С какими людьми живу?!».

Иронизируя по поводу окружавшей его деревенской обстановки, Батюшков описывает её в образах древнегреческой мифологии (во вкусе Гнедича): «Я отворил окно и вижу: нимфа Ио ходит, голубушка, и мычит бог весть о чём; две Леды кричат немилосердно. Да посмотри... там в тени... бараны, может быть, из стада царя Адмета...».

Особенно одиноко и тоскливо стало осенью. Сентябрь был дождливый и холодный. От осенних дождей завял в саду любимый китайский мак. В комнатах приходилось топить камин, «на дворе — стужа». Время превратилось в непомерную тяжесть «со свинцовыми крыльями». Всё это чрезвычайно портило настроение Батюшкова; он писал Гнедичу, что жить скучно, что зла и глупости больше, чем добра и ума. «В доме у меня так тихо: собака дремлет у ног моих, глядя на огонь в печке; сестра в других комнатах перечитывает, я думаю, старые письма... Я сто раз брал книгу, и книга падала из рук...». Батюшков чувствует «душевную пустоту» и

боится сойти с ума от такой жизни. Правда, можно было бы выехать в Вологду, но что там делать? «Здесь я по крайней мере наедине с сестрой Александрой..., по крайней мере с книгами, в тихой приятной горнице, и я иногда весел, весел, как царь. Недавно читал Державина «Описание Потемкинского праздника». Тишина, безмолвие ночи, сильное устремление мыслей, пораженное воображение, всё это произвело чудесное действие. Я вдруг увидел перед собою людей, толпу людей, свечи, апельсины, бриллианты, царицу, Потемкина, рыб, и бог знает чего не увидел: так был поражен мною прочитанным. Вне себя побежал к сестре... «Что с тобой?..». «Оно, они!..». «Перекрестись, голубчик!» Тут-то я насилу опомнился. Но это описание сильно врезалось в мою память. Какие стихи! Прочитай, прочитай, бога ради, со вниманием: ничем никогда я так поражен не был!..».

Немного позже Батюшков горько шутил, что ему уж не так плохо живётся: «Впрочем, у меня покои довольно теплы, для общества есть три собаки...». Но это его не удовлетворяет.

Батюшкова радуют письма друзей, сообщения о литературной жизни Петербурга, чтение и творчество. Он занимается переводами с итальянского, работает над оригинальными стихами. В одном из писем Гнедичу он сообщил, что делает «исполинские» успехи. А стихи свои так переправил, «что самому любо». Но Батюшков не только «перемарывает старые грехи». В этот период в Хантонове была написана одна из лучших сатир Батюшкова — «Видение на берегах Леты». Сатира сделала имя Батюшкова известным и определила его отношение к современной литературной борьбе. Странник прогрессивных сил в литературе, Батюшков выступил против шишковистов, тянувших литературу и язык к архаическим формам. Поэт едко и остроумно высмеял литера-

турных староверов, слепых подражателей иностранным образцам, уныло вздыхающих романтиков:

Эта сатира не была безделицей, как доказывают старые биографы Батюшкова: она явилась активной оценкой литературных течений. Посылая её Гнедичу, автор надеялся, что тот распространит стихотворение в петербургских литературных кругах. Тайные надежды Батюшкова оправдались. Сатира наделала много шума и создала автору немало врагов.

Помимо «Видения», Батюшков работает и над другими стихами. Он пишет ряд эпиграмм на мистического стихотворца С. С. Боброва («Как трудно Бибрису со славою ужиться»), на поэтессу из лагеря шишковистов А. П. Бунину («Мадригал новой Сафе»), на издателя А. В. Лукницкого («Не годен ни к чему Глупницкого журнал»), на поэта А. Ф. Мерзлякова, который своим переводом «задушил Аполлона». К эпиграммам примыкает и басня «Крот и мышь»; в ней автор осуждает журналистов, превративших литературную критику в средство добывания денег.

Вспоминая в деревне о посещении столичных театров, Батюшков посвящает восторженное стихотворение драматической актрисе Е. С. Семёновой, с успехом выступавшей в трагедиях Озерова.

Пережитыми впечатлениями навеяны и «Воспоминания 1807 года». В этом стихотворении автор вспоминает дни боевых походов, когда он, на чужбине, «в думу погружен, о родине мечтал».

В «Ответе Н. И. Гнедичу» Батюшков заявляет, что он «безвестностью доволен в сабинском домике своем». «Ответ» был откликом на послание Гнедича «К. Батюшкову» («Когда придешь в мою ты хату...»). В нём мы находим намёк на приезд Гнедича в Хантоново, куда Батюшков приглашал друга ещё в августе 1809 года:

«Приезжай лучше сюда; решишь — и дело в шляпе!».
В письмо он включает стихи:

«Тебя и нимфы ждут, объятая простирая,
И фавны дикие, кроталами играя.
Придешь, и все к тебе навстречу прибегут...
И даже сельский поп, сатир и пьяный плут.

А если не будешь, то всё переменит вид, всё заплачет, зарыдает:

Цветы завянут все, завоют рощи дики,
Слезами потекут кристальны ручейки,
И, резки испустив в болоте ближнем крики,
Прочь крылья наострят носасты кулики.
Печальны чибисы, умильны перепелки.
Не станут пастухи играть в свои свирелки,
Любовь и дружество — погибнет всё с тоски!»

В деревне Батюшков занимается и прозой: он дорабатывает «Отрывок из писем русского офицера о Финляндии». Видимо, эту статью он имел в виду, когда сообщал Гнедичу, что «написал целые груды» в прозе.

Отсутствие службы, нехватка средств для жизни не переставали беспокоить Батюшкова. Он писал Гнедичу, что его здесь считают лентяем. Поэт с горькой иронией замечает, что если бы он «строил мельницы, пивоварни, продавал, обманывал и исповедывал, то верно б прослыл честным и притом деятельным человеком». Но никто не знает, что он «целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает или рассуждает». К сожалению, эта работа почти не оплачивается, и Батюшков просит Гнедича посодействовать ему в поисках службы.

В январе 1810 года он попадает в Москву, хочет поступить на дипломатическую службу, считая, что при своём знании языков сможет быть полезен.

В Москву Батюшков приезжает в самый разгар борьбы между шишковистами и карамзинистами. У него

устанавливаются дружеские отношения с В. Л. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским — последователями Н. М. Карамзина, вошедшими потом в «Арзамас». Он знакомится и с самим Карамзиным.

Близость с ними, людьми состоятельными, богатая обстановка подмосковного имения князя Вяземского дают Батюшкову ещё сильнее почувствовать непрочность своего материального положения. Дела призывают его в скромный хантоновский домик. Боясь, чтобы новые друзья не стали его удерживать и не поколебали его решимости уехать, Батюшков исчезает из Остафьева внезапно и уже из деревни пишет объяснительное письмо Жуковскому.

В Хантоново поэт приехал летом и провёл там всю вторую половину 1810 года. Снова для больного Батюшкова потянулись однообразные деревенские дни, наполненные размышлениями и работой над стихами. Переписка давала мало радостных минут: московские друзья писали редко, а Гнедич несколько охладел к другу после его сближения с москвичами. Тем не менее, Батюшков продолжает делиться с ним своими литературными успехами и планами, пишет дружеские письма, шутивно излагает свой распорядок дня в деревне.

В письме к Жуковскому от 26 июля 1810 года он сообщал: «Музы, музочки не отстают и от больного. Посылаю тебе опыт в прозе, который, если хочешь, напечатай... Посылаю «Мечту» для Собрания. Да еще... подражание...». Речь идёт о стихотворении «Источник», помещённом Жуковским в части V «Собрания русских стихотворений». К этому же времени относятся и переводы сонетов Петрарки «На смерть Лауры», «Вечер». С увлечением Батюшков работает над переделкой любимой юношеской элегии «Мечта», которую вскоре

отсылает Гнедичу, и над «старинной повестью» «Предслава и Добрыня».

Впервые повесть была напечатана в 1832 году в «Северных цветах» и снабжена примечанием, которое приписывали одно время А. С. Пушкину: «Повесть сия сочинена Батюшковым в деревне (1810 года) и подарена одному любителю словесности, которому свидетельствуем искреннюю благодарность за доставление сей рукописи и за позволение напечатать оную. Может быть, найдут в этой повести недостаток создания и народности, может быть, скажут, что в ней не видно древней Руси и двора Владимирова; как бы то ни было, но поэтическая душа Батюшкова отсвечивается в ней, как и в других его произведениях, и нежные, благородные чувствования выражены прекрасным гармоническим слогом».

История, русская старина в этой повести являются условной рамкой, а основное внимание автора сосредоточено на любовной трагедии, описанной не без сентиментальности. Именно эта слащавость и отсутствие подлинного историзма дали право Белинскому назвать «Предславу и Добрыню» «пренелепой вещью».

Гнедич зовёт Батюшкова в Петербург, но его больше тянет в Москву, к новым друзьям. По дороге в Москву он задерживается в Вологде из-за серьёзной болезни. В декабре 1810 года из Вологды Батюшков пишет Гнедичу: «Я насилу пишу тебе: лихорадка меня замучила. Кстати, я советовался здесь с искусным лекарем... Он пощупал пульс, расспросил о болезни и посмотрел мне в глаза: «Вы, конечно, огорчаетесь много; я вам советую жить весело: это лучшее лекарство». Я ему засмеялся в глаза. Это лекарство, конечно, не выписывается из аптеки, а если оно есть в Петербурге, то пришли мне его на рубль».

Только в письме от 26 января Батюшков сообщает

своему другу, что начинает выздоравливать. А пока он, в Вологде, «с пустой головою и почти с пустым карманом», умирает от скуки.

В Вологде Батюшков не находит никакой умственной жизни, здесь, по его словам, «нет людей», с которыми он мог бы поделиться своими мыслями, поговорить о своих поэтических делах. Единственная новость, которой занят весь губернский город: «Межаков²) женится на племяннице Брянчанинова!».

В Вологде поэт томится ещё больше, чем в Хантонове и, едва окрепнув, уезжает в Москву.

Тоска, неудовлетворённость жизнью, сознание своего бездействия гонят Батюшкова из деревни в столицу, из столицы — в губернский город Вологду. Везде его преследует скука. Хочется «быть полезным обществу, себе, друзьям», — писал Батюшков. Но служба с её бюрократическим казённым духом отталкивала поэта.

Всё это угнетало Батюшкова, тяжело сказывалось на его здоровье и отражалось на творчестве, из которого постепенно исчезали жизнерадостные и вольнолюбивые мотивы, характерные для периода пребывания его в «Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств».

Снова попав в круговорот столичной жизни, Батюшков не успел оглянуться, как все его скромные средства пришли к концу, и он оказался не в состоянии выполнить просьбу Гнедича — приехать в Петербург. Обеспокоенный этим, Батюшков поспешил в деревню и в письмах оправдывался перед другом, который, обидевшись, два месяца не писал ему.

Ворчливость Гнедича, однако, не могла испортить хорошего настроения Батюшкова, связанного с московскими впечатлениями. Под влиянием московских друзей он веселее смотрит на жизнь, верит в свои силы. Прав-

да, в первые дни деревенского одиночества Батюшкова угнетает мысль, что он должен всю зиму просидеть в деревне, пока не соберёт необходимой суммы денег. Он даже бросает писать, ищет забвения в чтении, изучает философию, бранит французского реакционного романтика Шатобриана за мистику, поповщину, ипохондрию и просит прислать Крылова.

Вскоре Батюшков принимается за работу. Вторая половина 1811 года, проведённая в деревне, была плодотворной для поэта. Он читает, пишет, следит за литературными новинками, задумывает новые произведения, посылает весёлые письма П. А. Вяземскому, а Гнедичу — шуточные стихи и переводы, сообщая о себе, что он «завален книгами и снегом», что пишет прекрасные стихи.

В этот период деревенской жизни Батюшков работает над одной из интереснейших своих статей — «Прогулка по Москве». Ещё в начале 1810 года он сообщил Гнедичу, что пришлёт ему длинное описание Москвы и её жителей. Прямых указаний на время создания статьи мы не имеем, но, судя по фактам, работа над нею была прекращена в конце 1811 — начале 1812 годов. Статья появилась только в 1869 году в «Русском архиве», как «вновь найденное сочинение Батюшкова». При жизни автора она не была напечатана. Это объясняется тем, что Батюшков её не закончил, а ещё больше тем, что она была сатирической и высмеивала нравы и характеры «заванных москвичей».

Батюшков говорит, что Москва — крупнейшая в мире столица, что это «исключительный город, построенный великанами», город, полный величественных зданий, особенно прекрасных в Кремле.

Но в Москве причудливо сочетаются древние русские обычаи с европейскими уродливыми модами. Батюшков высмеивает московских франтов — дворян, которые «все

хотят прослыть иностранцами, картавят и кривляются». Он обращает внимание читателя на пожилого человека, который «ездил нарочно в Лондон, чтобы посоветоваться с известным коновалом о болезни своей английской кобылы». Батюшкову больно видеть, что московские книжные лавки торгуют иностранной макулатурой — «достойным чтением невежества, бессмыслия и разврата».

Москва представляла собою разительные контрасты между богатством и нищетой: «Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней. Здесь целое семейство, изнурённое нуждами, голодом и стужей: дети полунагие, мать за пряслицей, отец, старый заслуженный офицер, в изорванном майорском камзоле, починивает старые башмаки и ветхий плащ, затем, чтоб по утру можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба, а оттуда пробраться к человеколюбивому лекарю, который посещает его больную дочь». А рядом — огромные палаты, излишество, изобилие, и хозяин, целыми днями зевающий у камина, потерявший ум и сердце. «Вот Москва, большой город, жилище роскоши и нищеты!».

Батюшков даёт замечательно живые портреты московских бар, признанных красавиц, кумушек и сплетниц, блестящих гусар, холостяков, присяжных болтунов, щёголей и щеголих. Читая эту статью, мы попадаем в то самое общество, которое высмеяно Грибоедовым в «Горе от ума», — в фамусовское дворянское общество Москвы.

В одном из самых интересных стихотворений, написанных в этот период деревенской жизни, — в послании к Жуковскому и Вяземскому «Мои пенаты», Батюшков раскрывает тему роскоши в противопоставлении бедности. Ещё в октябре 1811 года, в письме к Гнедичу, он приводит четыре строки из этого стихотворения, а в кон-

це ноября посылает его черновой набросок Вяземскому: «... Я и сам написал кое-что, что прошу прочитать и сказать ваше суждение без всякого пристрастия. Это конец послания к Пенатам. Поэт, то есть я, адресуется к Вяземскому и Жуковскому; но этого не показывай никому, потому что ещё не переправлено; переписать всё лень и лень необоримая. Конец живее начала. А?». Батюшков был очень обрадован, узнав, что послание понравилось Вяземскому.

Поэт воспеваает скромный хантоновский домик, «отеческие пенаты», которые «златом не богаты» и не гнушаются скромной обители:

В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

К этой убогой хижине не найдут дороги богатство, разврат, продажность и гордость. Но калека и слепой, седой старик и бывший воин могут смело постучаться в двери и найти приют у жаркого огня. А какие радости ждут поэта, когда воображаемая Лилета тайком вечерами пробирается в его скромное жилище... Здесь и поэтическое вдохновение охотнее посещает поэта «без злата и честей», «и часто в мирной сени» беседует с ним. Здесь познаются и лучшие творения Ломоносова, Державина,

Карамзина. В своей «смиренной хате» Батюшков находит счастье, которое он хочет скрыть «от зависти людской» и призывает только Вяземского и Жуковского посетить его в деревенском уединении.

Белинский, почти целиком процитировавший это «преlestное послание», высоко оценил его не только за поэтическое обаяние и мастерство, а главным образом за определённую, органическую жизненность. Подчёркнутая великим критиком реалистичность послания и многих других стихотворений Батюшкова и определила самостоятельное место поэта в литературе допушкинского периода.

Пушкин отметил, что стихотворение «Мои пенаты» «дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения», и под живым впечатлением от него написал свое произведение «Городок».

Напряжённая работа Батюшкова продолжалась до января 1812 года, когда он покинул деревню и отправился в Петербург с намерением серьёзно заняться вопросами службы.

Старания Батюшкова на сей раз были безрезультатными: он становится работником публичной библиотеки, сослуживцем Крылова и Гнедича. Он находит удовлетворение в работе, но его тревожат письма из деревни, где попрежнему дела идут плохо. Он и сочувствует сёстрам, и страшится, что они могут отвлечь его от петербургских занятий.

В письме к Александре Николаевне от 1 мая 1812 года из Петербурга есть следующие строки: «Как бы то ни было, мой милый друг, весною легче жить в деревне. Пригласи сестёр. Что они делают в болоте? Занимайся садом и своими курицами. Я право иногда вам завидую и желаю быть хоть на день в деревне... Бога ради, не отвлекайте меня из Петербурга: это может быть вредно моим предприятиям касательно службы и кармана».

Батюшков мечтает хотя бы год пожить на одном месте, но события Отечественной войны надолго отрываюот его от друзей, сестёр, от родных мест. Продвижение Наполеона в глубь России заставляет поэта тревожиться об участи сестёр. Он советует им переехать в Вологду и сам приезжает туда, следуя приглашению П. А. Вяземского.

В конце 1812 года Батюшков дважды побывал в Вологде, с чувством боли проезжал через разорённую и обгоревшую Москву. Любовь к родине и тревога за неё призывают поэта на военную службу. Вместе с русской армией Батюшков проделал победоносный путь до Парижа, побывал в Германии, Англии, Швеции, везде с любовью и гордостью вспоминая родную Россию.

Вернувшись в Петербург, он был охвачен прежними тревогами. Сёстры из Хантонова не сообщали ничего утешительного, надо было ехать к ним. Он просит сестру Александру убрать для него баню и обить её обоями: «Если бог меня принесёт к вам, то я не захочу беспокоить тебя, а в бане, кажется, и мне хорошо будет».

Огорчённый личными неудачами, Батюшков отправляется в деревню. Он заезжает в Даниловское к отцу, но встреча с отцом не радует поэта: «Я был у батюшки, — писал он Е. Ф. Муравьёвой, — и нашёл его в горестном положении: дела его расстроены, но поправить можно ему самому. Шесть дней, которые провёл у него, измучили меня».

Только зимой 1815 года Батюшков встречается в Хантонове с сёстрами. На него сваливаются новые хлопоты и новые огорчения. Весь отпуск пришлось провести в хозяйственных делах, в заботах о том, чтобы заложить имение в опекунский совет.

Весной 1815 года Батюшков пишет послание к И. М. Муравьёву-Апостолу. Это стихотворение находится в

прямой связи со статьёй Батюшкова «О поэте и поэзии». И там и здесь утверждается мысль о том, что впечатления ранней юности имеют большое значение для формирования поэта. Батюшков описывает родную для него северную природу, которая была колыбелью русского гения — Ломоносова:

В красе божественной любимцу своему,
Природа! ты не раз на Севере являлась.
И в пламенной душе навеки начерталась...

В другом стихотворении, «Странствователь и домосед», написанном здесь же, поэт прославляет северную петровскую столицу, выражает свою любовь к ней:

Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волненьями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел, наконец, Адмиралтейский шпиг,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!..

Однако этот период пребывания в деревне мало обогатил поэтическое наследство Батюшкова. Отпуск его кончался, увольнение из армии он не получил и вынужден был ехать к месту службы в Каменец-Подольск. Это было в июле 1815 года. Батюшков имел некоторую надежду, что будет переведён в гвардию. Но эта надежда не оправдалась, а жизнь в провинциальном мешчанском городке становилась невыносимой. Батюшков решил распрощаться с армией — подал в отставку и выехал в Москву.

19 апреля 1816 года он писал сестре: «Здоровье моё очень плохо.., когда кончится этот дом? Когда заживём вместе? Нельзя ли к зиме совершенно достроить и зиму провести в Хантонове во спасение души, тела и кармана? Книги, бога ради, книги мои все собери из Вологды, до последней книженки...».

Желание Батюшкова было выполнено, и в самом конце 1816 года по зимнему пути он отправился в деревню. Уже в начале января следующего года он писал Вяземскому, что недавно прибыл в родные края, разъезжает по всему имению, а теперь раскладывает свои книги и хочет заняться делом; если здоровье позволит, то примется за стихи. А здоровье было далеко не блестящим, беспокоила раненая нога. Но Батюшков бодрился ездил даже верхом и старался вести правильный, размеренный образ жизни.

Спасение от деревенской скуки, от недомоганий поэт находит в работе. Он готовит к печати собрание своих произведений — «Опыты в стихах и прозе». Всеми издательскими делами занимался старым друг Батюшкова — Гнедич. Письма Батюшкова к нему были полны различных указаний, советов и вопросов по поводу издания книги. Батюшков просит не помещать его портрета, не делать особого шума вокруг книги, обещает прислать новые элегии — «Умиравшего Тасса», «Омира и Гезиода» и другие.

Это были годы наивысшей творческой зрелости Батюшкова. Он чувствует себя гораздо самостоятельнее, заявляет о том, что ни перед кем не склоняется, идёт своим путём. У него складывается определённое мнение о литературном движении в России, о своих современниках, которым он даёт острые и меткие характеристики.

Забравшись в деревенскую глушь, Батюшков старается философски не замечать окружающей его неприглядной обстановки. В письмах к друзьям он шутливо замечает, что живёт «среди медведей, но духом посреди избранных». Он работает, несмотря на плохое здоровье: «Я в снегах; около меня снег и лёд. Здоровье плохо, очень плохо, но я тружусь...».

Нужда, постоянно угнетавшая Батюшкова, терзает его и в деревне. «Чухотка в кармане. В виду—ни гроша

почти на весь год», — пишет он. И всё же в деревенской тиши Батюшков много работает, творчество даёт ему удовлетворение и радость. Он разрабатывает планы новых произведений, пишет здесь свою знаменитую элегию «Умиравший Тасс», заканчивает элегию «Гезиод и Омир — соперники», пересматривает и исправляет написанное.

Элегию «Умиравший Тасс» Батюшков считал лучшим своим стихотворением. Мысли об элегии занимают поэта, и он постоянно упоминает о ней в своих письмах. 27 февраля 1817 года Батюшков сообщает Гнедичу, что начал новую элегию — «Смерть Тасса». Было написано более 150 стихов, но новые приступы болезни замедлили работу над элегией. 4 марта Батюшков жалуется Вяземскому, что перо выпало из рук, и он не может продолжать начатого. «Боль в груди отрывает меня от письменного стола, и это пишу стоя. Как и стоя писать?.. Нога болит. Лёжа не могу, а писать хочется. Изобретите новый способ, вы, люди умные».

В мае «Умиравший Тасс» был окончен и послан Гнедичу, который включил элегию во второй том «Опытов». В элегии Батюшков воспел последние минуты жизни Торквато Тассо, итальянского поэта эпохи Возрождения, автора «Освобождённого Иерусалима».

Батюшков работает и над элегией «Гезиод и Омир — соперники», подготавливая её к печати. В ней разрабатывается легендарный сюжет о поэтическом состязании Гомера и Гезиода.

Национальная специфика творчества Батюшкова особенно сильно обнаруживается в его стихах, к которым относится законченная в Хантонове в 1817 году элегия «Переход через Рейн». В ней говорится о переходе русских войск через Рейн 2 января 1814 года. Стихотворение проникнуто духом патриотизма, восхищением мощью русского оружия:

... Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..
... Мы здесь, о, Рейн, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
Ура победы и зыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.

В начале июля 1817 года Батюшков отправляет Гнедичу для «Опытов» только что написанное им «Послание к Никите Муравьеву», в котором вспоминает о своих боевых походах.

Заканчивая работу над стихами, предназначенными для «Опытов», Батюшков написал посвящение «К друзьям». Оно было помещено в начале сборника как предисловие.

Одновременно поэт не оставляет и своей переводческой деятельности. Среди других отрывков, он переводит известную новеллу Боккачио.. «Гризельда», отрывок из второй песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, «Исступление Орланда» (из Ариосто), «Письма Бернарда Тасса к Порции о воспитании детей». Переводы Батюшкова были оригинальными, талантливыми произведениями, в которых поэт «оставался самим собою», по словам В. Г. Белинского, высоко ценившего «совершенно самобытный характер» поэзии Батюшкова.

Занятия, интересы Батюшкова, его мысли и переживания в период деревенского «заточения» получили своё отражение в записной книжке, названной «Чужое — моё сокровище». На ней стояла надпись: «Деревня — летом 1817 г.». В эту записную книжку Батюшков заносил особенно понравившиеся ему отрывки из произведений русских и иностранных поэтов и писателей. Здесь же мы

находим мысли Батюшкова, возникавшие при чтении книг, воспоминания, замечания и т. д. Книжка свидетельствует о разнообразных интересах Батюшкова, о тонком чувстве поэзии. Среди заметок попадаются и дневниковые записи чисто бытового характера. На одной из страниц мы встречаем вычисление расходов на петербургскую жизнь и выражение надежды на то, что дела устроятся благополучно и он обретёт «милую независимость».

3 мая 1817 года поэт пишет: «Болезнь моя не миновала, а немного затихла. Кругом мрачное молчание, дом пуст, дождик накрапывает, в саду слякоть. Что делать? Всё прочитал, что было, даже «Вестник Европы». Давай вспоминать старину». Но у поэта нет определённого плана воспоминаний, кроме того, он, шутя, заявляет, что не умеет рассуждать, так как мал ростом, не дороден, не чиновен, не знатен, не богат, не женат и т. п. Батюшков обращается к боевым воспоминаниям.

Между прочим, Батюшкова занимает мысль о книге по истории русской литературы и русского языка. Он даже составляет подробный план. Но замысел остался неосуществлённым. Поэт читает Хераскова, Сумарокова, пишет небольшую статью о Ломоносове, но приняться за книгу не может. «В деревне, — писал он Вяземскому, — не могу приняться за этот труд, требующий книг, советов и здоровья, и одобрительной улыбки дружества».

Не осуществилось и намерение написать поэму «Русалка», хотя сюжет её был разработан и разбит по песням.

С наступлением весны деревенская обстановка становится милее. Правда, весна была поздняя, но в конце мая 1817 года Батюшков пишет Гнедичу, что впервые в жизни убрал беседку по своему вкусу, и это его так веселит, что он не отходит от письменного столика и по целым часам просиживает в беседке, работая и размыш-

ляя. Этим обстоятельством навеяно стихотворение «Беседка муз».

Жуковскому он сообщает, что у жителей городов есть все основания завидовать ему, Батюшкову, что у него «беседка в саду, четыре опрятные, весёлые комнаты..., с балкона вид прелестный: река, лес, одним словом: прелесть... А у вас и пыль, и слякоть, и стук карет...».

В начале июля Батюшков на несколько дней выезжает в Москву, а в конце месяца навещает отца в Даниловском, где живёт три недели и 17 августа отправляется из Устюжны в Петербург.

В Петербурге состоялось торжественное принятие поэта в «Арзамас». В октябре вышли «Опыты», хорошо встреченные литературной общественностью и, в частности, 18-летним Александром Пушкиным, который становился уже видным ценителем поэзии. Успех ободряет Батюшкова, он начинает более настойчиво хлопотать о получении дипломатической службы. В это время умирает отец. Батюшков спешит в Даниловское, чтобы спасти от торгов имение. 16 ноября 1818 года он посылает прощальное письмо сестре Александре с последними распоряжениями и особой просьбой заботиться о маленьких брате и сестричке, а также о тех людях, которые ему служили.

Вскоре поэт отправляется в Италию. На чужбине, вдали от родных и друзей, развивается та страшная душевная болезнь, которая навсегда вывела его из строя задолго до физической смерти.

В родные вологодские места Батюшкову не суждено было вернуться в здравом рассудке. Он был перевезён в Вологду в 1833 году и выезжал из неё только на лето, в деревню. Все заботы о больном лежали на его племяннике Г. А. Гревенсе. От одного из членов этой семьи мы узнаём о последних годах жизни поэта³⁾.

Заботы и внимание родных несколько улучшили ду-

шевное состояние больного. Батюшков перестал бояться людей, начал проявлять интерес к книгам, часто вспоминал юность, друзей, боевые походы. Любимым занятием его было собирание цветов, рисование букетов с натуры и мрачных пейзажей. Свои рисунки он часто дарил детям. Батюшков любил прогуливаться по вологодским улицам и бульварам, а живя в деревне, гулял целыми днями; эта любовь к воздуху и ходьбе физически укрепляла его.

Больной не был вполне безразличен к окружающей жизни. Он интересовался событиями русско-турецкой войны, следил за ходом военных действий, видимо, вспоминая походы русской армии, в которых участвовал сам.

Один из вологодских старожилов, Д. Волоцкий, вспоминал, что Батюшков любил стоять у окна, скрестив руки на груди, и смотреть на собор и кремлёвскую стену. Кто из вологжан не знает этого дома, мемориальная доска на котором сообщает о том, что здесь жил и умер Батюшков?!

27 июня 1855 года Константин Николаевич заболел тифом. 7 июля 1855 года Батюшкова не стало. Тифозная горячка унесла в могилу 68-летнего старика. Вологодские жители, представители общественности проводили в последний путь русского поэта и похоронили его в Спасо-Прилуцком монастыре, в 5 верстах от Вологды.

Белинский с глубокой горечью переживал раннюю для поэзии кончину Батюшкова, этого «превосходного поэтического таланта», который «был гораздо выше того, что сделано им», таланта, «задушенного временем». Белинский говорил, что имя Батюшкова «сияет в истории русской поэзии» потому, что он был «учителем Пушкина». В нём «первом из русских поэтов художественный элемент явился преобладающим элементом», Батюшков «первый на Руси создал антологический стих» (Белинский), первый обратился к новому в то время жанру

«лёгкой поэзии» — элегии. Творчество Батюшкова имело и многие недостатки, отмеченные Белинским, например, неровность и незрелость стиха, незавершённость формы, отсутствие глубины и т. д. «Он был сын своего времени — вот где причина его недостатков», — писал Белинский. Говоря о новаторстве русского национального гения Пушкина, великий критик отмечал, что «Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги со стороны Батюшкова достаточно, чтобы имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением».

Пушкин, особенно в юности, высоко ценил своего учителя и предшественника. Правда, с поэтической зрелостью к Пушкину пришло критическое отношение к стихам Батюшкова. Это отразилось в заметках Пушкина на полях сборника «Опыты». Однако и зрелый Пушкин в творчестве Батюшкова видел большие достоинства, о чём свидетельствуют краткие замечания: «Прекрасно!», «Живо!», «Прелесть!», «Прелесть и совершенство — какая гармония», «Что за чудотворец этот Батюшков!», «Сильные стихи!» и т. д. Пушкин находил умной и смешной сатиру «Видение на берегах Леты» и очень любил «Беседку муз», «Переход через Рейн», «Мои пенаты» и некоторые другие стихи.

Имя и творчество Батюшкова принадлежат русской литературе и русскому народу. Вологжанам особенно дорого то, что имя К. Н. Батюшкова и его творчество связаны с их областью, с её природой, её культурой и людьми. И когда мы вспоминаем и оцениваем жизнь Батюшкова, перед нами встаёт цельный образ поэта и человека с его печальной судьбой. Мы видим Батюшкова-патриота, искренне болеющего и борющегося за Россию, за её культуру, Батюшкова-труженика, Батюшкова-поэта, преодолевающего недуги ради творчества.

Батюшков тосковал по вологодским «пенатам», по родной северной природе. Эта тоска по родине выразилась в стихах и письмах. В стихотворении «Пленный» он пишет:

«... Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне
И в дебрях, и в снегах.
Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров.
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!..».

Вологжане с уважением и любовью вспоминают имя Батюшкова. Памяти Батюшкова посвятил стихотворение вологодский поэт XIX века Ф. П. Савинов ⁴⁾:

Любил он наш север, природу родную,
«Светила любезного» сердцу искал,
И грусть, и печали, и душу больную
Лишь только в родимом краю врачевал..
Он странствовал много и часто при жизни.
Отторженный рано от дома судьбой,
Но с юга, прекрасного юга, к отчизне,
К любимым пенатам он рвался душой...

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

(1792—1878)

Осенью 1812 года в Вологде было необычайное оживление: одна за другой прибывали великосветские семьи, бежавшие из занятой Наполеоном Москвы; спешно перевозились в Спасо-Прилуцкий монастырь церковные ценности, дела Московской консистории и Синодальной конторы.

В это же время на родине своего друга Батюшкова побывал один из оригинальных поэтов начала прошлого века — Пётр Андреевич Вяземский.

Вяземский был близок к Пушкину. Великий поэт ценил друга за «свой слог», дорожил его мнением, высоко отзывался о некоторых его стихах, «чрезвычайно живой» прозе и о критических статьях, носящих на себе «отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального».

В первой своей статье «Литературные мечтания» Белинский принимал Вяземского ещё безоговорочно. Он

писал, что «князь Вяземский принадлежит к числу замечательных наших поэтов и литераторов». Но позже великий критик отметил «светский, салонный» характер его стихотворений, а в письме к Гоголю негодовал на то, что Гоголь произвёл Вяземского «в великие поэты»¹⁾.

1 сентября 1812 года, перед самым занятием Москвы французами, Вяземский вернулся с Бородинского поля, где он участвовал в бою, и сейчас же выехал вместе с Н. М. Карамзиным в Ярославль. Из Ярославля Карамзин выбыл в Нижний-Новгород, а Вяземские заехали в своё село Красное (под Костромой) и «оттуда отправились в Вологду».

«Выбор мой пал на этот город потому, — сообщал Вяземский, — что в Вологду ехал наш знакомый, знаменитый московский врач и акушёр Рихтер».

Жена Вяземского должна была родить первого ребёнка, и В. Рихтер находился в Вологде в семье князя. Здесь же он писал своё сочинение «История медицины в России».

Вяземский встретил в Вологде приехавшего сюда поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого, профессора Христиана Шлёцера и других московских знакомых.

Оказавшись в небольшом северном городке, вдали от шумной московской жизни, Вяземский остро ощущал отсутствие старых друзей — поэтов. В стихотворении «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину», написанном в Вологде, Вяземский выражает тоску по поводу разлуки с ними, говорит о своём одиночестве²⁾.

Поэт приглашает друзей к себе, в Вологду. Особенно настойчиво звал он Батюшкова, находившегося в Нижнем-Новгороде. Зная ещё от Карамзиных, что Вяземский оказался на его родине, Батюшков писал ему 3 октября:

«Ты меня зовёшь в Вологду, и я, конечно, приехал бы, не замедля минутой, если б была возможность». В этом же письме Батюшков горюет по поводу тяжёлого поло-

жения страны; он хочет вступить в армию. «Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, всё осквернено шайкою варваров!».

Не имея друзей, близких его интересам, Вяземский ищет новых связей, знакомится с новым для него городом.

В это время губернским прокурором в Вологде был поэт Н. Ф. Остолопов³), хорошо известный Вяземскому своими стихотворениями.

Только что вступавший в литературу Вяземский решил познакомиться с известным и уважаемым в литературных кругах поэтом. В первые же дни он отправил Остолопову стихотворное послание, приглашая его к себе.

В послании «К Остолопову» Вяземский между прочим писал:

Я в Вологду попал, бог-весть
Какой печальною судьбою.
Московский житель с ранних пор,
Как солнце мой увидел взор,
О Вологде, перед тобою
Я признаюсь — не помышлял,
Ни в явь, ни между сновидений
О ней не думал, не гадал...

Вяземский говорит, что, находясь «в скуке одинокой», он взял Адрес-календарь и с радостью увидел среди незнакомых имён имя Остолопова.

Светлеет пасмурный мой взор —
Здесь муз любимец прокурор!
Не откажи ты мне во дружбе.
В одной считаемся мы службе,
Хотя и не в одних чинах...

6 октября 1812 года Остолопов написал ответное послание, в котором выразил радость по поводу приезда Вяземского в Вологду.

Сблизившись с Остолоповым, Вяземский принимает

его в своё общество, читает ему стихи, показывает письма от московских и петербургских друзей.

«Вологодский поэт Остолопов, — пишет Вяземский, — заимствовав тогда счастливое и пророческое выражение из письма ко мне А. И. Тургенева, заключил одно патриотическое стихотворение следующим стихом:

Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу...

Мог ли Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вещего и что отречение, подписанное им в Фонтенебло в 1814 году, было ещё в 1812 году дело уже порешённое губернским прокурором в Вологде».

Видимо, и Вяземский бывал в семье Остолоповых: 26 ноября 1812 года он написал стихотворение «В альбом Татьяне Фёдоровне Остолоповой». Кроме того, очевидно, в Вологде им написаны, помеченные 1812 годом, стихотворения «Путь к честности», «Оправдание Вольтера», «Песня» и «Вакхическая песня».

Жизнь в Вологде «ещё более сблизила» Вяземского с Нелединским-Мелецким⁴). Поэты часто встречались. Утром обычно Нелединский пересматривал свои стихотворения и вносил в них исправления, советовался с Вяземским. Вечерами собирались в доме Нелединского, читали его стихи и стихи других поэтов. Часто вместе с Нелединским Вяземский подолгу просиживал у вологодского митрополита Евгения Болховитинова, который был у них «третьим литературным посредником».

«Вообще литература, — вспоминал Вяземский в очерке о Нелединском, — была любимым развлечением в тяжёлую осень 1812 года. Особенно, когда военные действия приняли лучший оборот и с освобождением Москвы от неприятеля сердце у нас отлегло и... прежние испытания были забыты...».

Сблизился Вяземский с сёстрами и зятем Батюшкова П. А. Шепиловым. Шепилов, служивший в то время в

Вологде по учебной части, в свою очередь познакомил поэта с директором училищ А. С. Волоцким.

Надо сказать, что в 1812 году жить на широкую ногу Вяземский уже не мог, как это было раньше. Он проиграл состояние, полученное в наследство, и оказался в долгах. В Вологде Вяземские жили довольно скромно.

Дважды — первый раз в октябре, а потом в декабре — из Нижнего в Вологду для свидания с Вяземскими и родными приезжал Батюшков. В эти приезды литературные диспуты и беседы велись с ещё большим жаром. Но чаще всего «вологодские поэты» с горечью вспоминали о разрушенной французами Москве, внимательно следили за военными событиями, радуясь изгнанию врагов из России.

16 октября 1812 года Н. М. Карамзин письмом в Вологду поздравил Вяземского с рождением сына Андрея и с освобождением Москвы от Наполеона. «Дай бог..., — пишет он, — чтобы Вологда в последствии времени не напоминала вам ничего, кроме приятного!». Карамзин здесь же замечает: «Батюшков нам рассказывал о вашем житье-бытье», а в другом письме, от 12 декабря 1812 года, пишет: «Батюшков должен быть у вас».

Кроме общения с вологодскими друзьями и знакомыми, Вяземский часто обменивался письмами с Карамзиным, Батюшковым; 9 октября написал письмо И. Ф. Грамматину в Кострому, 26 октября — А. И. Тургеневу в С.-Петербург, переписывался с В. Л. Пушкиным, Д. П. Севериным, П. В. Мятлевым и другими.

Живя в Вологде, Вяземский хорошо познакомился с бытом и нравами её жителей. Он высоко отзывался о древней культуре этого севернорусского городка, но вместе с тем отмечал запущенность его, невыносимую грязь на улицах. «Описывая Вологду, — отвечал Н. Ф. Грамматин Вяземскому 23 октября 1812 года, — вы описываете Кострому: здесь такая же грязь, как и у вас...».

Сообщение с Вологдой в ту пору было чрезвычайно затруднённое, даже почта приходила в город всего лишь раз в неделю. Вяземскому часто приходилось видеть, как в почтовый день у лавки купца Коровникова собирались толпы людей. Они с нетерпением ожидали газет и столичных «новостей». Здесь же толпились, дрожа на лютном морозе, военнопленные французы, желавшие знать об участии наполеоновской армии, спешно покидавшей негостеприимную для неё страну.

«В прогулках моих по Вологде, — вспоминал Вяземский, — встречал я часто пленных французов в самом жалком и бедственном виде. Зима была жестокая, а одежда и обувь их были совершенно летние...».

В. Л. Пушкин писал 14 декабря Вяземскому из Нижнего: «Я вижу из письма твоего, что ты грустишь о Москве, но как и не грустить о кормилице нашей?».

В конце декабря Вяземский, оставив семью в Вологде, выехал на некоторое время в Москву. Возвратившись, он не застал уже в Вологде ни Нелединских-Мелецких, ни Кашкиных, ни других московских семей, с которыми был близок.

Рассеянные войной по разным городам страны, московские жители постепенно передвигались ближе к своим домам. В Москву возвращались литературные друзья Вяземского и с нетерпением ожидали встречи с ним. В начале 1813 года в Вологду пришло письмо от Грибоедова. «Бросайте же Вологду, — писал он княгине В. Ф. Вяземской, — и приезжайте насладиться той радостью, с которой вас встретят все наши добрые знакомые, к которым прошу причислить и вашего усердного А. Грибоедова. Тысячу добрых пожеланий от меня князю»⁵⁾..

Вскоре Вяземские переехали в Ярославль.

В. И. КРАСОВ

(1810—1855)

В романе «Рудин» И. С. Тургенев рисует среди других членов кружка Покорского (Станкевича) «взъерошенного», «милейшего поэта» Субботина. Исследователи видят в Субботине черты поэта-вологжанина Василия Ивановича Красова.

Красов родился в 1810 году в Кадникове, в семье бедного соборного протоиерея. Проведя свое детство на улице, «на лугу», среди простого народа, будущий поэт рано узнал тяжёлую его жизнь, проникся его настроениями и думами. Впоследствии, в стихотворении «Бабушка», Красов называет своё детство «бедным» и с грустью вспоминает рассказ бабушки о тяжёлой жизни, о горе, не покидавшем семью. И всё же детские годы поэта, на долю которого, как и на долю многих других передовых людей того времени, выпала нищенская, полная лишений и невзгод жизнь, были лучшими в сравнении с теми, какие пришлось ему пережить позже. Детство предстаёт поэту в оваянных сладкой грустью образах «дальной милой стороны»:

Но всех более люблю я
Детство бедное моё,
С сладкой грустью бужу я
Стародавнее житьё¹⁾.

Красов любил родные места, в которых провёл свои «лучшие дни». Он с гордостью называл себя «сыном севера» и в письмах к Белинскому высказывал заветное желание получить «на старости лет» место учителя в своей «северной, родной» губернии. «Это мне так по сердцу», — сообщал он великому критику²⁾. Тоскуя по родному краю, вспоминая «детских лет волнующую даль», Красов писал:

И тёмные леса, и бурный мой поток,
И игры шумные, и первое волнение —
Всё живо вновь в моём воображеньи...
Вон дом большой чернеет под горой,
Заря вечерняя за лесом потухает...

Родители Красова хотели, чтобы сын их пошёл по пути отца, и отдали его в Вологодскую семинарию, где он получил хорошую подготовку по греческому и латинскому языкам. Но будущий поэт не проявил никакого интереса к богословским наукам. Он мечтал об университетском образовании, о литературе и уже в семинарии начал писать стихи.

За время обучения в Вологде Красов ещё больше сблизился с народом, «узнал и полюбил деревенскую жизнь, пробираясь пешком из Вологды домой на летние вакации»³⁾.

Окончив в 1830 году Вологодскую семинарию, Красов поступил на словесный факультет Московского университета и вскоре стал «признанным поэтом». В 1833 году студенческий хор исполнял на торжественном акте написанную им кантату; несколько позже Красов написал романс «Опять пред тобой я стою очарован», который известен и до сих пор.

Павел Шейн, издатель стихотворений Красова, говорит, что его стихи «в тридцатых и сороковых годах печатались в лучших журналах того времени, наряду со

стихотворениями Лермонтова, Огарёва и Кольцова; многие из них с увлечением читались, перечитывались, заучивались наизусть просвещёнейшими современниками...».

Будучи студентом университета, Красов хорошо познакомился с Белинским и Лермонтовым. Лермонтов, — писал он в 1841 году Краевскому, — был «когда-то короткое время моим товарищем по университету...».

Вскоре Красов становится членом студенческого философско-литературного кружка Н. В. Станкевича, в который входил и молодой Белинский. Среди своих друзей Красов выделялся необыкновенной романтической восторженностью и впечатлительностью. Обладая огромной фантазией, доходя до чрезмерного воодушевления, он желал видеть в жизни только прекрасное, фантастически-чудесное. Первые стихи молодого поэта, печатавшиеся в 1832—1833 гг. в «Телескопе», «Московском наблюдателе» и других журналах тех лет, были проникнуты восторженным патриотизмом. Поэт ослеплён мечтой о хорошем, о благородном подвиге. Не видя чудесного в обстановке царского режима, Красов обращается к героическим темам исторического прошлого своей родины. В одном из первых печатных стихотворений, «Куликово поле», посвящённом Станкевичу, поэт прославляет Дмитрия Донского, храбро сражавшегося для славы Родины, и сетует на то, что «теперь молчит, молчит победы поле...».

Красов обращает свой взор к эпохе Ивана Грозного, воспевая покорителя Сибири Ермака («К Уралу»). В этом стихотворении сказывается влияние на Красова народной поэтической традиции, которая нашла яркое выражение в творчестве его талантливой современника Кольцова.

Рождённый и выросший среди тружеников Севера, Красов воспринял их песенное мастерство. Полюбив на-

род, поэт вносил усвоенную от него безыскусственность, искренность и непосредственность не только в свои стихи, но и в среду кружковцев.

«Общество, в котором я беседую о старых предметах, согревающих душу, — писал Станкевич в одном из писем, — ограничивается Белинским и Красовым: эти люди способны вспыхнуть, прослезиться от всякой прекрасной мысли, от всякого благородного подвига!».

Прославлению этого величественного «благородного подвига» посвящено стихотворение Красова «Булат». Дедовский меч напоминает поэту о воинской славе русского народа. Заветный булат «погулял в полях Полтавы, для русской чести, русской славы!», «выручал и честь отчизны, и честь великого Петра!». Теперь же меч покрылся ржавчиной и напоминает поэту лишь «живой рассказ о старине».

Красов приглашает своих современников познать подвиги славян, испить старинную отцовскую чашу, которая, быть может, помнит «злодея Мамайя и тяжкое иго жестоких татар». «Ну, пейте ж из чаши заветной, друзья, — призывает поэт. — И пойте победы, — нын очередь наша!».

Но эти мотивы не стали характерными для всего творчества Красова. Ещё в студенческие годы молодой поэт, переживая тяжёлые лишения, нищету, познал всю горечь жизни. Его восторженные мечты рушились при соприкосновении с мрачной действительностью. «Заботы с насущном хлебе, — вспоминал один из современников, хорошо знавший Красова, — были его злейшим врагом».

Окончание университета в 1835 году не внесло в жизнь Красова каких-либо изменений. Получив должность старшего учителя Черниговской гимназии, поэт оказался оторванным от своих московских друзей и от родных вологодских мест. Красов тяжело переживал материальную необеспеченность родителей, постоянно про-

сивших его о помощи; много работал, теряя своё здоровье, утрачивая возвышенную мечту о лучших временах.

Заняв в сентябре 1837 года должность адъюнкта по кафедре словесности в Киевском университете, Красов недолго задержался здесь. Он писал Белинскому: «теперь много работы — диссертация и лекции». Однако, читая курс истории красноречия и «изъяснения свойств» русского языка, Красов попрежнему увлекался поэзией.

Мысли, высказанные молодым учёным в его докторской диссертации, представленной в конце 1838 года к защите, не понравились консервативной профессуре, и Красову отказали в учёной степени, а вскоре уволили из университета. Оставшись без каких-либо средств к существованию, поэт с попутным обозом, в дырявой шинелишке, «питаюсь по пути чёрным хлебом», пробирается в Москву.

12 февраля 1840 года Грановский писал Станкевичу, находившемуся за границей: «На днях сюда приехал Красов... Всё тот же. Зажмурит глаза и читает стихи». Анненков же сообщал, что Красов в это время «целый день пребывал в мечтах».

Однако Красов был уже далеко не тем восторженным юношей, каким знали его друзья из кружка Станкевича. Ещё в 1833 году в стихотворении «Мечта» он жаловался на то, что «мечта высокая, прекрасная» оставляет его:

И горе мне, когда тебя утрачу,
Мечта высокая, прекрасная моя!
При ней молчат жестокие сомненья,
Мой тёмный путь надеждой озарён...
И мне ясней моё предназначенье,
Доступней тайна бытия;
Душа полна и сил и упоенья!..
Не оставляй меня, отрадное виденье,
Мечта высокая, прекрасная моя!

Мотив несбывшихся, обманутых надежд, неоправданных упований занимает большое место во многих стихотворениях Красова.

В стихотворении «Звуку» поэт прямо заявляет о том, что он не в силах утолить свою тоску:

Взволнованное сердце замирает,
Но я тоски не властен утолить,
Душа безумная томится и желает
И петь, и плакать, и любить!..

Постепенно у «взволнованного», восторженного поэта исчезает романтическое представление о действительности. Жизнь показала ему свои мрачные стороны, и поэт увидел, что лучшие мечты его и надежды погибли («Стансы к Дездемоне»).

Красов в стихотворении «Разлука» с тоскою пишет, что «надежды цветок» сорван, что «охладел он для жизни душой» и не уверен уже, допoeт ли свою печальную песню. В другом стихотворении поэт сравнивает себя с одиноким облаком, которое осуждено блуждать вдаль от родных мест. Это облако, гонимое чьей-то силой, «вдаль от севера летит».

В душевной атмосфере царского произвола для поэта «погибли цветы и прелесть бытия». Рано познав «незванную печаль», Красов, как справедливо замечает проф. Н. Л. Бродский, «стал по преимуществу певцом страдания». Поэт с горечью писал:

Какая-то разгневанная сила
От юности меня страданью обрела:
Огнём страстей мне сердце воспалила,
А сердцу счастья не дала!

Поэту «тяжело, грустно», его «душа утомилась в оковах земных». С огромной душевной болью Красов говорит в элегии «Я скучен для людей», что он хотел любить людей, назвать их своими братьями, «жить для

них, как для друзей», но никто не разделил его юношеских стремлений.

И поэт теряет надежды, разбитые николаевским безвременьем:

Мечтой и сердцем охладелый,
Расставшись с бурями страстей,
Для мук любви окаменелый
Живу я тихо меж людей.

А ведь раньше он был другим, полным сил:

Когда-то в другие, безумные годы,
В порывах стремительных сил —
Я смело сзывал на главу непогоды,
Мятежные бури любил!

Тяжёлая жизнь в Москве, уроки в семье князя Голицына, в женской гимназии, в кадетском корпусе, скитание по сырым подвальные помещениям, подорвали силы поэта. Женитьба отяготила его заботами о семье, детях. И всё же Красов не торговал своим талантом, а, наоборот, предъявлял себе всё большие требования и мало печатал свои стихи. Поэт просит Белинского не публиковать его «стишонки», а «если уж печатать, — так печатать прилично!». К тому же, Красов не хотел давать свои стихи на растерзание свирепствовавшей цензуре: «ни одной пьесы моей не печатать (если цензура хоть одно слово не пропустит)...», — писал поэт в том же письме к Белинскому.

Белинский, находившийся в Петербурге, не забывал своего друга, посылал ему письма, пожелания, советы, поручал «расцеловать милого Красова», видя в нём поэта, отразившего в своих стихах тревоги, настроения молодой России. По просьбе Белинского Красов написал специально для него стихотворения «Зачем зовёшь её...», «Она бежит играющих подруг», «Не говори ей: «Ты любишь безрассудно».

В 1838 году у Белинского была выкрадена тетрадь стихотворений Красова. Когда они были напечатаны в журнале «Библиотека для чтения» под именем Бернета, Белинский писал: «Мы очень рады, что прекрасные стихотворения любимого и уважаемого нами поэта, утраченные для нас, не утратились для публики».

Поддерживаемый своими литературными друзьями, Красов сопротивляется жизненным невзгодам. В одной из песен он высказывает мысль о возможности новых бурь в его усталой груди:

Иль ещё страданий мало?
Иль ещё мой рок зовёт?
Иль ещё в груди усталой
Буря новая пройдёт?

Красов снова стремится вперед, он борется с невзгодами жизни, которые его душат.

Звезда любви моей, тебя затмили тучи...
Вперед, хоть без надежд! — не всё же жизнь взяла:
Да, жизнь, — она могла терзать меня, измучить,
Но задушить покамест не могла...

„Вечерняя звезда“.

Поэт хочет уйти «из душных городов» на простор, в степь. Только здесь, вдали от изнеженного, праздного «высшего света», он как будто воскресает. Душа поэта утомлена страданиями, — а на просторе она «могуча и вольна, ей сладостно в степях». И Красов восклицает в стихотворении «Степь»:

Ах! Если б вечно мчаться мог
В ту даль, где взор исчез...

Несмотря на то, что поэт «покинул навсегда» север, он постоянно мечтает о нём.

Я на север обращаю
Отуманенный мой взор...

О! Когда ж туда — в дорогу?
Там — прошедшее давно, —
Там без налписи так много
Мной надежд погребено!..
Не сбылись же! — Обманули!..

Сблизившись в начале 40-х годов с Кольцовым, Красов создаёт несколько песен в стиле народной поэзии. Богатый песенный репертуар северян, с которым поэт, видимо, познакомился ещё в детстве, несомненно, наложил отпечаток на эти его произведения. Стихотворение «Русская песня» было написано одновременно с одной из многих «Русских песен» Кольцова и напоминает лучшие стихи этого народного поэта:

Ах! ты, мать моя, злая мачиха,
Не ходить уж мне в зелены луга, —
Во зелёный луг к тихой заводи —
Хоровод водить, пляской тешиться,
Звонким голосом дерекликнуться, —
Ты не бей меня, не позорь меня!
Я пойду гулять, разгуляюся,
С молодым купцом повидаюся..
Молодой купец, — радость — жизнь моя!
Я пойду гулять, наряжу себя, —
Уберу себя по-бывалому:
В косу длинную, в косу русую
Заплету — вот так — ленту алую... 4).

Посылая песню Белинскому, Красов в этом же письме пишет о Кольцове: «Я люблю его задушевно». Красов глубоко понимал и ценил национальное своеобразие, простоту, песенную сердечность произведений замечательного народного поэта Кольцова; он любил также творчество другого своего современника — великого Лермонтова. Однажды Красова застали дома декламирующим стихи Лермонтова:

И скушно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...

Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!

«Эти стихи, — сказал Красов, — вполне выражают моё настроение».

Переключаясь с Лермонтовым, Красов с горечью писал Белинскому: «хотелось бы ещё за жизнь кое-что сделать...». Но он не сделал того, о чём мечтал. Страшная нищета, ежедневная борьба за существование, невозможность развернуть свои духовные силы, тяжесть крепостнической действительности рано свели поэта в могилу. Так и не удалось ему учительствовать в родной Вологодской губернии.

В 1854 году Красов, долго болевший чахоткой, умер, похоронив перед смертью любимую жену.

«Он жил своим трудом, — писал в «Москвитянке» товарищ Красова по службе, — и не оставил детям ничего, кроме доброго имени...».

Такая печальная судьба постигла не одного Красова. Другими средствами царское правительство расправилось с университетским товарищем Красова — М. Ю. Лермонтовым; борясь с мещанским миром, умер в Воронеже любимый Красовым поэт-«страдалец» А. В. Кольцов; безвременно погиб Добролюбов; «бойцом и нищим пал, изнурённый трудом и страданиями», В. Г. Белинский, высоко отзывавшийся о Красове.

С полной уверенностью можно применить к Красову слова Белинского, сказанные им о другом вологжанине — Батюшкове: «Превосходный талант этот был задушен временем».

Великий критик говорил, что «талант Лермонтова не совсем одинок: после него блесит в могучей красоте самородный талант Кольцова, светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова».

Добролюбов видел в «звучных стихах» Красова «живую мысль и искреннее, тёплое чувство», а Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода» писал, что Красов «был едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху деятельности Кольцова и Лермонтова».

«Его пьесы, — предлагал великий революционер-демократ, — давно надобно было бы собрать и издать: они очень заслуживают того, и напрасно мы забываем об этом замечательном поэте»⁵⁾

Н. И. НАДЕЖДИН

(1804—1856)

Девятого декабря 1836 года шеф жандармов граф Бенкендорф сообщал вологодскому губернатору: «Государь император высочайше позелеть изволил бывшего издателя журнала «Телескоп» г. Надеждина за помещение в 15-ом № одного журнала предосудительной статьи под заглавием «Философические письма» — выслать на жительство в Вологодскую губернию, в г. Усть-Сысольск, под присмотр полиции»¹⁾.

Профессор Московского университета, редактор-издатель журнала «Телескоп», Николай Иванович Надеждин был одним из образованнейших людей своего времени. Выступив со своими литературно-критическими статьями в самом начале прошлого века, он первый из критиков потребовал связи искусства с жизнью. Отмечая противоречия во взглядах своего предшественника, В. Г. Бе-

линский в то же время говорил, что Надеждин многое сделал для развития русской критической мысли. В 1841 году Белинский писал в рецензии на сборник «Сто русских литераторов»: «Надеждин первый сказал и развил истину, что поэзия нашего времени не должна быть ни классической (ибо мы не греки и римляне), ни романтической (ибо мы не палладины средних веков), но что в поэзии нашего времени должны примириться обе эти стороны и произвести новую поэзию».

Высоко ценил Надеждина и другой революционный демократ, Н. Г. Чернышевский, посвятивший ему немало места в своих знаменитых «Очерках гоголевского периода». Видя теоретическую путаницу в статьях Надеждина, ограниченность его взглядов, Чернышевский вместе с тем называл его одним «из замечательнейших людей в истории нашей литературы, человеком, замечательного ума и учёности». Чернышевский считал, что Надеждин «первый дал прочные основания нашей критике»; первый объяснил ей, «что такое поэзия, что такое художественное произведение», доказал, «что красота формы состоит в соответствии её с идеею».

«... Главнейшая заслуга Надеждина — критика в нашей литературе, — писал Чернышевский, — состоит в том, что он был образователем автора статей о Пушкине». «Белинский явился на литературное поприще сотрудником Надеждина, как его ученик и продолжатель».

В пятнадцатом номере журнала «Телескоп» за 1836 год Надеждин поместил статью друга Пушкина, П. Я. Чаадаева, «Философические письма к г-же***. Письмо 1-ое». Это произведение, несмотря на явную ошибочность некоторых положений, Герцен оценивал как «мрачный обвинительный акт против николаевской России».

Николай I разгневался, велел прекратить издание «Телескопа», а Чаадаева и Надеждина снять с должностей и немедленно привлечь «к ответу».

3 февраля 1837 года Надеждин выехал из Москвы к месту ссылки, о чём московский губернатор незамедлительно сообщил в Вологду. Документы, хранящиеся в Вологодском архиве, говорят о том, что ссыльный критик прибыл в губернский город до 10 февраля: в этот день вологодский губернатор, сообщая о прибытии Надеждина «в губернию» и о месте его ссылки, отдал распоряжение усть-сысольскому городничему «учредить за Надеждиным полицейский присмотр» и доносить «через каждые две недели о поведении его и образе жизни».

Несмотря на неоднократные приказания вологодскому полицмейстеру ускорить отъезд Надеждина в Усть-Сысольск, ссыльный критик оставался в Вологде, объявив, что ехать дальше по состоянию своего здоровья не может. Действительно, здоровье Надеждина основательно пошатнулось. Он сильно страдал ревматизмом. Ехать из Вологды в глухой тогда уездный городишко Усть-Сысольск, затерянный в «лесной стороне» вдалеке от губернского города, Надеждин, видимо, не хотел.

Задержавшись в Вологде, он знакомится с городом и вскоре встречается с вологжанином-краеведом Ф. Фортунатовым, который и посвящает его в прошлое и настоящее Вологды и губернии²⁾.

Не имея средств для существования, Надеждин, видимо, тотчас же начинает работу для «Энциклопедического лексикона»³⁾.

Губернское начальство и жандармерия, строго следившие за ссыльным, запросили министерство, можно ли Надеждину писать и какой надзор установить за ним. Департамент полиции разъяснил 23 мая, что за Надеждиным должен быть установлен полицейский надзор, что писать ему не запрещено, так как все статьи, присланные им в Петербург, будут строго «рассмотрены цензурою».

Несмотря на то, что вологодская врачебная управа подтвердила тяжёлую болезнь Надеждина, губернатор в конце мая настоял на повторном освидетельствовании.

Условия царской ссылки подавляюще действовали на Надеждина, несмотря на известную благосклонность к нему со стороны тогдашнего губернатора Бологовского. Полагая, что царскому правительству нужно «сохранить дарование сего писателя на пользу и во славу свою», губернатор пытался «перелить» в Надеждина «чистое чувство любви и всеподданнической преданности» царю. Доказывая «предосудительность» статьи Чаадаева, помещённой в «Телескопе», губернатор не раз, видимо, понуждал ссыльного редактора публично покаяться. Правда, Надеждин, несмотря на свой политический консерватизм и монархические симпатии, долгое время не решался на этот поступок. Но губернатору удалось таки сломить волю совсем больного и тяжело переживавшего ссылку литератора.

В середине июля 1837 года Надеждина вынудили, несмотря на плохое состояние его здоровья, выехать в Усть-Сысольск и проделать на лошадях тяжёлую дорогу почти через всю губернию. 28 июля 1837 года усть-сысольский городничий доносил, что Надеждин прибыл в Усть-Сысольск и что за ним учреждён полицейский надзор. И вот уже из Усть-Сысольска Надеждин прислал в Вологду покаянное письмо, в котором просил исходатайствовать ему «возможность существовать и трудиться по крайней мере» под «непосредственным надзором, руководством и попечительством» Бологовского.

6 сентября 1837 года генерал Бологовский обратился к шефу жандармов Бенкендорфу с подобострастным письмом, в котором просил разрешения перевести Надеждина в Вологду, где ссыльный находился бы под личным надзором губернатора.

«... Надеждин, — уверял Бологовский, — во всё время бытия его в губернии ведёт себя отлично скромно, ежедневно раскаивается в проступке своём...».

11 ноября 1837 года Бенкендорф сообщил, что царь «дозволил» Надеждину «жить в губернском городе Вологде с тем, чтоб иметь за ним строгий надзор». Об этом губернатор немедленно довёл до сведения вологодской городской полиции, приказав установить за Надеждиным «полицейский надзор и о последствиях оногo... доносить по порядку». Однако Надеждин на некоторое время задержался в Усть-Сысольске и только 11 января 1838 года выехал в Вологду.

Ссылка физически и нравственно надломилa критика. Он не находил себе поддержки среди людей, далёких от его интересов и чуждых ему по духу. Он не имел связи с местным дворянским обществом. Круг знакомых Надеждина был очень ограничен. В Вологде критик снова встречается с Ф. Фортунатовым. Когда Фортунатов спросил только что прибывшего из Усть-Сысольска Надеждина о впечатлениях от губернии, тот шутливо ответил словами псалма: «сие море великое и пространное».

Вторым близким вологодским знакомым Надеждина мог быть живший в то время в Вологде В. И. Соколовский⁴⁾. Вполне возможно, что Надеждин знал сосланного поэта по Москве или же познакомился с ним в Вологде через Ф. Фортунатова, который работал с Соколовским в «Вологодских губернских ведомостях».

Единственным утешением для Надеждина была переписка с петербургскими и московскими друзьями. От них он получал сведения о литературной жизни страны, они же присылали «изгнаннику» книги и журналы, необходимые для его работы, в которой он находил себе «неказанную отраду».

В Вологде, да и после ссылки, Надеждин не создал ни одного литературно-критического произведения, ото-

шёл от волновавших его раньше общественных и литературных вопросов. С 1837 года его больше привлекают история, этнография, география и другие науки, — видимо потому, что они дальше стояли от современной Надеждину общественной жизни.

В вологодской ссылке Надеждин пишет несколько статей в журнал «Библиотека для чтения» («Об исторических трудах в России», «Об исторической истине и достоверности» и др.); печатается в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» («С чего должно начинать историю»). Но наиболее активно он сотрудничает в это время в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (тт. 8—12), в котором печатает более ста статей.

Статьи эти посвящены самым различным вопросам: истории славян и русскому языку, философии, психологическим и эстетическим проблемам, христианским праздникам и истории русской церкви. Здесь же печатаются написанные в ссылке обширные статьи Надеждина: «Великая Россия», «Венеды», «Винды». Вопросам стихосложения критик посвящает довольно обстоятельное исследование «Версификация», большую и интересную статью печатает он о знаменитом римском поэте Вергилии; в статье «Вкус» говорит об эстетическом смысле этого слова.

О Вологодском крае Надеждин рассказал в статьях «Великий Устюг», «Вологда» и «Вологодская губерния»⁵⁾.

Интересная статья «Вологда» свидетельствует о том, что Надеждин хорошо знал не только настоящее, но и прошлое этого города, интересовался его историей, отмечая высокую культуру и «богатство древних вологжан». Заслуживает внимания рассказ Надеждина о Вологде тех лет, когда он в ней жил. Вологда «своей обширностью и множеством церквей, — пишет он, — пред-

ставляет теперь одну только монументальную тень прежнего величия».

В числе замечательных памятников русской архитектуры Надеждин отмечает кафедральный Софийский собор, заложенный Грозным в 1568 году, огромный дом присутственных мест, стоявший в то время в развалинах после пожара, архиерейский дом, который со всеми прилегающими к нему постройками и красивым садом составляет «живописнейший пункт вологодской панорамы».

Надеждин сообщает, что для «общественного гулябища» и праздничных увеселений вологодского дворянства и «знаги» служила Никольская площадь, которая в 1837 году была «обнесена красивою балюстрадой». Он отмечает, что в городе, населённом 16 тысячами жителей, — только 64 каменных дома, многие улицы не мощены, утопают в грязи. Рядом с роскошными постройками на Дворянской улице Надеждин видит простые, бедные «дома низшего класса».

В Вологде в то время промышленности почти не было; заводики, о которых говорит Надеждин, были главным образом водочные, уксусные да пивоваренные, бульонные, свечные да колоколенные. Но и из них многие не действовали.

Проделав путь до Усть-Сысольска по главной почтовой дороге, Надеждин побывал в городах Кадникове, Тотме, Устюге. Сообщая о том, что пространства Вологодской губернии мало заселены людьми, покрыты «дремучими, непроходимыми лесами», он замечает, что «Вологодская губерния есть пока звериное царство, особенно в своей восточной половине».

Широкие слои населения Вологодской губернии не могли тогда «хвалиться и богатством», так как иногда «в продолжение нескольких лет сряду питались пихтовою корою вместо хлеба». Хозяйство губернии «стоит ещё на низкой степени развития». Особенно поразила

Надеждина восточная часть, где в то время царствовала «патриархальная простота, граничащая с дикостью».

Большой материал для работы над статьями о Вологодской губернии предоставил Надеждину вологодский краевед Ф. Фортунатов. Однако нельзя верить словам Фортунатова, который сообщает, что Надеждин лишь «сработал» материал, собранный Фортунатовым для статей «Вологда» и «Вологодская губерния»⁶⁾.

Находясь на положении ссыльного, Надеждин не мог, конечно, глубоко изучить жизнь Вологодского края, но его личные впечатления и наблюдения были интересны и вошли, несомненно, в содержание его статей. А материал, предоставленный критику Фортунатовым, обогатил эти статьи некоторыми чисто фактическими данными.

Несмотря на плохое здоровье, Надеждин в Вологде много работал, стараясь скрасить своё одиночество и заработать литературным трудом на скромное существование.

В то время как Чаадаев был уже на свободе, Надеждин ещё тянул лямку ссыльного. Лишь в апреле 1838 года в Вологду сообщили, что критик может жить «всюду, где пожелает».

20 апреля 1838 года вологодская городская полиция довела это разрешение до сведения Надеждина. В начале мая он выехал в столицу, а затем на юг страны...

Н. В. ШЕЛГУНОВ

(1824—1891)

Еду в Вологодскую губернию. Куда—не знаю, но в путь совсем готов и живу теперь на Сенатской гауптвахте»¹⁾, — сообщает Шелгунов 26 ноября 1864 года.

Николай Васильевич Шелгунов — видный демократический деятель 60-х годов прошлого века, популярный критик-публицист, печатавшийся в течение трёх десятилетий в «Современнике», «Русском слове» и «Деле». Последователь Чернышевского и Добролюбова, Шелгунов на протяжении всей своей жизни, полной преследований, ссылок и скитаний, оставался непримиримым врагом царского самодержавия.

В начале 1864 года Шелгунов после длительного следствия и заключения в Петропавловской крепости был предан как полковник Лесного корпуса военному суду. Царское правительство по доносу предателя Всеволода Костомарова обвинило Шелгунова в написании прокла-

мации «К солдатам», в составлении совместно с М. Михайловым революционной прокламации «К молодому поколению», в обсуждении воззвания Н. Г. Чернышевского «К барским крестьянам».

Один из пунктов обвинения гласил, что Шелгунов «имеет вредный образ мыслей, доказывающийся не пропущенными цензурою статьями». Шелгунов был заподозрен в принадлежности к революционному движению.

Жандармское III отделение, неудовлетворённое «мягким» решением военного суда, представило царю особый доклад о Шелгунове, предлагая лишить его пенсии, права ношения мундира и немедленно выслать из столицы. На докладе Александр II написал «быть по сему», и 3 декабря 1864 года опасный для правительства публицист был отправлен в Вологду.

Здесь Шелгунов узнал, что местом его ссылки будет Тотьма, куда он и выехал 8 декабря.

«Тотьма из уездных городов Вологды самый передовой», — утешал себя ссыльный, несмотря на то, что этот небольшой городок был тогда типичным уездным захолустьем. С омещанившейся интеллигенцией города, далёкой от передовых идей, с бездарными уездными чиновниками Шелгунов познакомился в первые же дни в местном клубе на семейном вечере. Писатель сразу же остро почувствовал своё одиночество и очень тяжело переживал его. Для общительного Шелгунова одинокая жизнь, как говорил он, была пыткой, а найти в Тотьме общество, близкое его взглядам, он не мог. Тоскуя и беспокоясь о том, что вечная ссылка оторвёт его от литературной среды, Шелгунов писал 13 декабря жене, Л. П. Шелгуновой, находившейся за границей: «Здесь я совсем один, как пень среди долины».

Тоска, чувство одиночества, усугублялись постоянной полицейской слежкой и суровыми условиями, в которые был поставлен писатель в Тотьме. Всё, что писал Шел-

гунов и что писали ему, проходило через руки уездного начальства. Тупой служака, тотемский исправник, распечатывая корреспонденцию Шелгунова, посвящал в её содержание не только членов своего семейства, но и уездных чиновников, которые распространяли по городу сплетни.

Негодую на полипейское насилие, Шелгунов писал жене 26 февраля 1865 года: «Какое бы написал я тебе письмо, если бы мою корреспонденцию не читала полиция. Ох, Люля, как тяжело».

Избегая общения с чиновничеством, притеснявшим публициста и распускавшим о нём злые сплетни, Шелгунов целиком отдаётся литературной работе, деятельно сотрудничает в «Русском слове».

«За работу я уже принялся, — сообщает он 28 декабря, — и через нелюю отправляю в редакцию первую статью из Тотьмы. Здесь пишется легче, чем в равелине».

В первом же номере «Русского слова» за 1865 год появляется работа Шелгунова «Главные моменты в истории Европы» и статья о Тотьме — «Провинция».

В Тотьме в ту пору стояли сильные морозы, и в «убогой хранине» (так называл Шелгунов свою комнатку) было до того холодно, что стыли руки. Однако писатель ежедневно до поздней ночи работал над своими статьями. «Всю эту неделю, — пишет он 16 января 1865 года, — собирал материалы для статьи о Тотьме. Сегодня еду на деревенский девичник, хотя это и не нужно для статьи, но может и пригодиться. Бытовой стороны я вообще не касаюсь — тоска, а исключительно экономической и социальной».

После первой статьи о Тотьме Шелгунов сейчас же начал работать над второй. 14 февраля он писал:

«Впрочем, несмотря на масленицу, я написал всё-таки 6 листов, в 7 дней, второй статьи «Тотьма», и хотя статьи ещё не окончил, — пишу 9-й лист, — но завтра и

первого дня поста принимаюсь за «Домашнюю летопись»... Если бы ты знала, что сделала цензура с моей статьёй в этой книжке. Из трёх листов вычеркнула ровно полтора, и ничего в статье не поймёшь. Покорный слуга — на подобные темы писать не стану».

Но вторая статья о Тотьме, опубликованная в феврале, была напечатана полностью²⁾. «... Во второй статье о Тотьме, — писал Шелгунов уже из Устюга 18 апреля 1865 года, — цензор вычеркнул «Овен»; только одну фамилию и больше ничего. Не знаю, почему ему не понравилось имя «Овен».

Обе эти статьи под заглавием «Провинция» дают общую характеристику Вологодской губернии тех лет, как губернии «дикой, бедной и пустынной». Шелгунов уверен, что его очерки «ничего не потеряют в своём обобщении, потому что все наши провинции походят друг на друга, как два глиняных горшка».

Вологодская губерния, растянувшаяся в длину почти на тысячу вёрст, занимала тогда 34,5 миллиона десятин земли, но возделывалось из них только 1,5 миллиона десятин. Крестьяне, получая на своих клочках земли жалкие урожаи, вынуждены были использовать лес «для получения хлеба». Но и лесные массивы безжалостно истреблялись на сотни вёрст громадными лесными пожарами. Причём никакой борьбы с пожарами тогда не велось, и огонь кончал «своё дело обыкновенно без всякой помехи».

Особенно поразила Шелгунова горькая нищета жителей тогдашней Тотьмы. Нищие мальчики каждое утро ходили по домам, жалобно выпрашивая кусок чёрного хлеба. Подростков же родители отправляли на лето в лямку, рубить дрова, пахать или теребить лён. После лета наступало «голодное зимнее время». Труднее всего жилось в Тотьме одиноким женщинам. В лохмотьях, они бродили по городу за подаяниями и в конце концов уми-

рали от голода. «Бедные третьего сорта», о которых пишет Шелгунов, «мало чем отличаются от нищих. Будет правильнее сказать, что они от них совсем не отличаются». Это поломойки, получающие по 10—15 копеек в месяц; это старухи, которые за гроши нанимаются носить дрова, воду с Сухоны и полоскать в реке бельё.

Работая над статьёй «Провинция», Шелгунов изучает тяжёлую жизнь и быт беднейшего населения Тотемского уезда. Он видел, что бедняки питаются плохо, не имеют даже кроватей и одеял, спят вповалку, укрываясь ватником, или тулупом. Шелгунов осуждал «любителей» народа, которые ходили по деревням, собирали песни, сказки, но не интересовались тем, как живёт население.

В Тотьме в то время не было «ни торговли, ни промышленности, ни ремесла, ни фабрик». Монастырскую тишину, застой — вот что нашёл в царской захолустной Тотьме ссыльный писатель. Косное и апатичное тотемское мещанство «с аристократическим полётом» и показным «блеском» растрачивало жизнь на мелочи, проводило время в сплетнях, а иногда по вечерам собиралось в местном клубе для игры в карты.

Эти люди не хотели «шевелинуть ни одним пальцем», поэтому Шелгунов заканчивает статью насмешкой над мещанами-обывателями, которые ждут, когда придут к ним «издалека люди», толкнут их «под бока и скажут: почтенные тотемцы, вставайте — пора!..».

«Сегодня я испытал много сильных ощущений, — не без иронии писал Шелгунов 16 января. — В 12 часов (дня) я был приглашён на открытие библиотеки при уездном училище, т. е. здешнем университете. Открытие заключалось в том, что 10 русских человек заявили десять разных мнений относительно порядка, в каком подписчики должны получать один за другим журналы и газеты, и затем, поспорив и пошумев, впрочем очень

тихо и умеренно, наконец согласились и разошлись по домам».

Шелгунов посещал городские собрания, выезжал за город, беседовал с людьми, собирая материал для своих статей. Одновременно вёл большую переписку, делал черновую работу для «Русского слова», отвечал по поручению Благосветлова за целый отдел журнала — «Домашняя летопись».

Подорванное в Петропавловской крепости здоровье не улучшалось. Уже в феврале 1865 года уездный исправник Тотьмы доносил губернатору, что отставной полковник Шелгунов просит освидетельствовать его здоровье. Вскоре тотемский врач Яков Муромцев дал заключение, что у Шелгунова начинается «органическое изменение лёгких» и что он нуждается в перемене местожительства. Пока документы писателя проходили через бюрократические каналы полиции, жандармерии и губернской канцелярии, болезнь Шелгунова всё более осложнялась. Однако прошение его было оставлено без последствий.

Больной туберкулёзом, он решает «переехать на лето в деревню, примыкающую вплоть к городу». «Там и дома другого вида, — пишет Шелгунов, — и поле рядом с двором и тише городского, одним словом — деревня и деревенский запах».

Опасаясь лихорадки или горячки, которым он был подвержен, Шелгунов 19 марта 1865 года просит перевести его «во второй город губернии» — Великий Устюг.

«Другая причина, заставляющая меня желать оставить Тотьму, чисто экономическая, — писал он в этом прошении. — По роду и характеру моих литературных занятий, составляющих для меня насущный хлеб, Тотьма, отсутствием внутреннего развития и недостатком литературных и учебных пособий, ставила меня уже не раз в положение весьма затруднительное».

21 марта в Тотьму внезапно для Шелгунова пришло

распоряжение об отправке его в Устюг под «благоналежным присмотром». Одновременно устюгский исправник получил от губернатора приказ — немелленно по прибытии учредить за Шелгуновым «строгий полицейский надзор».

Торопясь попасть в Великий Устюг до распутицы, Шелгунов 26 марта 1865 года выехал из Тотьмы, и через три дня жандарм доставил поднадзорного писателя к новому месту жительства.

Уже в апреле Шелгунов сообщал жене, что он «совершенно доволен пока устюжской жизнью» и что древний город Устюг произвёл на него очень хорошее впечатление: «Устюг мне нравится гораздо более Тотьмы уже потому, что это большой город (8,5 тыс. жителей)»³).

Но писатель намерен жить в этом городе «совершенным пустынным», «сам с собой, обходясь без всяких лишних знакомств». Чтобы избежать постоянного надзора и частых посещений «гостей», мешающих работать, Шелгунов поселяется на самой окраине города. Он рассчитывает прожить в Устюге «лет пять», но очень опасается, как бы его не перевели в какой-нибудь другой город губернии.

«Меня постоянно мучит мысль, — писал Шелгунов в июле, — что я не прочен в Устюге; я нахожусь совершенно в положении человека на почтовой станции. Я больше ничего не хочу, как только того, чтобы меня оставили в покое».

Находясь в Устюге, Шелгунов не раз отмечал огромную одарённость простого народа, его большую душевную красоту, и в то же время с тяжёлым чувством видел его нищенскую жизнь, тогда как «отцы» города проматывали деньги в кутежах и праздном разгуле; его поражала огромная разница между купеческими постройками и жалкими лачугами простого ремесленного люда.

В Устюге Шелгунов всячески избегал общения

с мещанско-чиновничьим обществом. Он стремился быть дальше «от того, что в провинции считается образованными манерами». «... Я почти нигде не бываю, — сообщает о себе писатель, — но случается, что выхожу в люди. А в этом случае я нахожу, что ко мне относятся враждебно и смотрят на меня, как на иностранца. Точно я не такой же русский, как они».

Изредка появляясь с сыном в городе, поднадзорный публицист ощущал враждебное к себе отношение. видел, что мещане смотрят на него «исподлобья и озираясь». В письмах Шелгунова этого времени можно прочесть жалобы на тоску и одиночество. «Если бы ты знала, — с горечью писал он жене, — как тяжела ляжка поднадзорного! И особенно в таком городе, как Устюг. Если бы ты знала, что там за люди из тех, кто имеет голос и влияние... Можно с отчаяния застрелиться, чтобы только не видеть их...».

Успокоение писатель находил лишь в заботах о сыне и в работе, которой он целиком отдавался. Работал Шелгунов усиленно и для того, чтобы прокормиться. Почти во всех номерах «Русского слова» за 1865 год можно найти его статьи, присланные из Устюга. Он вынужден был писать на самые различные темы: затрагивал вопросы исторического, экономического и педагогического характера, писал критические заметки и статьи для внутреннего обозрения.

В июле Шелгунов закончил статью «Женское безделье», в основу которой были положены наблюдения над праздной жизнью устюжских «девок», «кисейных барышень», страдающих, как говорил Шелгунов, «тупоумием и невежеством».

«Статья эта, — объяснял впоследствии Шелгунов в предисловии к павленковскому изданию своих сочинений, — писалась в провинции и отвечала вполне нравам этой провинции и тому времени, когда она писа-

лась». Сам писатель придавал ей большое значение и счёл необходимым оговорить это и включить статью в собрание своих сочинений 1891 года⁴).

В этой статье Шелгунов зло высмеивает устюжских мещанок, живших праздными фантазиями, без постоянного полезного труда, не имевших ни одной «здоровой мысли».

«Что же касается до девиц, — писал он, имея в виду устюжское «светское общество» и высмеивая его нравы, — то они лучше моего знают, сколько выигрывает человечество от того, что они встают в 12 часов, одеваются до 2, затем час гуляют для цвета лица, в 3 часа обедают, до 5 сидят на диване, чтобы совершилось лучше пищеварение, затем до 7 соображают, как бы приятнее провести вечер, или мечтают о том, как бы это было хорошо, если бы вместо противных, грязных улиц были всё померанцевые рощи и розовые сады, и чтобы пели в рощах и садах соловьи и канарейки, и как бы было приятно всю жизнь свою гулять в таком очаровательном саду под руку с очаровательным юношей, и как бы приятно трепетало при этом сердце и было весело.

После этих соображений... пьют чай; затем делаются сборы на вечер или в гости; в час ночи возвращаются домой..., затем... погружаются до 12 часов в сладкий сон».

Эта статья доставила Шелгунову немало неприятностей. Некоторые устюжане заподозрили Шелгунова в том, что он нарисовал портреты «их почтенных личностей».

«Не понимаю, — писал Шелгунов 26 августа 1865 года, — почему устюжским девам понадобилось отыскивать себя в моих статьях и тем довести до общего сведения, что они именно страдают всеми теми умственными немощами, о которых я говорю? По-моему, это было не рассудительно...».

Однако не только устюжские «светские девы», но и «сообразительные мужчины» отыскивали себя в статье Шелгунова. Увидев в газете «Голос» заметку, в которой статья Шелгунова называлась «болтовнёй», а автор её — «бабой», они с «поразительным усердием» разъезжали по городу, показывали номер газеты и разносили сплетню. «Одним словом, — говорит Шелгунов, — радость была всеобщая, и я достиг своей цели, потому что моя статья, хотя и заставила почтенных устюжан побранить меня, но в то же время и заставила их подумать о том, о чём до сих пор думать им не приходилось. Попал, как говорится, в жилу. Мне бы хотелось, чтобы мои статьи... производили во всех городах уездных и, пожалуй, губернских, подобное же движение в мозгах местных обитателей».

Всё время назревавший конфликт Шелгунова с местным «обществом» нособенно начальством, издевавшимся над ссыльным, дошёл до того, что судебный следователь Сутоцкий начал говорить Шелгунову грубости и обозвал его «ссыльной собакой». За это Шелгунов дал Сутоцкому две пощёчины.

Устюжский исправник немедленно арестовал Шелгунова и донёс на него в Вологду. 8 января 1866 года от губернатора последовало предписание: «переместить в Никольск». В Никольске также получили «бумагу», в которой предлагалось установить за Шелгуновым «строгий секретный надзор». 16 января 1866 года Шелгунов выехал к месту своего назначения.

Несмотря на то, что Никольск был в то время совсем маленьким уездным захолустным городком, он «благоприятно подействовал» на Шелгунова. Писатель не заметил здесь того придиричвого к себе отношения властей, которое испытывал в Тотьме и Устюге. «... Я здесь спокоен духом... — писал он 26 января 1866 года. — Я в Никольске уже десять дней, а живётся мне в нём легко.

В Устюге постоянно я чувствовал над собой полицейский надзор».

Однако, когда в феврале у Шелгунова обострился лёгочный процесс, ему не разрешили и на два дня покинуть Никольск, чтобы посоветоваться в Устюге с врачом. Губернатор и жандармерия держали писателя под постоянным контролем, и их не беспокоило здоровье поднадзорного, доведённого постоянными гонениями и преследованиями до полного упадка сил. Ухудшилось и материальное положение Шелгунова, потому что журнал «Русское слово», для которого писал статьи ссыльный пуолицист, в 1866 году был закрыт (вместе с «Современником») царским правительством.

Долгое время Шелгунов не знает, что ему делать. Он не хочет «сидеть, сложа руки». Вскоре было получено приглашение сотрудничать во вновь открываемом журнале «Дело». Но и этот журнал с первых же дней своего существования находился под суровым контролем цензуры.

«Пишешь, пишешь, сидишь с утра до вечера и только для того, чтобы цензура запрещала, — жаловался Шелгунов. — Из 48 листов, набранных для первой книжки «Дела», 22 листа запрещены...».

Многие статьи Шелгунова, написанные в Никольске, не увидели света или были напечатаны в значительно урезанном виде. Шелгунов готов был идти на любую работу, чтобы добыть средства к существованию. «В Никольске нельзя найти никакого дела, — писал он 7 июня 1866 года. — Здесь не нужны даже лакеи».

Шелгунову приходилось часто наблюдать, как в грязный, совсем маленький городок Никольск стекались из окрестных деревень обнищавшие до предела крестьяне. Они шли сюда в поисках заработка и пристанища, ходили по городу оборванные и голодные.

Шелгунов писал жене, посылая фотографии дома,

где он жил: «Дом на самом скате к р. Югу, маленький, скверный, полугнилой, вокруг печаль и нищета».

Печаль и нищету он видел в Тотьме, Устюге и Никольске, где нищие крестьяне, мелкие ремесленники «умирали с голоду». «Умирали буквально, — писал Шелгунов из Никольска 22 июня 1866 года. — У меня примеры на глазах, что люди в Устюге, городе с 8,5 тыс. жителей, не могут найти себе никакого занятия и.. ходят исхудалые, как тени».

Долгое время не находя места своим статьям, Шелгунов всё же продолжал много работать. В Никольске он написал ряд рецензий, обзоров, статей на социально-экономические и другие темы, в том числе большую статью «Потерянный труд».

«В ноябре 1866 года, живя в Никольске, — вспоминал впоследствии Шелгунов, — я получил от жены известие, что она желает приехать ко мне...». Чтобы не затруднять больную жену дорогой в далёкий Никольск, Шелгунов начинает хлопотать о переводе его в другой город губернии. В Ирязовец и Вологду, куда он просился, переехать не разрешили. Новое местожительство, предложенное ссыльному, был город Кадников, куда больной Шелгунов с сыном, в сопровождении жандарма, и был отправлен 19 декабря 1866 года. Гонимый из города в город, он был доведён до полного изнеможения... «Я не устал, а изнемог, — писал Шелгунов, приехав в Кадников. — ... Нервы натянулись, как струны; раздражаюсь теперь всякою мелочью; просто ад». Чаще жалуется писатель на рано пришедшую старость, болезнь и отсутствие сил.

Но и в Кадникове Шелгунова не оставили без полицейского надзора и ежедневного контроля, которому подвергалось всё написанное ссыльным. Кадниковский исправник, малограмотный служака, каждый раз пригла-

шал больного Шелгунова к себе и заставлял читать перед отправкой в журнал все его статьи. Домой писатель возвращался обессиленный и раздражённый, так как исправник, ничего не понимая, придирался к каждой фразе. Он и слушать не хотел о том, что в Петербурге есть цензура, рассматривающая статьи до печати.

Злобно и недружелюбно встреченный уездным начальством, Шелгунов почти не появлялся в городе. Житель Кадникова Коссовский, у отца которого остановилась семья Шелгуновых (к Шелгунову приехала жена со вторым сыном), вспоминает, что писатель проводил свободные от работы вечера в кругу семьи, «читал что-нибудь вслух или аккомпанировал на корнете своей жене, которая играла на рояли». Отец Коссовского переписывал под диктовку писателя его сочинения.

В конце 1866 года Д. И. Писарев, освобождённый из тюрьмы, предложил Шелгунову через его жену помощь. Он высылал ссыльному другу книги, заботился о его «умственных интересах». Вскоре Шелгунов получил от Писарева письмо. «... Как бы нам хорошо было жить в одном городе, — писал Писарев, — часто видаться, много говорить о тех вещах, которые нас обоих интересуют, и вообще по возможности помогать друг другу в размышлениях и работах».

Писарев засвидетельствовал Шелгунову своё уважение и любовь. «Я вас хорошо знаю, — писал он, — и давно люблю, как старого друга и драгоценного собрата»⁵⁾.

Переписка с Писаревым и с другими бывшими сотрудниками «Русского слова» была духовной пищей для Шелгунова, одиноко жившего в Кадникове. Уездное начальство попрежнему презирало ссыльного. «Но вдруг ссыльный, — пишет Л. П. Шелгунова, — страшно поднялся в глазах уездного общества». Дело в том, что однажды в Кадникове проездом остановился вологодский помещик, бывший петербургский губернатор, внук великого Суво-

рова — князь А. А. Суворов. На приём к нему с трепетом явились подобострастные и льстивые кадниковские «правители». Суворов, не обращая внимания на трепетавшее перед ним уездное начальство, подошёл к Шелгунову, которого знал по Петербургу, и увёл его из передней в гостиную.

Влиятельный князь, несмотря на опалу, в которой он в это время находился, видимо, способствовал переводу Шелгунова в губернский город. 20 июня 1867 года пришло распоряжение министерства внутренних дел, разрешавшее Шелгунову проживать в Вологде, но попрежнему «с продолжением за ним полицейского надзора».

В Вологде круг знакомых, с которыми встречался ссыльный, значительно расширился. Вскоре невдалеке от Шелгунова поселился П. Л. Лавров⁶⁾. Встречался писатель и с сосланным в Вологду В. В. Берви-Флеровским⁷⁾, который также сотрудничал в журнале «Дело». Здесь Шелгунов впервые познакомился с молодым в то время писателем П. В. Засодимским.

«Первое время Шелгунов жил в районе бульвара, недалеко от Большой Дворянской улицы, — вспоминает М. П. Сажин, работавший у него одно время секретарём. — После отъезда жены Шелгунов снял небольшую квартиру на Архангельской улице. Здесь, на этой же улице, недалеко от него, жил и Берви».

Осенью 1868 года Берви-Флеровский переехал в Тверь, а в Вологду из Тотьмы был переведён Лавров, перед этим приславший Шелгунову письмо с просьбой найти ему квартиру. «Шелгунов, — пишет Сажин, — горячо взялся за это дело, и мы вместе с ним сняли для Лаврова квартиру в 5 комнат на Архангельской улице, наискось от Шелгунова».

Лавров раз в неделю, по четвергам, устраивал в своей квартире литературные вечера. На них всегда бывал и Шелгунов.

Кроме того, Шелгунов очень скоро приобрёл широкие знакомства среди местных жителей и, как говорил Засодимский, — «самых горячих почитателей и почитательниц». Изредка, отдыхая от тяжёлой журнальной работы, он принимал участие в любительских спектаклях, которые устраивались в Вологде с благотворительной целью, сам готовил костюмы, клеил бутафорию. В зимние вечера вологжане часто видели писателя в местном клубе. В летнее время Шелгунов гулял с сыновьями по городу, пускал с ребятами змеи.

В первые же месяцы жизни в Вологде Шелгунов оказался в тяжёлом материальном положении. Издатель «Дела» Г. Е. Благодетель часто заставлял Шелгунова работать «на ветер», заказывал статьи, но не помещал их и не платил денег. Доведённый до полной нищеты, Шелгунов закладывал и продавал вещи. Его письма из Вологды полны сообщений о том, что он «задолжал кругом».

«Заедает меня безденежье, — пишет он 18 ноября. — Никогда ещё я не был так беден, как в нынешнем году».

Несмотря на такую нужду, Шелгунов отдавал последние гроши бедным знакомым. Писатель-вологжанин А. В. Круглов⁸⁾, знавший Шелгунова по Вологде, писал, что «он не раз помогал бедным ученикам, содержал целую бедную семью и буквально спас одну девушку от падения, давши ей возможность пережить двухмесячную безработицу».

Дом Шелгунова в Вологде всегда был открыт для друзей и знакомых. С весны 1868 до осени 1869 года частым гостем Шелгунова был П. В. Засодимский. Уже в первую их встречу завязался оживлённый разговор о литературных делах в столице, о жизни вологодского общества, о положении крестьян.

«То Шелгунов, бывало, взбирался ко мне на антресоли, — вспоминал П. В. Засодимский, — то я отправ-

лялся к нему «за реку». Живю я помню на Архангельской улице (теперь улица им. Н. Г. Чернышевского. -- В. Г.) тот небольшой серенький дом в три окна, где жил он в ту пору с двумя своими сыновьями...

Помимо сотрудничества в одном журнале и сходства в наших воззрениях, к Шелгунову меня привлекали и его симпатичная личность и тот ореол, каким для меня была окружена вообще его деятельность, как бывшего сотрудника «Русского слова» и друга М. И. Михайлова».

Здесь же у Шелгунова Засодимский познакомился с П. Л. Лавровым. Об этой встрече Засодимский писал:

«— А вы здесь — по доброй воле? — спросил он (Лавров. — В. Г.) меня.

— Да, — говорю, — по доброй воле: здесь моя родина.

— Холодная же у вас родина! — сказал Лавров, слегка пожав плечами.

— А зато, Пётр Лаврович, — перебил Шелгунов, — сколько здесь морошки, поляники! Какие здесь рыжики, рябчики!..

И он принялся перечислять лесные богатства моего родного края».

Встречи писателей в Вологде были особенно часты в перерывы между работой, в «передышки», когда завязывались долгие беседы, разговор о литературе, обмен мыслями.

Всё остальное время было занято работой. Почти в каждом номере «Дела» за 1867, 1868, 1869 гг. можно найти по одной, а иногда и по две статьи Шелгунова по самым разнообразным вопросам. Печатался в это время Шелгунов и в разделе «Современное обозрение».

В одиннадцатой книге журнала за 1867 год в статье «Вологодские кружевницы»⁹⁾ он рассказал русскому читателю о тяжёлой в то время жизни вологодских кружевниц.

«Кружевницы составляют в Вологде, — писал Шелгунов, — совсем особый слой населения бедствующего, голодающего и униженного, занимающего подвальные этажи. Только нужда, да и нужда неисходная, делает женщину кружевницей...».

Эта неисходная нужда заставляла бедняков-родителей сажать за коклюшки своих пятилетних дочерей, обучать их тяжелому ремеслу кружевниц. «... В настоящее время, — писал Шелгунов, — кружева плетёт почти вся Вологда, или точнее всё население вологодских чердаков и подвалов или первых этажей. Только дворянство да купечество не занимаются плетением кружев».

Шелгунов отмечал, что кружевничество, которым занимаются «дочери бедных», является единственным средством их нищенского существования. Малолетние девочки и престарелые матери кормят больных отцов, учащихся братьев. Эти «честные труженицы», достойные «самого глубокого уважения», за гроши делают тонкие, изящные кружева, работают до слёз и слепнут.

Но больше всего негодовал Шелгунов на «богатых дураков», которые издевались над бедностью вологодских кружевниц, наслаждались «их унижением и подострастием».

Вологодский полицмейстер, жандармское управление и канцелярия губернатора попрежнему напоминали Шелгунову о том, что он находится под «строгим надзором». Ему не давали спокойно работать. Когда в семью Шелгуновых приняли на воспитание дочь одного кадниковца, вице-губернатор обязал отца девочки немедленно взять её из этого дома, указав полицмейстеру, что Шелгунов ссыльный, а поэтому «не может быть и благонадёжным воспитателем юношества».

Шелгунов болезненно переживал враждебное отношение к себе. «Никогда мне не была так тяжела ссылка, как нынче», — говорил он.

В январе 1869 года произошёл временный конфликт Шелгунова с «мучителем» Благосветловым. Эта размолвка доставила не мало неприятностей нервно воспринявшему её Шелгунову. «Я всегда был мучеником той мысли, — писал он из Вологды, — что я никому не нужен. В Вологде я убеждаюсь в этом на каждом шагу, а тут ещё свой лагерь сторонится».

Доведённый до отчаяния суровой административной ссылкой в Вологде, Шелгунов настойчиво просит перевести его в другой город. Однако просьбы ссыльного долгое время оставались без всякого внимания. Только 6 апреля 1869 года ему разрешили переезд в Калугу.

По «домашним обстоятельствам» Шелгунов задержался в Вологде на несколько недель и 12 мая 1869 года выехал к новому месту жительства.

Таким образом, Шелгунов провёл в вологодской ссылке четыре с половиной года. Многие статьи, написанные в различных городах бывшей Вологодской губернии, жизнь которой хорошо знал писатель, волновали умы передовых людей шестидесятых и семидесятых годов. Для некоторых своих статей Шелгунов черпал материал непосредственно из жизни Вологодской губернии того времени.

В статье «Подзавалье», написанной позже, он говорил о дикости и отсталости царского Севера, в том числе и Вологодской губернии. «Люди живут, как медведи, не зная никакой выгоды цивилизации и новой гражданственности. Неподвижность и спячка мозга, как в каком-нибудь Ташкенте. А бедность? О, какая повсюдная, страшная бедность! Ещё бы не радоваться, оставляя такой жалкий край...».

Царское правительство продолжало преследовать опасного публициста и в Калуге. Тяжёлую лямку поднадзорного тянул Шелгунов и в Новгороде, и в Выборге, и в других городах. Здоровье писателя было окончательно

подорвано. В апреле 1891 года, в Петербурге, Шелгунов умер. Похороны писателя, в которых приняли участие рабочие столицы, вылились в открытую антиправительственную демонстрацию.

На красных лентах одного из венков, который несли рабочие за гробом борца-публициста, была надпись: «Указателю пути к свободе и братству — от петербургских рабочих».

В. И. Ленин ценил деятельность Шелгунова, с интересом перечитывал его сочинения. Он считал участие передовых петербургских рабочих в демонстрации на похоронах этого видного писателя-демократа очень важным политическим событием в истории русского рабочего движения ¹⁰⁾.

П. В. ЗАСОДИМСКИЙ (ВОЛОГДИН)

(1843—1912)

Люблю я север, люблю широкие, быстрые реки, его дремучие леса, его зимы... Помните:

Снег и снег, всё один вечно девственный снег,
Да узоры лиловые скованных рек,
Да сосновые темные боры...»

Так говорил Павел Владимирович Засодимский одному из современников.

Засодимский был известным, популярным в дореволюционное время писателем-народником. Во многих своих произведениях он изображал родные вологодские края.

Преувеличивая роль деревни, идеализируя её, не видя передовой силы — пролетариата, способного сокрушить ненавистный царский строй, Засодимский всё же выгодно выделялся среди писателей-народников. Он был

непримиримым врагом эксплуатации и наживы, обличал социальные несправедливости при царском строе, искал путей к лучшему будущему.

«... Все мои горячие симпатии, — писал Засодимский в предисловии к первому собранию своих сочинений, — всегда были и остались на стороне бедных, обездоленных, на стороне рабочих масс. Ни в одной строке, написанной мною, читатель не найдёт ни единого выражения, которое противоречило бы этой основной идее моей жизни и деятельности»¹⁾.

Известен был Засодимский и как детский писатель, задушевно изображавший потрясающе-тяжёлую жизнь обездоленных при капитализме детей. Засодимского, незаслуженно забытого нашей критикой, высоко ценили его современники. Лев Толстой, например, с похвалой отзывался о некоторых рассказах Засодимского, читал их в кругу семьи. Рассказ «Перед потухшим камельком» Толстой называл «прекрасным». «Это то самое искусство, — писал он, — которое имеет право на существование».

Родился Засодимский 1 ноября 1843 года в Великом Устюге в небогатой дворянской семье. Из Устюга четырёхлетнего мальчика родители перевезли в Никольск. В этом небольшом уездном городке прошло девять лет жизни будущего писателя.

«Никольск, — вспоминает Засодимский, — в ту пору был маленький, глухой городок, затерявшийся посреди лесов, — одним словом, такой милый городок, до которого, по словам Гоголя, «хоть три года скачи, — не допрыгнешь». При мне, помню, с улыбкой говаривали: «Дальше нашего Никольска и почта не ходит!».

Против дома Засодимских находился острог. Голодные, исхудалые, мрачные арестанты проходили по пыльной улице мимо их дома. Мальчик Засодимский нередко

выпрашивал у матери деньги и, заслышав на Соборной площади звяканье цепей, бежал встречать арестантов. «Я, когда вырасту большой, — наивно думал ребёнок, — всех их выпущу!».

Перед самым окном детской комнаты протекала быстрая река Юг. Оттуда доносился стук топоров, голоса рабочих, выполнявших тяжёлые работы. Вместе со своими друзьями, крестьянскими ребяташками, Засодимский часто бегал к реке.

Так с детства перед глазами пытливого, впечатлительного мальчика проходили безрадостные дни каторжников, ссыльных и поистине каторжный в то время труд лесосплавщиков и лесогонов.

Всё это несомненно наложило отпечаток на произведения писателя, ненавидевшего зло и насилие, верившего в торжество правды и справедливости, высказывавшего самые горячие симпатии к трудолюбивому, одарённому русскому народу.

Засодимский с детства увлекался чтением. Иногда он целыми днями просиживал в отцовском кабинете за книгой. «...Чтение сделалось с малых лет моим любимым занятием, — вспоминал писатель. — Я читал много и без разбора, что попадалось под руку». Но больше всего он любил Пушкина, «зачитывался «Капитанской дочкой» и повестями Белкина, а из стихотворений многие знал наизусть».

Любовь к книге, сильно развитое детское воображение, впечатления от тяжёлой жизни народа, заставили девятилетнего мальчика обратиться к творчеству. Он начинает писать повесть, в которой обличает жестокосердие, а в одиннадцать лет создаёт пьесу, в постановке которой участвует сам и его друзья, деревенские ребята.

«... Когда мне минуло 9 лет, — пишет Засодимский, — в нашей семейной жизни произошли большие перемены.

Отец мой оставил службу и с матерью, со всеми чадами и домочадцами, со всем скарбом переселился из Никольска в усадьбу».

Эта небольшая усадьба — Миролюбово находилась на «большой» Архангельской дороге, в 400 верстах от Никольска. Принадлежала она матери писателя.

Засодимский и раньше приезжал в Миролюбово с матерью, проводил здесь лето до августа, а на зиму возвращался в Никольск. Теперь в усадьбе он впервые провёл осень и зиму.

Несмотря на осеннюю дождливую погоду, Засодимский любил гулять по лесу, целыми днями пропадал на гумне. Постоянным спутником и лучшим товарищем его детства был сын кучера, рассудительный и умный мальчик Сашка Родионов.

С «родным уголком», — так называл Засодимский Миролюбово, — у него связано много хороших воспоминаний. «Живы воспоминания детства!.. — восклицал он позже. — Проживи я хоть ещё сто лет, они останутся в моей душе так же ярки и свежи...».

Став известным писателем, Засодимский часто и с любовью вспоминает родной Север. В его рассказах, повестях и романах то и дело можно встретить такие выражения, как «моя родная сторона», «наша северная природа», «дебри наших лесов» и т. п.

«Сторона наша — глухая, — пишет он в записках «Из жизни лесной стороны», посвящённых крестьянину деревни Кибры, Вологодской губернии, Ивану Пичугову. — Сосновые и еловые леса всю её прикрыли своей дремучей тенью... По берегам рек, там и сям, разбросаны селенья и деревушки, видны поля, луга, пожни, подсеки. Селенья, правда, не часты, но зато — велики».

Особенно запечатлелись в памяти Засодимского богатые, непроходимые леса. «Дремучи никольщинские

леса», — писал он в 1893 году в романе «Грех», изображающем тяжёлую, безрадостную жизнь крестьян Вологодской губернии.

Немало описаний вологодских лесов рассыпано и по другим произведениям писателя.

В деревенской летописи «Пропал человек» Засодимский так описывает лес: «Попадаются в нём местами и берёза, и осина, и мелкий олешняк, но более высятся в нём тёмною тенью лохматые ели, сосны да лиственницы. Большую часть года лес стоит тёмн и мрачен, то гудит и стонет, то стоит молчаливо, нахмурившись».

В рассказе «На большой дороге» Засодимский, используя те же яркие воспоминания детства, повествует о глубоко запечатлевшихся в его памяти тяжёлых картинах жизни народа в царское время. В поисках работы, по многолюдному Архангельскому тракту шли крестьяне, собирая подаяние, тащились нищие, калеки, слепцы и юродивые.

«И весь этот люд, — пишет Засодимский, — проходил мимо меня по «большой дороге», странный и жалкий люд, едва прикрытый грязными, рваными лохмотьями, с босыми, до крови наколотыми ногами, — не однажды заставлял меня в детстве горько плакать».

Когда Засодимскому исполнилось двенадцать лет, на семейном совете решили, что пора отдавать его в учение. В феврале 1856 года он был зачислен в дворянский пансион при Вологодской гимназии. Поступление в гимназию и первые дни жизни в гимназическом пансионе Засодимский описал в рассказе «Памятный день».

Огромное здание Вологодской гимназии смотрело своими массивными колоннами на «плац-парад». На противоположной стороне площади, заросшей травой, находились дом вологодского губернатора и духовная семинария.

Семь лет обучался Засодимский в Вологодской гимназии. «В этих стенах, — вспоминал он, — прошли семь лет моей жизни... из того возраста, когда все впечатления бывают так живы и ярки, и понятно, что незатейливая, полуказарменная обстановка пансионской залы, как топором зарубленная, глубоко врезалась в моей памяти. Много было пережито в этих стенах... Здесь я узнал и горе новичка, тоску по родном доме, по деревенской свободе, и блаженные минуты горячих признаний в дружбе и братской любви, и радость по случаю удачно сданных экзаменов и близких каникул, и тёмные страхи перед единицами и двойками, и дух захватывающие опасения угрожающих наказаний...».

Горькие воспоминания сохранились у Засодимского о годах, проведённых в пансионе. В книге «Из воспоминаний» он рассказывает о жестоких и грубых нравах, царивших в пансионе, о карцерах и розгах, которым подвергались ученики.

«Гувернёры, как говорится, походя расточали направо и налево увесистые подзатыльники и драли за уши. Немец-гувернёр однажды в пылу раздражения увлёкся до того, что даже надорвал ухо воспитаннику. Инспектор наказывал розгами, невзирая на возраст...

Не проходило недели, чтобы несколько человек не осталось без обеда, без завтрака или без чая; не проходило дня без того, чтобы несколько человек не постояло у стены или на коленях; не бывало такой субботы в течение учебного времени, чтобы не высекли человек 10—15. Одним словом, не бывало такого дня, чтобы кто-нибудь из «маленьких» горько не плакал от истязаний начальства или от побоев своих же товарищей».

Сам Засодимский неоднократно оставался без обеда, а однажды ему пришлось выстоять у стены около четырёх часов.

К гимназическим годам относится ещё одна попытка Засодимского обратиться к литературному творчеству. Он начал в это время писать повесть из... испанской жизни. Герой повести устраивает заговор против инквизиции. Заговор кончается печально: заговорщиков сжигают на костре, а их возлюбленные уходят в монастырь. Но Засодимский так и не дописал «эту печальную повесть».

Обучаясь в гимназии, Засодимский нередко бывал, особенно в летние месяцы, в Фоминском, расположенном недалеко от Вологды. Это было родовое имение его деда, П. М. Засецкого. Ещё в детстве будущий писатель с матерью, по его словам, «довольно часто ездил в Фоминское». Второй этаж барского дома здесь пустовал, и Засодимский любил осматривать пустые комнаты, бегал по фоминскому саду, бывал в роще.

Через несколько лет после смерти деда Засодимский снова побывал в Фоминском. «С Фоминским, — писал он, — кроме воспоминаний о дедушке Павле Михайловиче, для меня связывается немало и других воспоминаний, — светлых и печальных...».

Бывал писатель и в имении Чичулине, расположенном также недалеко от Вологды.

В июне 1863 года Засодимский окончил гимназию и покинул «тесный, замкнутый мирок» пансиона. Несмотря на желание отца сделать сына чиновником, Засодимский твёрдо решил поступить в Петербургский университет.

Летние дни после окончания гимназии он провёл в деревне; расставаясь с родными местами, долго бродил по лугам, полям, по Аникеевскому лесу, где проходили его детские годы. Вскоре мать проводила сына в город, и 3 сентября Засодимский с товарищами уехал из Вологды в Петербург. Лишь к ночи кое-как дотащились они по непролазным дорогам до Грязовца. «Моросил

дождь, было темно, грязно, — вспоминал писатель. Дилижанс остановился перед тускло освещённым подъездом какой-то гостиницы».

На другой день Засодимский был уже за пределами своей губернии. Но никогда не забывал он родную «вологодскую сторону». «... Со своими дремучими беспросветными лесами и трущобами, — писал он, — она представляется для меня самым лучшим краем на белом свете...».

Уже в первый год жизни в Петербурге Засодимский вспоминал «покинутый дом, знакомые леса, серые убогие деревушки».

После окончания первого курса он приехал на родину, пробыл у родителей всего несколько дней и поспешил в Фоминское, где умирала от туберкулёза любимая им девушка. 2 сентября 1864 года он похоронил её и снова уехал в Петербург. Но университета будущему писателю так и не удалось закончить. Родные были не в состоянии помогать ему, пришлось прекратить учёбу и взять место сельского учителя в Пензенской губернии.

В 1867 году в московских и петербургских газетах появляются первые стихи Засодимского, а в следующем году печатаются и большие прозаические произведения.

В начале апреля 1868 года Засодимский приехал в Вологду, уже будучи автором повести «Грешница», опубликованной на страницах журнала «Дело».

На этот раз писатель прожил в Вологде до октября 1869 года. Здесь он сблизился со ссыльным Н. В. Шелгуновым, посвятил ему одну из первых своих повестей — «Тёмные силы», задуманную и отчасти написанную в Вологде.

Всеим своим творчеством Засодимский был прочно связан с родною «лесной стороной»; он хорошо её знал. В статье «Лесное царство» (1878 г.), рассказывая в основном о бывшем Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии, Засодимский пишет:

«Искрещивая Вологодскую губернию, едучи по уездам: Кадниковскому, Тотемскому, Никольскому, Устюгскому, путник на каждом шагу живо чувствует и сознаёт, что кругом него настоящая, коренная Русь... Он слышит русский говор, несколько тягучий и сильно упирающийся на «о»... Он видит лица русского типа; видит избы с разукрашенными оконцами; видит и бедные... «курные хатки», уже без всяких прикрас — и все на одну статью... Он видит, наконец, обычный ход полевых работ...; мужик, слегка наклонившись, широко размахивает своею длинной косой, или баба жнёт, согнувшись в три погибели».

Даже находясь далеко за пределами своего родного края, Засодимский думал о нём: знакомая с детства родная природа, яркие эпизоды давно минувшего вдруг вставали в памяти писателя и находили себе место в его произведениях.

В Петербурге, в одну из белых майских ночей, ему вспомнилась «далёкая родная сторона, вспомнились её леса дремучие», родные места, где он жил летом. Засодимский представил, как «однажды в тёмную осеннюю ночь в сад прилетел филин, уселся на крышу дома» и криком своим напугал старушку, оставшуюся на зиму в опустевшем доме.

Под впечатлением таких воспоминаний Засодимский в эту же ночь написал сказку «Заговор сов», которую вскоре напечатал в журнале «Детское чтение». Так Засодимский стал детским писателем, впоследствии автором «Задуманных рассказов» (1885), сборников для детей «Бывальщины и сказки» (1888), «Дедушкины рассказы и сказки» (1898).

«Грустный тон большинства моих рассказов, — писал он, — может быть, отчасти объясняется и тем, что мне самому не весело жилось, не светлой стороной обращалась ко мне жизнь, не много радостных картин она мне

рисовала, а мрачные, печальные картины на каждом шагу встречались мне...».

Это и дало повод М. Горькому назвать Засодимского «унылым». Засодимский пытался оправдать своё внимание к тёмным сторонам жизни, свои сознательные поиски мрачного тем, что он не видел «светлого и радостного там, где его видят другие». Он хотел, чтобы «мрачных явлений не было в жизни», но вместе с тем не видел растущей силы пролетариата, способного перестроить жизнь на новых началах.

В мае 1874 года Засодимский снова приехал на лето в Вологодскую губернию и пробыл здесь до осени. В это время он закончил большой роман «Хроника села Смурина». Над этим лучшим своим произведением, в котором ярко отразилась любовь писателя к русскому народу, Засодимский работал долго и кропотливо. Но и здесь он не смог полностью отойти от своих народнических ошибок, идеализируя слабые черты крестьянства, создавая кроткого мужика по типу «мужиков Толстого, Тургенева...» (М. Горький). И всё-таки Засодимский с огромной любовью относился к народу, рассказал о его чаяниях, изобразил тяжёлую его жизнь и после крестьянской «реформы». Не случайно это произведение появилось на страницах самого передового журнала того времени — «Отечественных записок».

Великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, старательно оберегая книгу от цензуры, сокращал целые куски. Он был рад, что «хронику» «черти цензурные не слопали».

По совету Щедрина, Засодимский впервые поставил на книге псевдоним, которым он «впоследствии часто пользовался». Этот псевдоним — Вологдин — лишний раз подчёркивает связь писателя с родной стороной, с Вологдой, где он «с малых лет жил среди народа, узнал его и полюбил».

В другом большом романе — «По градам и весям», написанном в 1885 году в Вологодской губернии, Засодимский рассказал о своём земляке Ф. Лермонтове, арестованном за революционную пропаганду и умершем в заключении.

Часто приезжал Засодимский в родные края и подолгу здесь жил. И всякий раз он находил большие изменения, видел, что крестьянину живётся всё хуже и хуже, нищета и запустение царят в деревне, появляется кулак, строятся питейные лавки и кабаки для ограбления крестьян. Весной 1888 года после 24-летнего отсутствия писатель побывал в родных Никольских краях. «Много перемен нашёл я в деревне... — писал он в «Истории одной уставной грамоты». — Деревня показалась мне такой жалкой, такой убогой, какой я никогда ещё не видел её. Я увидел покривившиеся избы с подслеповатыми оконцами, бревенчатые стены, почерневшие от недавнего дождя, серые полусгнившие соломенные крыши, поразмётанные ветрами, грязную улицу... У некоторых изб двери и окна были наглухо заколочены досками».

Прожил Засодимский в Вологде и большую часть 1891 года. В начале сентября он выехал в Кадников и целый месяц провёл в Горке, усадьбе своей тётки, на берегу реки Двиницы. Здесь он организовал сбор средств для голодающих крестьян Поволжья. Писатель думал остаться в Горке на всю зиму, но горкинский дом оказался настолько ветхим и холодным, что жить в нём зимой было невозможно. 30 сентября Засодимский уехал из деревни в Москву, но здесь ему прожить не разрешили «вследствие неблагонадёжности». Из Петербурга же он был выслан за резкую речь на могиле П. В. Шелгунова.

Простуженный, совершенно больной, Засодимский 16 октября снова приезжает в Вологду и снимает номер

в гостинице «Золотой якорь». В это время он задумывает издать на средства вологжан сборник «Помочь», в пользу голодающих Поволжья. Засодимский просит многих видных литераторов прислать в сборник свои произведения, а сам пишет для него рассказ и большую статью «Чёрный год. Предвестники голода 1891 года и его причины».

Взяв на себя обязанность редактора, он отсылает сборник для издания в Петербург, но цензура исключила из сборника рассказ Засодимского и его статью.

В ноябре писатель тяжело заболел и жил в одиночестве, без какого-либо ухода. Лишь изредка его посещали знакомые, родственники и доктор А. А. Снятков.

В это время в Вологде, в местном театре, выступала труппа артистов под руководством Н. Корсакова. Актёры узнали, что у Засодимского есть разрешённая цензурой, но ещё не поставленная пьеса, написанная по мотивам его повести «Волчиха». Актёр Григорьев попросил её для своего бенефиса.

«Вследствие болезни, — вспоминает Засодимский, — я не мог бывать на репетициях моей пьесы. Но на последнюю репетицию я решил непременно пойти, хотя с моей стороны было довольно рискованно: едва оправившись и ещё ни разу не выходя из дому, идти в театр (в холодный сарай), на сцену, со всех сторон продуваемую сквозняками. Но этот выход сошёлся для меня благополучно...».

Пьеса Засодимского шла в театре 3 декабря 1891 года. Писатель присутствовал на премьере и остался доволен постановкой, хотя увидел вместе с тем и слабые стороны своего драматического произведения.

«Волчиха» была недурна, — писал он в воспоминаниях, — хорош был и Корсаков в роли Митюхи, и А. Фёдоров в роли молодого ямщика. Публика дружно вызывала артистов и автора, — автора-то, вероятно, не за пьесу, а просто из чувства патриотизма, как земляка...».

В январе 1892 года к Засодимскому в гостиницу явился околоточный и объявил под расписку, что писателю не разрешается жить в столице. Вологодский полицмейстер немедленно учредил надзор за писателем и завёл специальное «дело о состоящем под негласным надзором полиции литераторе Павле Владимировиче Засодимском»²⁾).

Желая присутствовать в Петербурге при издании вологодского сборника в помощь голодающим, Засодимский обращается с просьбой разрешить ему приезд в столицу, но 8 февраля 1892 года околоточный надзиратель объявил писателю, что его ходатайство о разрешении жительство в С.-Петербурге «оставлено без последствий».

13 марта 1892 года Засодимский «распростился с гостеприимным «Золотым якорем», уехал в Москву, а затем в Любань, так как в Петербурге проживать ему попрежнему не разрешалось. Лето 1892 года писатель провёл «на кумысе», а в конце августа снова приехал в Вологду и поселился в Горке.

«Горка мне очень памятна, — писал Засодимский, — и самые воспоминания о ней для меня дороги и милы. Я знал её с малых лет, там каждый куст, каждая тропинка мне знакомы... Я жила на Горке и мальчиком, и юношей-гимназистом, и студентом, здесь же я провёл первое лето в деревне с молодой женой. И под старость сюда же, под тень старых лип, я скрывался на лето для отдыха от суеты и треволнений петербургской зимы.

Я любил этот тихий уютный уголок... Здесь в тиши и на свободе написаны мною: «Степные тайны», «По градам и весям», «Семейство Подошвиных», «Пропал человек», «Грех», «Из жизни лесной стороны», «Лесное царство», воспоминания из детских лет и целый ряд рассказов для детей. Здесь, на Горке, я отдыхал и, набравшись сил, здесь же много, усиленно работал».

Бывая в Горке, писатель любил летним вечером гулять по рябиновой аллее. Там, где аллея расширялась, стояли его рабочий стол и простая деревянная скамья. Летом здесь Засодимский писал свои произведения, подолгу просиживал в уединении, обдумывая их.

Рядом с горкинским домом стоял пустовавший флигель. Осенью 1892 года Засодимский устроил себе в одной его половине кабинет и там работал. За этот период он написал статью «Дедушка Павел Михайлович», воспоминания о детстве и несколько рассказов.

По вечерам Засодимский читал вслух произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, вспоминал о Петербурге и о своих знакомых литераторах. Разрешения на жизнь в столице ему попрежнему не давали.

Лишь 10 октября становой привёз это разрешение. Через три дня, распрощавшись с Горкой, на тройке «рыжих» Засодимский уехал в Кадников, затем в Вологду и Петербург.

Это была последняя осень, проведённая писателем в Горке. Один из вологжан, поэт-журналист М. Н. Швецов, вспоминал:

«В 1892 году зимой я встретил у Карелина проездом остановившегося в Вологде на несколько дней Павла Владимировича. Уже тогда он был почти совсем седой, с курчавой откинутой назад шевелюрой, морщинистым лбом и всегда привлекательными кроткими серыми или голубыми глазами. Именно таким мне и представлялся почему-то автор этих милых «Задушевных рассказов». Я помню, что он был одет в чёрную бархатную куртку, говорил очень мало, всё время сидя на диване и с каким-то благосклонным любопытством вглядываясь и выслушивая пространные и горячие монологи хозяина»³⁾.

Прожив несколько лет в Петербурге, Засодимский в 1908 году покинул столицу и поселился в Новгородской губернии. Как вспоминают современники, и в это время

мечтой писателя было «уехать на родину, в Вологодскую губернию». Но эта мечта не осуществилась.

4 мая 1912 года Засодимский умер в селе Жадины, Опочецкого уезда, Новгородской губернии.

На другой день на страницах большевистской «Правды» появилась небольшая заметка:

«Вчера скончался известный писатель-народник П. В. Засодимский.

Покойный является последним из славного кружка русских беллетристов, где он работал наряду с Глебом Успенским, Златовратским и другими.

Широкую литературную известность П. В. Засодимский приобрёл своею «Хроникой села Смурина», печатавшейся в «Отечественных записках»⁴⁾.

Засодимский прожил трудную жизнь. Выйдя из бедной семьи, он никогда не прельщался роскошью, избегал её, несмотря на то, что сам часто нуждался. В 1872 году умер первый сын писателя, потому что отец не имел денег, чтобы пригласить доктора и купить больному ребёнку лекарства. Нередко приходилось Засодимскому бросать перо и давать уроки, чтобы на эти средства содержать семью. Такие «чёрные дни» тяжело переживал писатель. Но он никогда не жил для себя; он, по выражению современников, «любил народ, страдал его болями».

«Человек, живущий для себя, — писал Засодимский, — никогда не может чувствовать себя удовлетворённым. Только в борьбе за общечеловеческое дело можно найти счастье».

В. А. ГИЛЯРОВСКИЙ

(1853—1935)

Там, где теперь на улице Чернышевского находится дом № 28, не так давно ещё стоял небольшой одноэтажный домик, выкрашенный жёлтой краской. Принадлежал он отцу поэта и беллетриста Владимира Алексеевича Гиляровского, известного в литературе под псевдонимом «дядя Гиляй».

Владимир Алексеевич Гиляровский родился 26 ноября 1853 года в глухих сямских лесах Вологодской губернии. «Родился я, — пишет в своих воспоминаниях Гиляровский, — в лесном хуторе за Кубенским озером и часть детства своего провёл в дремучих домшинских лесах, где по волокам да болотам непроходимым медведи пешком ходят, а волки стаями волочатся. В Домшине пробегала через леса дремучие быстрая речонка Тошня, а за ней, среди вековых лесов, болота. А за этими болотами скиты раскольничьи, куда доступ был только зимой, по тайным

нарубкам на деревьях, которые чужому и не приметить, а летом на шестах пробираться приходилось...»¹⁾).

В этой лесной глуши прошло раннее детство будущего писателя. Отец его, Алексей Иванович Гиляровский, был помощником управляющего лесным имением графа Олсуфьева. После года работы он женился на дочери управляющего, черноморского казака Петра Усатого. Пётр Усатый был сыном запорожца, бежавшего после разгрома Сечи на Кубань. «Там он обосновался, — пишет В. А. Гиляровский, — и там родился мой дед, участник кавказских походов. Бабка и дед рассказывали о привольной и боевой казацкой жизни, а их дочь, моя мать, пела, прекрасно пела, песни чудные и читала по вечерам Пушкина, Лермонтова, а отец — запрещённые стихи Рылеева. Я, пятилетний, со слуха знал наизусть кусочки из... «Войнаровского».

Так вольнолюбивые казачьи песни, запрещённые стихи Рылеева, тетрадь с которыми хранилась у отца, стихи Пушкина и Лермонтова с детства входили в сознание будущего поэта. Когда мальчику исполнилось пять лет, дед подарил ему привезённую с сельской ярмарки азбуку и начал обучать внука грамоте.

Семья, в которой воспитывался Гиляровский, жила очень дружно и скромно. Отец и дед дружили с местными крестьянами, увлекались охотой и рыбной ловлей, были «первыми медвежатниками на всю округу, в одиночку с рогатиной ходили на медведя». Недюжинную их силу унаследовал и Вл. Гиляровский, который сам впоследствии «делал бантики из железной кочерги».

Большую роль в воспитании мальчика сыграл друг отца, беглый матрос, крепостной вологодский крестьянин Китаев. Обладая необычайной силой (он жонглировал брёвнами, разбивал на руках камни), Китаев воспитывал в Гиляровском «удалого охотника».

Перед самой отменой крепостного права семья Гиля-

ровских переехала в Вологду и поселилась на Калашной улице в доме купца Крылова. «Крестьяне устроили нам трогательные проводы, — вспоминает писатель, — потому что дед и отец пользовались особенной любовью. За всё время управления дедом глухим лесным имением, где даже барского дома не было, никто не был телесно наказан, никто не был обижен, хотя кругом свистели розги, ... без очереди сдавались люди в солдаты, а то и в Сибирь ссылались».

В Вологде появляются у Гиляровских новые связи, новые знакомые, но мальчик никогда не забывал своего воспитателя — беглого матроса.

На лето вся семья отправлялась в небольшое имение Светилки, расположенное в тех же глухих и непроходимых домшинских лесах (теперь Чёбсарский район). Приезжая на лето в Светилки, Гиляровский вместе с отцом, дедом и Китаевым пропадал на охоте, учился верховой езде. Китаев, — пишет Гиляровский, — «был мой дядька, развивавший меня физически. Он учил меня лазить по деревьям, обучал плаванию, гимнастике».

Смерть матери, бабушки, а затем деда сильно подействовала на мальчика. В жизни его наступили большие изменения. Отец женился на Марии Ильиничне Рознатовской, и Гиляровский уже не бывал по летам в родных домшинских лесах, а гостил в Деревеньках, небольшой усадьбе новой для мальчика семьи Рознатовских.

«Моя мачеха, — вспоминает писатель, — добрая, воспитанная и ласковая, полюбила меня действительно как сына и занялась моим воспитанием, отучая меня от дикости первобытных привычек. С первых же дней посадила меня за французский учебник, кормя в это время конфетами. Я скоро осилил эту премудрость..., но «светские» манеры после моего гувернёра Китаева долго мне не давались, хотя я уже говорил по-французски».

Однажды отец и мачеха надолго уехали в Никольск,

оставив сына в семье Рознатовских. «Вот тут-то мне досталось от двух сестёр матери, институток: и сел не так, и встал не так, и ешь, как мужик! Допекали меня милые тётеньки», — говорил Гиляровский.

В 1865 году он поступил в первый класс вологодской гимназии «и в первом же классе остался на второй год».

Учителя в гимназии учили «чему-нибудь и как-нибудь», поэтому у Гиляровского о том, что он учил, и о тех, кто его учил, «осталось в памяти мало хорошего».

Учитель французского языка Ранси был чрезвычайно бездарен: на родине он был парикмахером и вряд ли знал даже свой язык. Немец Робст, по словам Гиляровского, «производил впечатление самого тупоголового колбасника». Гимназисты, зная, что он совершенно не понимает по-русски, читали ему вместо молитвы — «Чижик-пыжик, где ты был», за что попадали в карцер. Не миновал карцера и Гиляровский. Начальство пускало в ход и другие меры воздействия: розги, линейки, различные издевательства над личностью учеников.

Гиляровский, не привыкший относиться к «чинам» с подобострашием, часто проделывал «злые шутки». Однажды он «позолотил» краской собачку Жужу, принадлежавшую какой-то баронессе, в другой раз измазал масляной охрой шинель самовлюблённого губернского чиновника, а как-то вечером высыпал сотню лягушек на офицера, любезничавшего в беседке со своей возлюбленной.

В гимназии Гиляровский начал писать стихи; первыми его стихотворными опытами были «пакости на наставников», за которые гимназисту «тайно мстили» обиженные учителя. Учитель черчения и рисования Тарасов обозвал Гиляровского «стихоковырялом» за то, что юный поэт в одной из своих эпиграмм наделил учителя именем Тарас Чертило.

«Но кроме пакостей на наставников, — вспоминает

Гиляровский, — я писал и лирику, и переводил стихи с французского, что очень одобрял учитель русского языка Прохницкий».

Зимой 1865 года Гиляровский впервые попал в театр.

Ещё до представления он прочёл в афише: «Вологда. С дозволения начальства, труппой известных артистов в бенефис Мельникова представлена будет трагедия в пяти действиях «Идиот» или «Тайна Гейдельбергского замка».

Попав в театр, юноша с жадностью следил за каждым движением Мельникова, игравшего Идиота. Видел Гиляровский в Вологде игру и другого известного в то время артиста — Докучаева. Эти «две знаменитости того времени, — вспоминал он, — произвели на меня большое впечатление и заставили полюбить театр».

Однажды на городской площади выросло высокое круглое сооружение, в котором разместился цирк. Гиляровский немедленно проник туда и «за две зимы стал недурным акробатом и наездником».

«В это время Вологда, — писал Гиляровский, — была полна политическими ссыльными. Здесь были и по делу Чернышевского, и «Молодой России», и нигилисты, и народники. Всех их звали обыватели одним словом «нигилисты». Были здесь тогда П. Л. Лавров и Н. В. Шелгунов...».

Гимназист Гиляровский вскоре сблизился со ссыльными, часто бывал на их вечеринках, а в летние месяцы кружок ссыльных собирался в глухом саду при квартире Гиляровских.

Один из ссыльных дал почитать гимназисту запрещённый тогда роман Чернышевского «Что делать?». Гиляровский зачитывался им, и Рахметов стал его мечтой.

Желая ближе узнать жизнь простых людей, он в июне 1871 года бежал из дому, не окончив гимназии. Пешком добрался до Ярославля и поступил в бурлаки. Гиляровский ходил в лямке до Рыбинска, работал крющ-

ником, потом служил на белильном заводе, был табунщиком в казацких степях, скитался по волжским пристаням, участвовал в войне с турками.

Любовь к театру сделала Гиляровского актёром. Он выступал на сценах Саратова, Пензы, Воронежа, некоторое время служил в Московском театре, был знаком с виднейшими актёрами того времени.

В начале сентября 1878 года Гиляровский «к великой радости отца» прибыл в Вологду. Отец подарил ему книжку учителя Прохницкого, вышедшую в 1873 году в приложении к губернским ведомостям. В ней было напечатано стихотворение Гиляровского «Листок». «Это ещё больше зажгло во мне охоту писать, — вспоминает Гиляровский, — хотя я до этого времени посылал отцу большие письма, где описывал бродяжную жизнь, посылал стихи, писаемые на серой бумаге по притонам, а раз даже послал целый рассказ из жизни рабочих на белильном заводе».

На этот раз пребывание Гиляровского в родном доме было недолгим. Вскоре он получил письмо из Пензы, помеченное 5 октября 1878 года. В письме актёр Далматов приглашал своего старого знакомого вступить в его труппу, и Гиляровский опять начал актёрскую жизнь, скитаясь по провинциальным городам.

30 августа 1881 года в «Будильнике» появилось стихотворение Гиляровского «Волга». Он «бросил сцену и отдался литературе», начал сотрудничать в различных газетах. Репортёрская деятельность Гиляровского приобретает огромную популярность. Он становится, как говорил Чехов, «царьком московских репортёров», широко известным в писательских кругах. В другом письме Чехов писал о Гиляровском: «Из этого человечины выработывается великолепнейший репортёр»²). И. Телешов в «Записках писателя» даёт такую характеристику Гиляровскому, входившему в его кружок «Среда»:

«И газетный репортёр, и поэт, и автор хлёстких фельетонов из общественной жизни, Владимир Алексеевич, или, как обычно звали его многочисленные приятели, Дядя Гиляй (один из его литературных псевдонимов), был человеком таких разнообразных качеств, что не зря про него говорилось, будто он «и швец, и жнец, и в дуду игрец».

Ни перед какими превратностями судьбы Гиляй не опускал голову. Его рассказы из жизни рабочих, собранные в книжку и изданные на средства самого автора, зарезала цензура и предала сожжению во дворе полицейского дома близ Сретенского бульвара. Он рассердился, что писателю не дают заниматься своим прямым делом, и в ответ открыл контору объявлений и разразился по тем временам необычайной рекламой».

На пролётках извозчиков, в окнах магазинов, даже в Кремле на царь-пушке появились яркие круглые объявления, извещавшие о конторе Гиляровского.

«Потом, — рассказывает Телешов, — он основал «Русское гимнастическое общество», где был председателем, и сам же прыгал там через «кобылку», показывая пример молодёжи, дрался на эспадронах, поднимал над головой на железной кочерге двоих приятелей, повисших по обе стороны этой кочерги, и вообще показывал чудеса ловкости и силы. А сила у него была редкостная, исключительная.

Потом, неведомо почему, Гиляровский внезапно исчез и оказался на Балканах, в Сербии, где в своих корреспонденциях вывел тогдашнего короля Милана «на свежую воду», раскрывши всю его интригу и доказав, что знаменитое покушение на Милана было подстроено самим же Миланом для личных королевских целей. Это разоблачение подхватили европейские газеты, и Гиляровскому едва удалось унести из Белграда свою голову. Вечно чем-нибудь занятый и торопливый, с полными кар-

манами всяких записок и бумаг,... Гиляй щедро расточал экспромты по всякому поводу... Когда появилась толстовская пьеса «Власть тьмы», Гиляй сострил:

В России две напасти:
Внизу — власть тьмы,
А наверху — тьма власти.

... Одновременно дружил Гиляй с художниками, знаменитыми и начинающими, писателями и актёрами, пожарными, беговыми наездниками, жокеями и клоунами из цирка, европейскими знаменитостями и пропойцами Хитрова рынка, «бывшими людьми»³⁾.

Несмотря на большую занятость и многочисленные знакомства в Москве, писатель не забывал и родных мест. Зимой 1882 года он снова приехал в Вологду. Отбирая среди писем, посланных раньше отцу, рукописи, он обрабатывал их. В это время Гиляровский опять сближается со ссыльными, встречается с Германом Лопатыным и писателями, находившимися в вологодской ссылке. Бывал Гиляровский в Вологде и позже. Впечатления детства, родные вологодские края нашли отражение и в его творчестве.

В 1891 году вышла книга стихов Гиляровского «Забывтая тетрадь», выдержавшая три издания (1893 и 1901 гг.). Здесь отразились «далёкой юности бывшие впечатленья». В стихах Гиляровского встаёт образ поэта-бродяги, воспитанного «в лесах дремучих». В стихотворении «Бродяга» Гиляровский пишет:

Не смейтесь, что всё я о воле пою:
Как мать дорогую, я волю люблю..
Не смейтесь, что пел я о звуке оков,
О скрипе дверей да о лязге штыков..
О холоде, голоде пел, о беде,
О горе глубоком и горькой нужде⁴⁾.

Голод и горькую нужду крестьян видел Гиляровский

ещё в детстве в вологодских краях. После одного из посещений родных мест он писал в стихотворении «Дома»:

Родные картины опять предо мною:
Кустарники, нивы, луга,
И густо покрытые сочной травю
Широкой реки берега...
И пахнет смолою от рощи сосновой,
Лечу средь зелёных полей,
И жадно вдыхаю тот воздух здоровый, —
Мне север сегодня милей!..
Вот песня несётся с несжатого поля,
Звуча вдалеке, как струна...
В ней слышны разгулье и удаль, и воля...
И горя та песня полна.

В стихотворении «На родине» поэт говорит о том, как был он снова в кругу родной семьи, как перед ним воскресли воспоминания юности. Он мечтает о скором приходе солнца и счастья на его землю, верит в то, что настанет такое время, которое «разгонит мрак нависших туч». Гиляровский смело ожидает тучу, предвестницу бури, хочет, чтобы буря поломала в лесу гнилые сосны, смыла болотную тину. «Кончится буря — другая картина»:

Яркое солнце на небо взойдёт,
Полною грудью природа вздохнёт,
И после грозных раскатов и бури
Солнце яснее заблещет в лазури.

Но, наряду с мотивами веры в лучшее будущее, наряду с советом смело глядеть в грядущее, быть непреклонным в борьбе, некоторые стихотворения Гиляровского проникнуты неверием, усталостью, пессимизмом. Поэт говорит, что он разучился мечтать о счастье, заявляет, что все его «мечтания былые разбились впрах». Это и вызвало отрицательную оценку Горьким третьего издания стихов Гиляровского «Забывтая тетрадь».

«Дальше оказывается,—писал Горький в рецензии,— что у г. Гиляровского нет

В мозгу ни дум, ни веры, ни сомнений»⁵⁾).

В 1900 году в Москве вышла книга рассказов Гиляровского «Негативы». На этой книге, подаренной одному из вологодских земляков, Гиляровский написал:

Здесь всё: тревоги и мечтанья,
Порывы прежних бурных дней,
Народа горькие страданья
И беды юности моей!⁶⁾

Действительно, в этой книге помещены рассказы во многих случаях автобиографические. Некоторые из них навеяны воспоминаниями детства, виденным в вологодских краях. В рассказе «Надюшины цыплята» Гиляровский рисует один из эпизодов своего детства: как охотился он на медведя в вологодских лесах. В другом рассказе—«Обыкновенный случай»—передается печальная судьба Никиты Ефремова, крестьянина «одного из беднейших уездов Вологодской губернии». Никита «отправился на заработки в Москву, так как дома хлеба и без его рта нехватит до нового...». Раздетый и голодный крестьянин был несправедливо обвинён в воровстве и посажен в тюрьму.

В одном из своих стихотворений—«Осенний ветер»—Гиляровский писал:

Не бойтесь, хоть ветра напевы унылы...
Надейтесь: воспрянут могучие силы,
Весна золотая придёт!

Ожидание «весны золотой» привело Гиляровского к горячему принятию Октябрьской революции. С первых же дней он начал работу в советской печати и за годы советской власти издал несколько книг: сборник стихов «Грозный год», поэмы «Петербург» и «Стенька Разин», воспоминания «Москва и москвичи», «Мои скитания».

2 октября 1935 года, в возрасте восьмидесяти двух лет, Гиляровский умер.

«Владимир Алексеевич не оставлял работу до последних дней, — писали Л. Леонов, А. Малышкин и другие советские писатели в заметке «Умер В. А. Гиляровский». — Недавно он закончил книгу театральных воспоминаний «Записки репортёра».

Скованный болезнью, полуслепой писатель до последних дней жадно интересовался всем происходившим в стране. Он писал восторженные стихи о советских стратонавтах, о подвигах «Челюскина», о советской молодёжи. Написал большую поэму о Ленине.

С грустью восприняли мы известие о смерти старого писателя, чудесного, скромнейшего человека»⁷).

Г. И. УСПЕНСКИЙ

(1843—1902)

В середине июня 1889 года старый полуразвалившийся пароход «Спокойный», принадлежавший какой-то предприимчивой компании, медленно плыл по Шексне. На борту парохода находился выдающийся русский писатель-демократ Глеб Иванович Успенский.

Поездки по рекам Успенский совершал обычно весной. В это время у писателя появлялось желание уехать куда-нибудь из Петербурга, «воскресить в своём сознании воспоминания о природе, воздухе и дать зрению какую-нибудь пищу, кроме «газеты»¹⁾). Но на этот раз Успенский ехал в Череповец с определённым намерением; ещё в апреле 1889 года он писал из Петербурга: «Мне надо летом быть в Череповце — он стоит на Шексне...». В одном из писем Успенский разъяснял необходимость по-

ездки в этот город: «На днях... поеду через Ярославль в Рыбинск, а оттуда по Шексне в Череповец: зовут земские деятели, хотят рассказать всю историю закрытия земства. Ведь этого ещё нигде не случилось...»²⁾). Дело в том, что в Череповце 7 июня 1888 года «высочайшим повелением» была прекращена работа земской управы, запрещался созыв земских собраний, а председатель управы был выслан. Приглашённый сюда Успенский и хотел раскопать «тамошний земский курган», рассказав обо всех этих событиях читателям «Русских ведомостей».

По дороге в Череповец писатель живо интересовался краем, о котором хотел писать, людьми, природой. Он внимательно следил за уплывавшими назад берегами Шексны, беседовал с пассажирами парохода.

Рассказывая о своих впечатлениях от этой поездки, Успенский писал: Шексна «временами даже и живописна, и вообще эта река бойкая, ... сильная, многоводная, глубокая; берега круто опускаются в глубокие бездны; беспрестанные повороты её постоянно меняют вид местности, куда направляется пароход; есть и сёла, и деревни, и церковки, и луга, и стога, и заводы, и фабрики, всё, что теперь есть на всякой судоходной реке...»¹⁾).

Писатель называет Шексну «коммерческой рекой», его больше всего возмущают и наводят на него скуку биржевые махинации, грязные сделки, о которых он узнаёт по пути в Череповец. Результатом этой поездки Успенского явились его очерки «По Шексне». Но в них писатель почему-то не рассказал ни о Череповце, ни о земстве.

Второй раз Успенский побывал в вологодских краях уже на склоне своих лет.

С сентября 1892 года Успенский находился на лечении недалеко от Новгорода, в Колмовской психиатрической больнице. Изредка, когда больной чувствовал

себя лучше, ему разрешали бывать в губернском городе. В одно из таких посещений Новгорода, осенью 1893 года, Глеб Иванович остановился у секретаря губернской земской управы Н. И. Ушакова. В это время сослуживец Ушакова — Н. А. Окунев должен был ехать в Устюжну на земское собрание и упросил врача Б. Н. Синани, который лечил Успенского, отпустить с ним в эту поездку выздоравливающего писателя.

4 октября Синани обрадовал Успенского: «Ну, Глеб Иванович, вы теперь совершенно свободны. Едете без провожатого».

Утомлённый однообразной жизнью в Колмове, Успенский чрезвычайно обрадовался предполагаемой прогулке в новый для него город. Он даже, как вспоминает Ушаков, начал «торопить поскорее ехать».

Этой же ночью Успенский выехал из Колмова на станцию.

Жители окрестных сёл и деревень могли видеть, как от Боровичей до Устюжны, по размытой ухабистой дороге, разбрызгивая грязь далеко по сторонам, мчалась лихая тройка. В повозке, внимательно осматривая печальными глазами живописную местность, сидел Глеб Успенский. «Встряска по размытой грязью дороге, — вспоминал впоследствии писатель, — была для меня чрезвычайно полезна. Нервное расстройство — как рукой сняло».

Успенский интересовался незнакомыми для него местами, отмечал «превосходную местность» по дороге в Устюжну. Окунев, сопровождавший писателя, сообщал, что Успенский, как бы возродился к жизни, был необычайно оживлён и заинтересован.

6 октября писатель дал из Устюжны телеграмму жене: «С Н. А. Окуневым приехал на земское собрание, буду писать...». А через несколько дней послал письмо:

«Вот я и в Устюжне на земском собрании, четвёртый день, — скажу прямо, для меня началась новая, свободная жизнь».

Находясь в Устюжне, Глеб Успенский не пропустил ни одного заседания сессии земства и, как рассказывает Окунев, «проявлял живой интерес к земским делам». Возможно, что этот интерес писателя объяснялся его желанием написать об Устюжне специальную корреспонденцию.

12 октября, по окончании земского собрания, Успенский вместе с Окуневым заехал погостить к врачу А. А. Таирову и несколько дней прожил недалеко от Устюжны в Ерёминской больнице.

«Ерёминская земская больница, — писал Успенский жене 15 октября, — находится в 60 верстах по дороге от Устюжны на Боровичи. Место необыкновенно красивое: на высоком берегу реки, в роще, выстроены два дома земской больницы... Я на возвратном пути остановился, живу уже четвёртый день, пишу большую корреспонденцию в «Русское Богатство»... Поездка положительно отрезвила меня, вылечила лучше, чем колмовская жизнь».

Впоследствии Успенский с восхищением вспоминал эту поездку. «... Поездка в Устюжну, — писал он, — была истинным для меня спасением». Однако вскоре вновь наступило ухудшение здоровья. Болезнь приковала писателя к постели. 14 апреля 1902 г. он умер³⁾.

В. Г. КОРОЛЕНКО

(1853—1921)

Выдающийся мастер художественного слова Владимир Галактионович Короленко, названный Лениным «прогрессивным писателем», был рано вырван «из рядов начавшегося общественного движения» и сослан царской жандармерией «сначала в Вологодскую, потом в Вятскую и Пермскую губернии», а затем в Сибирь, в Якутию¹⁾.

Поступив в 1874 году в Петровскую Земледельческую и Лесную Академию в Москве, Короленко быстро попадает в атмосферу революционно-настроенной молодёжи, сближается с руководителями студенческого движения, посещает студенческие сходки, готовится к «хождению в народ».

Слежка полиции за студентами, ежедневные преследования инспекторов, связанных с жандармерией, вы-

звали в студенческой среде волну негодования. Студенчество поручило группе товарищей написать протест в адрес администрации Академии. Он был написан рукою В. Г. Короленко. Подписавшись под ним, он вместе со своими товарищами вручил протест начальству.

20 марта 1876 года все подписавшие протест были исключены из Академии. Вскоре последовал первый арест Короленко, а 24 марта юноша был доставлен в Ярославль, где ему объявили, что он, как «государственный преступник», «по высочайшему повелению» высылается в г. Усть-Сысольск, Вологодской губернии (теперь г. Сыктывкар, Коми АССР).

В Вологду Короленко прибыл 25 марта 1876 года в сопровождении двух ярославских полицейских. Вскоре губернатор получил секретный документ из Министерства внутренних дел, в котором говорилось:

«По случаю беспорядков, возникших в Петровской Земледельческой Академии, сделано распоряжение о высылке из Москвы исключённого, в числе главных зачинщиков, студента Академии, сына надворного советника Владимира Короленко в Вологодскую губернию под надзор полиции, с подчинением просмотру его корреспонденции»²⁾).

В Вологде будущий писатель содержался в дежурной комнате при городском полицейском управлении. В «Истории моего современника» В. Г. Короленко так вспоминает об этих днях³⁾: «Дело было на страстной неделе, и на мою просьбу отправить меня немедленно далее — полицеймейстер ответил, что меня отправят на третий или четвертый день праздника».

Короленко был знаком с сыновьями вологодского губернатора Хоминского. С ними он учился в Петербурге. Узнав, что Короленко высылается в Вологодскую губернию, они сообщили об этом своему отцу. И вот в пер-

вый день пасхи губернатор решил лично посетить ссыльного.

Молодой Короленко смотрел тогда на многое глазами юноши, поэтому губернатор показался ему «добродушным стариком», «человеком довольно либеральным». На самом деле отношение губернатора к политическим ссыльным не было таким доброжелательным: перемещениями по губернии он довёл больного Н. В. Шелгунова до полного изнеможения.

Последовав примеру губернатора, к ссыльному студенту в тот же день наведалься полицмейстер, который даже предложил Короленко осмотреть город, показал будущему писателю арестный дом, камеры в нем, хватался чистотой помещения пожарной команды.

28 марта последовало распоряжение о высылке Короленко в Великий Устюг, и через день «пришлось тронуться в дальнейший путь» на почтовых лошадях в сопровождении полицейского.

В то время, как Короленко проехал уже Кадников, в Вологде были получены две телеграммы; в одной сообщалось, что «высланному студенту Петровской Академии Короленко разрешено ехать на родину или к родным», в другой — что он будет проживать там «под надзором полиции».

Губернатор в этот же день поручил тотемскому исправнику «объявить Короленко по прибытии его в Тотму» содержание телеграмм и в случае согласия ссыльного «препроводить его обратно в Вологду с тем же полицейским служителем».

Приближалась весна, передвижение по губернии было чрезвычайно затруднено. «Снега, — пишет Короленко, — были глубоки, но дни стояли тёплые, и всюду под снегом журчали весенние ручьи. Ехали мы быстро, но всё же подъехали к Тотме по совершенно рыхлой дороге, а местами прямо и по грязи.

В Тотьму прибыли 1 апреля. Короленко с почтовой станции был вызван к исправнику, который и сообщил ему новое распоряжение. Поразмыслив, ссыльный студент написал, что предпочитает отбыть ссылку в г. Кронштадте, где проживает его мать.

Исправник распорядился вернуть Короленко в Вологду, но писателю в ожидании лошадей пришлось задержаться и остановиться на квартире у чиновника лесного ведомства — бывшего студента Лесного института Успенского.

За время, проведённое здесь, Короленко наслышался рассказов о расхищении северного леса, увидел взяточничество и хищничество. Всё это заставило юношу твёрдо решить, что он никогда не пойдёт «на службу к этому государству с Ливенами и Валуевыми вверху, с сетью мелкого неодолимого хищничества внизу».

«Это—разлагающееся прошлое... А я пойду навстречу неведомому будущему», — думал Короленко по дороге в Вологду.

Под дугою монотонно звенел колокольчик, поскрипывали полозья, а по обеим сторонам дороги тёмной стеной стояли молчаливые тёмные леса.

«Мы ехали всю ночь, — пишет Короленко, — чтобы захватить ещё остатки разрушающейся дороги. На следующий день, выехав с одной из почтовых станций, мы вскоре остановились в большой деревне...».

Здесь, в деревне, Короленко встретился с крестьянином, который угостил его домашней брагой и, что больше всего тронуло Короленко, обратился к нему, незнакомому гонимому ссыльному, с приветливым словом.

В облике «этого высокого, но точно измождённого богатыря» со светлорыжими бородой и усами, с большими рабочими руками, для Короленко как бы воплотились богатые духовные силы русского народа, которых не мог сломить даже вековой гнёт самодержавия.

«Когда он ушёл, — пишет Короленко, — меня вдруг охватило какое-то особое ощущение глубокой нежности и любви к этому человеку, нет, ко всем этим людям, ко всей деревне с растрёпанными под снегом крышами, ко всей этой северной бедной природе с её белыми полями и тёмными лесами, с сумрачным холодом зимы, с живой весенней капелью, с затаённой думой её необъятных просторов... Судьба моя сложилась так, что это захватывающее чувство мне пришлось пережить на севере».

Именно эта встреча с русским крестьянином-богатырём была для Короленко «определяющей минутой жизни». Он так и назвал этот раздел своих воспоминаний.

Приехав в Вологду, Короленко снова попал в ту же дежурную комнату полицейского управления. «Приехал я к вечеру, — вспоминает он, — а ночью ко мне неожиданно ворвался мой брат» (Иларион Галактионович — младший брат В. Г. Короленко. — В. Г.).

3 апреля губернатор распорядился взять у Короленко расписку о его желании ехать к родным. На обратной стороне этого распоряжения сохранились строки, написанные рукою В. Г. Короленко:

«Честь имею заявить, что с приездом брата я получил средства для отправления на место назначения на собственный счёт, прошу позволения отправиться в г. Кронштадт, где проживает моя мать, вдова надворного советника Евва Осиповна Короленко.

Бывший студент Петровской Академии Владимир Короленко».

6 апреля 1879 года Владимир и Иларион Короленки в сопровождении унтер-офицера отправились из Вологды. 9 апреля писатель прибыл на место новой ссылки, в Кронштадт.

В. М. ГАРШИН

(1855—1888)

Невдалеке от Кириллова, у самой Шексны, на высоком живописном холме расположилось небольшое сельцо Федосьин Городок. Оно было «пожаловано» ещё царём Алексеем Михайловичем вологодским помещикам Золотиловым. В этом «прекрасном — по красоте местности — сельце» «частенько гостила по летам» Надежда Михайловна Золотилова, будущая жена писателя В. М. Гаршина.

«Летом, ещё в 1877 году, — вспоминает Н. М. Гаршина, — я была в сельце Федосьин Городок у своих Золотиловых. Там же гостили Владимир Михайлович Латкин, студент Горного института, который получал письма от своего друга Всеволода Михайловича Гаршина с войны, из Болгарии. Из этих писем и рассказов родных я

впервые заочно познакомилась с Всеволодом Михайловичем»¹⁾).

В 1879 году в Федосьином Городке побывал и сам В. М. Гаршин. 12 июля этого года он сообщил матери, Е. С. Гаршиной: «Если будете писать мне, вот адрес: Новгород. губ., Кирилловского уезда, через Горицкий женский монастырь, село Федосьин Городок, Вере Мих. Золотиловой, для Вс. Мих. Гаршина, когда приедет»²⁾. 29 июля Гаршин выехал из Мураевки, Орловской губернии, в Городок и в конце месяца гостил уже там.

«Не говоря о людях, которых я очень люблю, — писал Гаршин из Городка в начале августа, — и место прекрасное. Дом с церковью на высоком одиноком холме над самою Шексною, по которой каждую минуту ходят пароходы, барки, туэра и проч. Кругом вода и лес. Монастырь в версте.

Подлые монахини девять месяцев тому назад приковали одну юродивую «сестру» цепью к стене в подвал, и только теперь следствие обнаружило это...

Здесьние места мне очень напоминают Петрозаводск, за изъятием разве отсутствия больших гор. Люди совсем такие же и яства такие же: шаньги, наливушки, налитушки, колобки, — всего сортов должно быть двадцать. Кроме того, — пиво, сусло, брага, дрождяник и квас неизменно являются за столом».

Гаршин был доволен своей поездкой в Федосьин Городок ещё и потому, что здесь, кроме отдыха, он мог спокойно работать над своими рассказами. В конце июня 1879 года был похищен в поезде с чемоданом писателя его рассказ «Художники». Пришлось заново переписать его. Известно, что первая редакция этого рассказа, называвшегося «Конец Рябинина», не представляла собой двух чередующихся дневников: повествование начиналось сообщением о том, что Рябинин покинул Академию

художеств и по окончании учительской семинарии уехал в глухое место Новгородской губернии.

В Федосьином Городке писатель полностью завершил работу над «Художниками» и отсюда послал рассказ в «Отечественные записки» М. Е. Салтыкову-Щедрину³). Этот рассказ ярко характеризует творчество писателя. Гаршин критически изображал несправедливости капиталистического строя, протестовал против зла и насилия капитализма.

В рассказе «Художники» писатель нарисовал два противоположных образа: с одной стороны — талантливый Рябинин, с другой — тщеславный Дедов, представитель «чистого искусства», удовлетворяющий запросы «высшего света».

В отличие от Дедова, рисующего безидейные пейзажики, Рябинин признаёт только искусство большого общественного значения. Он знакомится с потрясающей эксплуатацией рабочих, заклёпывающих котлы. Находясь внутри котла, держа заклёпку клещами, они ощущают на себе удары мастера-клепальщика, находящегося снаружи. Рабочие очень скоро глохнут от грохота в котле.

Рябинин пишет глубоко реалистическую картину «Глухарь», в которой передаёт страдальческий труд рабочего клепальщика, муку в его глазах.

«Вот он, — пишет Гаршин от лица Рябинина, — сидит передо мною в тёмном углу котла, скорчившийся в три погибели, одетый в лохмотья, задыхающийся от усталости человек. Его совсем не было бы видно, если бы не свет, проходящий сквозь круглые дыры, просверлённые для заклёпок. Кружки этого света пестрят его одежду и лицо, светятся золотыми пятнами на его лохмотьях, на включенной и закопчённой бороде и волосах, на багрово-красном лице, по которому струится пот, смешанный с грязью, на жилистых надорванных руках и на измученной широкой и впалой груди. Постоянно повто-

ряющийся страшный удар обрушивается на котёл и заставляет несчастного глухаря напрягать все свои силы, чтобы удержаться в своей невероятной позе. Насколько можно было выразить это напряжённое усилие, я выразил».

Своей картиной Рябинин хочет привести в ужас «чистую, прилизанную, ненавистную толпу» капиталистов, художник хочет ударить в самое их сердце, лишить их сна и спокойствия.

Рябинин не знает, какими путями идти ему дальше, он переживает нервное потрясение, бросает своё искусство и хочет служить народу, став учителем. Но и здесь он не находит себя.

Так Гаршин отразил в рассказе растерянность современной ему интеллигенции, не умевшей выбрать верный путь в жизни.

Ещё до приезда в Федосьин Городок, в июле, Гаршин «рьяно принялся за новый рассказ» — «Денщик и офицер», над которым работал и в Федосьином Городке, но работу не закончил. 29 августа 1879 года, вернувшись из Городка в Петербург, писатель сообщал матери: «Работы по горло: кончаю «Денщика Никиту»... 4).

Большое впечатление на Гаршина во время работы над рассказом оказало, видимо, посещение Болховского пехотного полка, находившегося около Ярославля. В полку писатель побывал на пути в Федосьин Городок, откуда с возмущением сообщил матери: «Если бы вы знали, какое тяжкое впечатление оставил во мне полк... Офицерство — пошлость и пошлость, вполне развернувшаяся при мирной обстановке».

В рассказе «Денщик и офицер» Гаршин нарисовал яркие сцены насилия царских офицеров над бедным крестьянином Никитой, который оторван от своего труда для бессмысленного зазубривания «словесности».

Рассказ получил высокие отзывы Л. Толстого и И. Тургенева. «Ваше последнее произведение (к сожалению, неоконченное) «Война и люди», — писал Тургенев Гаршину 14 июня 1880 года, — окончательно утвердило за Вами, в моём мнении, первое место между начинающими молодыми писателями. Это же мнение разделяет и гр. Л. Н. Толстой, которому я давал прочесть «Войну и людей».

В письме из Городка Гаршин сообщает матери, что у него «готовы ещё рассказа два...». Однако несколько строк из этого письма вырвано, и трудно теперь установить, о каких рассказах идёт речь. Возможно, одним из них был рассказ «Ночь», законченный писателем в Петербурге в феврале 1880 года и положительно оценённый Салтыковым-Щедриным.

Прогостив в Федосьином Городке до конца августа 1879 года, Гаршин решил посетить Ливны, но потом эти планы переменялись, и его «увезли в Петербург добрые люди».

В феврале 1883 года писатель женился на вологжанке Н. М. Золотиловой (Н. М. Гаршина), которая после смерти мужа девять лет работала в селе Волокославине, Кирилловского уезда, а затем в течение десяти лет занимала место ординатора Вологодской земской психиатрической больницы. В 1921 году, в возрасте 62 лет, она переселилась из Вологды в Петербург.

Невдалеке от Вологды у Гаршиной было маленькое имение — село Красково. До 90-х гг. оно стояло пустым. В одном из шкафов находились книги, принадлежавшие В. М. Гаршину. Неизвестно, жил ли он в Краскове, но его жена часто бывала здесь и, видимо, перевезла сюда после смерти писателя его библиотеку.

При формировании Вологодской областной публичной библиотеки, губернский исполнительный комитет признал

общественной собственностью и красковскую библиотеку. Сейчас в областной библиотеке имеется часть книг с автографами Гаршина: журнальный оттиск рассказа «Красный цветок» с надписью рукою писателя «Елизавете Фёдоровне Никоновой. Автор 21.X.83 г.»; «Вторая книжка рассказов» (СПб. 1885) с надписью: «Елизавете Фёдоровне Никоновой. В. Гаршин»⁵). Остальная часть библиотеки, видимо, была расхищена⁶).

Кроме того, в Краскове хранился архив Гаршина, часть которого (письма) в 1920 году была передана губернскому отделу народного образования.

А. И. КУПРИН

(1870—1938)

Тяжёлой, безрадостной была жизнь дореволюционной Устюжны. Устюженские «правители» беззастенчиво грабили простой народ, в уездных учреждениях мошенник сидел на мошеннике, царили беззаконие, бюрократизм, взяточничество. Жалкая горстка местной интеллигенции «резалась» в карты, сплетничала и пьянствовала до одурения, а богобоязненные устюженские мещане целыми днями просиживали у окон и с любопытством глядели на улицу, расплющив о стекло побелевшие носы и губы.

Они почему-то с гордостью уверяли А. И. Куприна в том, что «именно с их города Николай Васильевич Гоголь списал своего «Ревизора». В Устюжне не без умиления говорили писателю: «Покойный папашка Прохор Сергеича самолично видел Николая Васильевича, когда они проезжали через город»¹⁾).

Выдающийся русский писатель-реалист Александр Иванович Куприн в 1906—1911 годах не раз бывал в Устюжне. «Я теперь не сумею даже припомнить, — писал он в рассказе «Чёрная молния», — какое дело или какой каприз судьбы забросили меня на целую зиму в этот маленький северный русский городишко, о котором учебники географии говорят кратко: «уездный город такой-то», не приводя о нём никаких дальнейших сведений».

Иногда Куприн останавливался недалеко от Устюжны в имении Даниловском, которое тогда принадлежало внучатному племяннику К. Н. Батюшкова, литературоведу-критику и переводчику Ф. Д. Батюшкову. Видимо, это имение описывает Куприн в рассказе «Попрыгунья-стрекоза»:

«Жили мы в старом, заброшенном имении, где в 1812 году был построен пленными французами огромный деревянный дом с колоннами и ими же разбит громадный липовый парк в подражание Версалу.

Представьте себе наше комическое положение: в нашем распоряжении 23 комнаты, но из них отапливается только одна, да и то так плохо, что в ней к утру замерзает вода и створки дверей покрываются инеем... К нашим услугам прекрасная французская библиотека XVIII столетия, но весь её чудесный эльзевир обглодан мышами. А старинная портретная галерея в двухсветной зале, погибшая от сырости, плесени и дыма, — скоробилась, почернела и потрескалась»²).

Куприн пишет, что почта приходит сюда очень редко, иногда раз в два месяца. Привозит её какой-нибудь проезжий крестьянин, на письмах — размазанные, расплывшиеся адреса и следы любознательности уездного почтмейстера.

Рассказывают, что Куприн часто отдыхал в Даниловском от петербургской суеты. Жил он здесь по несколько недель, а иногда и месяцами. Он любил охотиться, ло-

вить рыбу, а вечера проводил в кругу местной интеллигенции.

«Людей он не сторонился, — вспоминает хорошо знавший Куприна волостной писарь Н. М. Дмезов. — Ходил на Попиху, недалеко от Даниловского, ездил в Устюжну». Вместе с Дмезовым Куприн бывал часто и на охоте. Об одной из таких прогулок Дмезов рассказывает:

«Как-то мы поехали охотиться на тетеревов в пустошь Высокую, в 7 километрах от Даниловского. Александр Иванович неожиданно выстрелил несколько раз, не убил никого и, нужно признаться, своей стрельбой охоту испортил. Я его спросил:

— Александр Иванович, что стреляете?

— Стало скучно, — ответил он.

Рыбная ловля тоже напоминала охоту — для времяпровождения»³⁾.

Но Куприн не только отдыхал во время этих поездок. Он часто беседовал с крестьянами устюженских деревень, записывал их песни и частушки, работал и над своими рассказами.

Один из первых приездов Куприна в Даниловское падает на начало мая 1906 года. В это время писатель работает здесь над рассказами «Обида», «Река жизни», «Как я был актёром», начинает писать роман «Нищие». В перерывах между работой он целыми «днями бродит по окрестностям с ружьём».

После четырёхмесячного пребывания в Даниловском Куприн в начале сентября выезжает в Петербург, но уже в декабре снова возвращается в Даниловское и поселяется в имении Батюшкова на всю зиму.

Старожилы, знавшие Куприна, рассказывают, что в один из приездов он много хлопотал по устройству новогоднего детского праздника, был приглашён на ёлку в Никифоровское двухклассное министерское училище. В рассказе «Попрыгунья-стрекоза» писатель, вспоминая

об этом посещении, рисует яркие картины безотрадной жизни дореволюционной устюженской деревни.

«Представьте себе соседнюю деревню, всю занесённую снегом, представьте себе неизбежного в русской деревне дурачка Серёжу, который ходит зимою почти голым, попа, который под праздник не играет в преферанс и пишет доносы, деревенского старосту — глупого, хитрого человека, дипломата и попрошайку, говорящего на ужасном «столичном» языке. Если вы всё это себе представите, то вы, конечно, поймёте, что мы дошли до скуки, до одурения».

Но к рождественским праздникам устюженские деревни оживились. «На Тростенке, в Бородине, в Брылине, Шустове, Никифоровском, в Козлах, — пишет Куприн, не изменяя названий некоторых соседних деревень, — мужики начали варить пиво...». Пьянствовали поп и псаломщик Попихи, волостные писаря и церковные сторожа, урядник и местный кулак Василий Егоров, а потом начинались драки, несчастные случаи. В одном селе сын колом пробил голову своему отцу, в другом — умер опившийся старик.

Наиболее плодотворным был приезд Куприна в Устюжну и Даниловское в начале сентября 1907 года. В это время он написал известный рассказ «Изумруд», работал над повестью «Суламифь», переводил стихи Беранже. О жизни в Даниловском в этот период писатель вспоминает в рассказе «Завирайка».

«Я люблю Россию и привязан к её земле... Я с радостью провожу время в простой русской деревне, — говорил Куприн, имея в виду устюженские места. — Почти все мои последние произведения написаны там».

Приезжал писатель в излюбленные устюженские края и в ноябре 1908 года, работая здесь над «Ямой». С ноября 1909 по январь 1910 года он снова отдыхал и работал в Даниловском. 2 декабря 1909 года Куприн пи-

сал Ф. Д. Батюшкову, восхищаясь отдыхом: «Охота, ружьё, лес, снег... Как хорошо!..». В это время Куприн создаёт рассказы «Псы», «Бедный принц», очерки из серии «Листригоны», заметку о Чехове («Из записной книжки»), перерабатывает другие свои произведения.

В середине 1911 года писатель, желая целиком отдалиться работе, приезжает из Гатчины в Даниловское, создаёт повесть «Жидкое солнце», готовит к печати отдельные тома своего полного собрания сочинений, выходявшего в Московском книгоиздательстве.

В один из своих приездов в 1907 году Куприн был приглашён в Устюжну к врачу Рябкову на встречу нового года. Здесь собрались местная интеллигенция и чиновничество, описанные впоследствии в рассказе «Чёрная молния». В этом рассказе Куприн писал, что город летом утопал в грязи, а зимой был завален снегом и жил так «в сонном безмолвии, в мирной неизвестности, без ввоза и вывоза, без добывающей и обрабатывающей промышленности, ... со своими шестнадцатью церквями на пять тысяч населения, с дощатыми тротуарами, со свиньями, коровами и курами на улице, с неизбежным пыльным бульваром на берегу извилистой несудоходной и безрыбной речонки Ворожи...».

В городе тогда не было ничего «для ума и для сердца: ни гимназии, ни библиотеки, ни театра, ни живых картин, ни концертов, ни лекций...». «Почта из Петербурга, — рассказывает Куприн о дореволюционной Устюжке, — приходит иногда через семь дней, иногда через двадцать, а иногда и совсем не приходит, потому что везут её длинным кружным путём, сначала на юг, на Москву, потом на восток, на Рыбинск, на пароходе, а зимою на лошадях и, наконец, тащат её опять на север двести вёрст по лесам, болотам, косогорам и дырявым мостам пьяные, сонные, голодные, оборванные, мёрзлые ямщики».

Лишь раз в неделю в базарный день из соседних деревень приезжали в город мужики, но базар был небольшой, мужики толпились у казёнки, а на Соборной площади у грязного деревянного сарая городских рядов важные седобородые лавочники мирно поигрывали в шашки.

Был тогда в Устюжне городской клуб с заплёванными полами, с обшарпанными и засиженными мухами обоями. Сюда собиралась опустившаяся до предела устюженская «интеллигенция», сплетничая, по двоё суток не отходила от картёжного стола, ночи напролёт просиживала за водкой и коньяком. Отупевшие к утру акцизные надзиратели, местный пристав, ветеринар и прочие «чины» ст нахлынувшего избытка чувств начинали целоваться, тычась влажными мохнатыми ртами, поливая друг друга сюртуки и шеи водкой. Эти нежные лобызания к утру обязательно переходили в шумную драку.

Летними днями в городе стояла гнетущая тишина, голько у реки копошился кто-нибудь из местных мешчан, сплавляя лес. Зимой жизнь замирала совсем. На ночь ворота закрывались массивными железными засовами, хозяева спускали огромных лохматых кобелей, а сами храпели «до утра в жарких грязных перинах, среди гор подушек, под мирным сиянием цветных лампадок».

Лишь к вечеру в зимние праздничные дни оживлялась главная Дворянская улица: начиналось катание. Екая селезёнками на всю Устюжну, мчались по улице огромные жеребцы. «А в малёньких санках, — пишет Куприн, — сидят торжественно, как буддийские изваяния, в праздничных шубах купец и купчиха — такие объёмистые, что их зады наполовину свешиваются с сидения и по левую и по правую сторону».

В этом захолустном городке герой рассказа «Чёрная молния» сидел в конце января в местной гостинице. На улице была метель, в трубах завывал ветер, едва мерцала на письменном столе оплывшая свеча.

«Я сумрачно глядел на огонь, — пишет Куприн, — а с бревенчатых стен меня созерцали, важно шевеля усищами, рыжие, серьёзные, неподвижные тараканы».

Вдруг приглашают на чашку чая к местному доктору. В записке сообщалось, что «супругой доктора получена от мамы из Белозерска замечательных достоинств сёмга, из которой и будет сооружён пирог».

И дальше Куприн рассказывает о тоскливом семейном вечере у доктора, где собрались устюженские «верхи»: мировой судья, тупой исправник, выслужившийся из городских; начальник почтовой конторы, помещик, инспектор народных училищ. О чём только они не говорили: и о гастрономических блюдах, и об охоте, и о собаках, и о лошадях, и только потом решили высказать своё «просвещённое» мнение о современной литературе, при чём обнаружили полное невежество. Один из «ценителей искусства» сообщил о том, что ему в «Песне о Буревестнике» Горького не понравились слова: «гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный». Он авторитетно заявил, что в жизни такой молнии не бывает.

Автор с раздражением и скукой слушает этот крикливый, пустой, противный разговор, а потом передаёт рассказ лесничего Турченко. Лесничий говорит о том, как он сам видел чёрную молнию во время сильного ливня, как погиб в трясине лакей Яков.

И Куприн заканчивает рассказ словами Турченко: «Вы сами видели сегодня болото, вонючую человеческую трясину. Но чёрная молния! Чёрная молния! Где же она? Ах! Когда же она засверкает?».

К. И. КОНИЧЕВ

Буря! Скоро грянет буря!
Это смелый Буревестник гордо реет между молний
над ревушим гневно морем; то кричит пророк
победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..».

Сбылась мечта «Буревестника революции» Горького. В октябре 1917 года грянула Великая Октябрьская социалистическая революция.

Октябрьская революция раскрепостила огромные творческие силы многомиллионной России, искусство стало принадлежать народу. Среди многих, кому советская власть открыла путь в литературу, был и вологжанин Константин Иванович Коничев.

К. И. Коничев родился 26 февраля 1904 года в деревне Поповской Усть-Кубинского района Вологодской области.

В этой деревушке в пятнадцать дворов и прошли дет-

ские годы будущего писателя. Кулаки-барышники и кабатчики-шинкари, староста и поп беззастенчиво обирали крестьян Поповской. Жизнь в нужде, тяжкий труд—вот что было уделом бедных крестьян. Так, перебиваясь с хлеба на воду, жила и семья Коничёвых.

Как-то, в начале зимы, простудилась, слегла в постель и вскоре умерла мать, скромная, забитая нищетой, женщина. Отец попрежнему не мог выбиться из нужды, топил горе в вине; ему некогда было смотреть за осиротевшим сыном, который так и рос на улице, в кругу деревенских ребяташек. Вскоре в опустевший без матери дом снова пришло несчастье: умер отец, и сельский сход определил шестилетнего сироту на воспитание к опекуну.

Разорился однажды скряга-опекун на три копейки и купил мальчику азбуку-самоучку, а хмурой ненастной осенью, скрепя сердце, отвёл нахлебника в Коровинскую церковноприходскую школу.

Когда мальчик окончил школу, опекун посадил его за верстак, учил сапожному ремеслу, использовал на тяжёлых хозяйственных работах.

Однажды Коничев ушёл из дома опекуна и несколько месяцев ходил по окрестным деревням, жил впроголодь на случайные подачки совсем обнищавших в годы империалистической войны крестьян.

Рано столкнувшись лицом к лицу с суровой жизнью капиталистической действительности, любознательный, повзрослевший юноша глубоко познакомился с жалким существованием вологодских крестьян, с их безрадостным, исковерканным царизмом, бытом. Запечатлевшиеся в его памяти события тех лет давали богатый материал для будущих произведений. «Темы вологодские, — вспоминал писатель, — мне очень близки, вжился в них. До того вжился, что, например, в той же «Деревенской повести» мало чего пришлось домышлять».

Осенью 1917 года весть о великих событиях в Петрограде докатилась и до маленькой деревни Поповской. Знаменитые ленинские декреты о земле, о мире взволновали крестьян.

«Имя Ленина, — пишет Коничев, — прогремело в самых отдалённых глухих углах. Оно появилось, как яркий луч надежды, как знамя победное, всколыхнулось над массами народными»¹⁾).

Солдаты возвращались с фронтов в родные вологодские деревни и устанавливали свою, советскую власть. Но снова наступили тревожные события. Эсеры подняли в Ярославле восстание, зелёные банды появились в грязовецких и шекснинских лесах, а в Архангельске высадились английские и американские войска и двинулись на Вологду. Начиналась гражданская война...

В это время Коничев активно борется с кулаками, вместе с продработниками выявляет у них излишки хлеба, работает в комбедах, а потом вступает в сапожную артель, где изготовлялась обувь для бойцов Северного фронта. Зимой 1920 года он добровольцем уходит в ряды Красной Армии, служит в 34-й кадниковской роте.

В 1921 году, после того как красные войска сбросили в море англо-американских захватчиков, Коничев был демобилизован из армии, вернулся в Усть-Кубинское и снова сел за сапожный верстак.

По вечерам, сняв пропитанный дёгтем фартук, Коничев пишет первые свои стихи, разоблачающие классовых врагов, короткие обличительные статьи. Так началась его селькоровская работа на страницах губернской газеты «Красный Север». Живо откликаясь на самые волнующие вопросы, он разоблачал кулаков, спекулянтов и самогонщиков, бичевал бюрократов и взяточников, вёл антирелигиозную пропаганду. Писал молодой селькор и об устройстве дорог, и об организации пожарных дружин в деревне, и о пользе машин в сельском хозяйстве.

и о сапожных промыслах в Устьянской волости, и об установлении первого радиоприёмника в селе Устье.

В статье «Нас воспитала газета» Коничев так вспоминает о первых днях своей литературной работы: «Годы военного коммунизма, годы нэпа, годы обострённой классовой борьбы. Ни на один день не покидал связи с газетой. Находясь в гуще народных масс, развивая наблюдательность, изучая жизненный материал, вытекающий из повседневной борьбы за социализм, разоблачая классовых врагов — кулаков и их приспешников, я изо дня в день направлял в газету свои заметки. Они печатались. И была от этого немалая польза».

К селькору всё чаще стали приходить крестьяне из соседних деревень. Нередко они засиживались у него, советовались, рассказывали о своих горестях и неполадках, просили помощи. Через некоторое время в губернской газете появлялась статья молодого селькора. Она была прямо в цель.

В 1923 году Коничев вступает в комсомол, работает избачом в Усть-Кубинском, а затем — водоливом на баржах, курсировавших по Мариинской водной системе. Скараваном, гружённым лесом, он дошёл до города Вытегры, а оттуда вернулся в Вологду. В 1925 году Коничев поступил в губернскую Совпартшколу.

«Двери Совпартшколы были широко раскрыты, — вспоминает писатель. — Старинное здание оживило. Ребята и девчат из всех уездов Вологодчины съехалось человек двести пятьдесят. Многие из них впервые в жизни увидели город. Парни... из-за Вельска, Тотьмы и Каргополя, обветренные здоровяки, когда-то в детстве учившиеся в церковноприходских школах, с великой охотой брались сейчас за настоящую учёбу. Город шёл навстречу деревне — обогащал людей политическими и специальными знаниями». Здесь, в партийной школе, продолжалось политическое формирование писателя. В феврале 1926 го-

да он вступает в члены ВКП(б), ведёт агитационную работу на предприятиях города, в домшинских и чёбсарских деревнях.

Весной 1927 года, после окончания Совпартшколы, К. И. Коницев был направлен на работу в следственные органы.

Не прекращает он заниматься и литературой, печатает на страницах «Красного Севера» не только сельковские заметки, но и очерки, рассказы, работает над повестью «Путина». В то время в Вологде существовала литературная группа РАПП — «Борьба». Троцкистские двурушники, орудовавшие в РАПП, всячески тормозили развитие подлинно идейной, передовой советской литературы, не способствовали росту молодых талантов, насаждали групповщину. Состоя членом группы «Борьба», Коницев выступает в печати против групповщины и проникших в литературу чуждых элементов. Он начинает печататься в московских журналах «Колхозник», «Молодая гвардия», «Земля Советская», в ленинградском «Резце». На страницах архангельского журнала «Звезда Севера» появляется его повесть «По следам молодости».

В 1934 году в Архангельске вышла книга К. И. Коницева «Лесная быль». С тех пор писатель целиком отдаётся литературной работе, учится заочно в Литературном институте Союза Советских писателей, работает редактором художественной литературы в Архангельском областном издательстве.

О гражданской войне на Севере Коницев рассказал в книге очерков «Боевые дни». Затем появилась его книга «За родину», в которой повествуется о герое-пограничнике вологжанине Андрее Коробицыне.

В 1941 году выходит в свет «Повесть о Федоте Шубине» — талантливым русском скульпторе-северянине.

Работая в Архангельске, писатель попрежнему был творчески связан с родным краем. Бывая в Вологде, он

подолгу любовался новостройками, воздвигнутыми в городе за годы советской власти. Новые красивые дома возвышались невдалеке от древнего собора и стен кремля, построенных ещё во времена Грозного...

Возвращаясь перед самой войной из родной деревни, Коничев писал:

«Небольшой колёсный пароход выходил из Кубины на широкую гладь озера. Был тихий, спокойный и тёплый июньский вечер. Потревоженные стаи уток носились над простором Кубиноозерья, над пожнями, поросшими густой, в человеческий рост осокой. Чайки с визгом летали над самой водой... В стороне за развалинами древнего Спасо-Каменного монастыря буксир тянул к системе Мариинских каналов баржи, гружённые досками, и плоты экспортной древесины. Рыбачьи карбасы, наполненные рыбой, один за другим шли к Заозерью. Уставшие за день рыбаки, довольные добычей, солидно сидели на свёрнутых сетях и, покачиваясь на лодках, курили трубки. Тишина..., мир!».

Вологодские колхозники приступили к сенокосу, на полях зрели богатые хлеба. Мирной созидательной жизнью вместе со всей страной жили вологжане, а 22 июня 1941 года гитлеровские войска вероломно напали на нашу Родину. Советский народ поднялся на Великую Отечественную войну.

Коничев ушёл на фронт защищать Родину. И случилось так, что его фронтовая жизнь писателя-бойца началась в частях, оборонявших Вологодскую область.

Здесь произошло и первое боевое крещение: вместе с ротой разведчиков и партизанами Коничев ходил в тыл врага; с тех пор участвовал в боях почти на всех направлениях Карельского фронта. После того, как немецкие и финские фашисты были разгромлены, писатель принимал участие в боях против японских милитаристов в Маньчжурии и Корее. События этих лет нашли отра-

жение в его книге «От Карелии до Корен». Среди других воспоминаний об Отечественной войне записки офицера Коничева представляют несомненный интерес. Они дают большой фактический материал о героической борьбе советского народа с фашистами на Севере и на Дальнем Востоке.

В феврале 1946 года капитан Коничев демобилизовался из рядов Советской Армии. Возвращаясь в Архангельск через Вологду, он с любовью смотрел «сквозь серебристое кружево изморози на знакомые, родные места. Смотрел и вспоминал далёкое, незабываемое детство».

Вернувшись к литературному труду, писатель долгое время был ответственным секретарём Архангельского отделения Союза советских писателей. В настоящее время он — главный редактор Лениздата.

Ещё до войны Коничев начал работу над большим произведением о жизни дореволюционной вологодской деревни. В 1940 году он прочёл А. С. Серафимовичу несколько глав «Деревенской повести».

«Пиши, — сказал Серафимович, — получится хорошая документальная повесть. Это же история вологодской деревни. Люди прочтут с интересом».

А. С. Серафимович отметил простоту написанного, хорошее знание писателем сельской жизни. Ободрённый вниманием и положительной оценкой своей работы, Коничев заканчивает первую часть «Деревенской повести» и в 1949 году выпускает её в издательстве «Советский писатель». Затем он завершает вторую часть повести. В 1950 году обе части отдельной книгой вышли в Вологде.

Константин Коничев нарисовал в «Деревенской повести» реалистически-убедительную картину жалкой нищенской жизни дореволюционной вологодской деревни, показал почти патриархально-жестокий быт крестьян, живших к северу от Вологды, с их тёмными суевериями.

и предрассудками, засилье кулаков, старост и старшин, урядников и трактирщиков, душивших простой народ. Вместе с тем писатель подчеркнул чёткое размежевание классово-противоположных, враждебных сил в деревне, острые социальные противоречия, рост на селе революционных настроений.

К новой жизни жадно тянется бедняцкая часть крестьянства: пастух Николай Копытин и сапожник Алексей Турка, забитый крестьянин Василий Россоха и зимогор Додон, всю жизнь гнувший спину на ненавистного кулака. Образ Алексея Турки особенно ярко передает идейный рост бедноты в условиях острой классовой борьбы в деревне. Турка протестует против кулацкой эксплуатации, но лишь после Октябрьской революции осознаёт свою силу. Стремление к правде и знаниям, ненависть к врагам народа — вот что характеризует Турку. Он становится председателем деревенского комитета бедноты, участвует в съезде бедноты в Москве, с жадностью слушает ленинскую речь. Неожиданная смерть прерывает его борьбу за новую деревню. Другой талантливый представитель народа, Афанасий Додонов, вырастает в сознательного члена большевистской партии, стремящегося к светлой жизни.

Лучшими в повести являются страницы, показывающие безрадостно-тяжёлое детство сироты Терентия Чеботарёва. Но читатель сквозь это мучительное рабское существование мальчика и юноши видит формирование его личности, постепенное пробуждение его сознания и, наконец, уже вполне осозанный протест и непримиримую борьбу молодого батрака со старым миром. Автор сумел создать типический образ батрацкого мальчика, нарисовать правдивую картину беспросветной жизни беднейших слоёв вологодского крестьянства до революции.

Критики справедливо отмечали хорошую реалистическую манеру писателя, проявившуюся в «Деревенской

повести», образный и меткий язык, умение скупой и в то же время драматически передать действие, вскрыть психологию человека. Действительно, Коничев умело пользуется народным языком, обильно, но уместно использует частушки, песни, народные пословицы, что придаёт его произведению яркий северный колорит.

Однако писатель не всегда поднимается над фактами личной жизни, ему не везде удалось достичь обобщающих, художественно убедительных сцен, передать величие борьбы за советскую власть и её упрочение в Вологодских краях. Показывая приход Октября, борьбу с зарвавшимися англо-американскими захватчиками на Севере, Коничев не сумел создать эпически-широкого полотна. Отрывочность, сухость изложения, чрезмерное увлечение бытовыми и совершенно случайными событиями — всё это снижает идейно-художественное значение особенно второй части «Деревенской повести».

Книга Коничева — лишь начало большого произведения об истории его родного края. В третьей части «Деревенской повести» писатель предполагает нарисовать новую деревню, её облик, изменившийся за годы советской власти, показать тружеников социалистического сельского хозяйства.

Коничеву принадлежит интересная и полезная книга «Люди больших дел» (1949), в которой он с любовью и знанием пишет о великом русском национальном гении Михаиле Ломоносове, о его современнике — первом русском скульпторе, академике Федоте Шубине и других выдающихся деятелях северянах — мореходах, кораблестроителях, покорителях Арктики, художниках.

Эта книга интересна актуальными и свежими сведениями, собранными в ней. В одном из очерков рассказывается о том, как триста лет назад, задолго до Беринга, уроженец Великого Устюга Семён Дежнев с верховьев Северной Двины дошёл до берегов Великого океана и

открыл пролив между Азией и Америкой. При входе в пролив четыре судна дежневской экспедиции пропали без вести, а остальные обогнули Чукотский мыс, потерпели крушение, но некоторые из членов экспедиции спаслись и вместе с Дежневым дошли на лодках до низовья реки Анадыри. «В такой рискованный, далёкий путь, — пишет Коничев, — мог пуститься только незаурядный, энергичный деятель, выносливый и пытливый северянин, не боящийся никаких невзгод. Устюжанин Семён Дежнев, как видно из описаний, был человеком храбрым, предприимчивым, неусидчивым, стремящимся к новым открытиям».

В 1697 году устюжанин Владимир Атласов на свой счёт первый совершил экспедицию на Камчатку. Обучившись грамоте уже в сорокалетнем возрасте, он описал это своё путешествие, дал ценные сведения о животном и растительном мире Камчатки, о быте и нравах камчадалов. Через несколько лет после экспедиции Атласова неизвестный мореход Степан Готов вместе с тотемскими жителями Михайлом Холодиловым и географом-самоучкой Петром Шишкиным побывал впервые в районе Алеутских островов. После них русские путешественники всё чаще и чаще ходили на Аляску.

Несмотря на некоторые недостатки, книга Коничева имеет большое познавательное и воспитательное значение.

В 1950 году писатель издаёт книгу «Земляк Ломоносова» (повесть о Федоте Шубине), печатает очерки и рассказы в журналах «Звезда», «Крестьянка», «Дальний Восток», «Полярный круг», в альманахе «Север» и других периодических изданиях.

Коничев не порывает связи с родными местами. Его книги издаются в Вологде. Он принимал здесь участие в первом и втором областных совещаниях молодых писателей, выступал на заседании литературного объеди-

нения с докладом о XIII пленуме правления Союза Советских писателей, читал свои произведения на заводах города, в Пединституте, во Дворце культуры железнодорожников.

Сейчас писатель собирает документальный исторический материал для романа «Пётр Первый на Севере», работает над повестями «К северу от Вологды» и «Путь к нефти».

И. Г. ЭРЕНБУРГ

Летом 1934 года один из виднейших советских писателей, Илья Григорьевич Эренбург (1891), совершил поездку по Северному краю. Из Архангельска он приехал в Великий Устюг, затем побывал в Нюксенице, Тотьме и Вологде. В это время писатель работал над романом «Не переводя дыхания» и собирал для него материал.

В романе он рассказал об индустриализации страны, о строительном размахе периода Сталинских пятилеток. Создавая яркие образы передовой советской молодёжи, писатель показывает их рост в процессе коллективного труда, борьбу за улучшение методов работы на лесозаготовках и сплаве. Знакомство с Яиковской запанью близ Устюга позволило писателю ввести в роман целые эпизоды, происходящие в этом городе.

Один из героев романа, Пётр Мезенцев, приезжает в Великий Устюг, чтобы работать на комсомольском лесоучастке. В это время в Устюге скопилось сорок тысяч кубометров экспортной древесины. «Сухона обмелела, — сообщает писатель. — Почту привозят на глассере. Всё труднее приходится с отбуксированием. В зное сказывается иступление последних дней северного лета. То и дело осень напоминает о себе. Первые жёлтые листья — её повестки. Надо работать сверх сил»¹⁾).

Студенты, рабочие щетинной фабрики, служащие города вышли на помощь, сбросили лес в реку и ликвидировали затор.

Описывает Эренбург и Великий Устюг, «прекрасный, путанный и непонятный город». «...Века заглядывают в окошко, дружески стучат ставней, подмигивают зайчиками.

Но секретарь горсовета преспокойно говорит:

— Мы превратим Устюг в образцовый город. Прежде всего надо положить мостки на Красной улице, против Дома пионеров, а то там и пройти нельзя.

Летопись рассказывает о том, как в 1192 году казанские татары подошли к Великому Устюгу; они лестью взяли город и разграбили его. Потом приехал ханский баскак. Потом нагрянули новгородцы. Потом вероломный князь Василий Косой жёг дома и вешал людей. Потом устюжане отбивались от черемис. Потом была чума и моровая язва.

Что ни площадь, то тень прошлого. В городе сорок три церкви... На изразцах ещё можно прочесть: «Дух мой не для ноздрей твоих»...

Шесть раз горел Успенский собор, и шесть раз устюжане строили его заново. Город в страхе поглядывал на Сухону. Подбирая окраинные домишки, он бежал прочь от реки, но река его настигала, она заливала улицы и подмывала валы.

В горсовете висит старинная люстра, и секретарь, глядя на неё, разводит руками:

— И кто такое придумал? А выкинуть нельзя: за Главнаукой. Не то она византийская, не то венецианская, шут её знает...».

Но люди живут не прошлым, а будущим, строят его. Писатель видит, что новый, советский Устюг «живёт поспешно и трудно, как живут теперь тысячи других городов».

Экспортную продукцию выпускает щетинная фабрика, в городе строится водный техникум, открылся летний сад имени Горького, студентки педтехникума изучают диамат, в театре идёт пьеса «Жизнь зовёт».

В романе есть эпизод — приезд в Устюг художника Кузьмина по специальной командировке, чтобы нарисовать портреты ударников сплава. На месте древнего мира художник увидел новый прекрасный мир, новую жизнь: люди вдохновлены пафосом свободного труда, весело скрипят пилы, громко звучат песни. Художник «увидел необычайных людей. Может быть, они выросли за эти годы, может быть, Кузьмин научился по-новому глядеть на людей, но всё его теперь волновало: и Маркс в избушке лесоруба, и лихорадка запани, и суровая сердечность молодого сплавщика... Он узнал людей, которые его окружали. Это были большие и сложные люди. Если взглянуть на реку глазами сплавщика, в ней можно найти все цвета и чувства. Так Кузьмин снова вернулся к живописи».

Герои романа радуются жизни, горячо перестраивают её. Выполнив работы на запани, Мезенцев идёт по улицам города, поросшим травой. Он радостен, видит белые берёзы, белые стены древнего монастыря, высоко над ним, не спеша, проплывает белое облако.

Советскому человеку всё под силу. Он может заставить цвести в декабре деревья, он выстроит новый, неж-

ный и торжественный Советский Устюг! Вот о чём думает Мезенцев, покидая город.

В Великом Устюге Эренбург посетил местный краеведческий музей, который оставил у него хорошее впечатление. Большой интерес писатель проявил к работе прославленных мастеров артели «Северная чернь», готовивших в то время экспонаты для Всемирной выставки. О работе мастера Чиркова он рассказал в статье, посвящённой художественным промыслам.

Из Устюга Эренбург выехал вниз по Сухоне.

«Если путь от Архангельска до Великого Устюга, — вспоминает П. И. Петухов, работавший в то время корреспондентом ТАСС и сопровождавший писателя, — был проделан на пароходе, то от Устюга до Тотьмы, по условиям навигации, пришлось добираться на катере. Тотьма — один из крупных лесозаготовительных районов Вологодской области. И поэтому вполне понятен интерес, проявленный И. Г. Эренбургом к вопросам лесозаготовок, к условиям труда и быта лесорубов и сплавщиков.

Но этим не ограничивался интерес писателя. При поездке в пригородный колхоз «Первое мая», в беседах с руководителями колхоза и колхозниками, он глубоко вникал в вопросы экономики артели и колхозников, интересовался сдвигами в настроениях вчерашних единоличников, перспективами общественного хозяйства. Чтобы узнать, как живут колхозники, Илья Григорьевич побывал в нескольких квартирах, побеседовал и со взрослыми, и с молодёжью, и с детьми. Об этом вспоминают в колхозе и поныне. «Хороший колхоз!» — такова немногословная, но красноречивая оценка, которую дал писатель в разговоре на обратном пути в город».

В Тотьме писатель побывал в существовавшей тогда сельскохозяйственной коммуне, посетил местный санаторно-курортный курорт, созданный за годы советской власти. В романе Эренбург рассказывает об организации этого

курорта в Тотьме, о том, как приятель Мезенцева Александр Шатов получил сюда путёвку и отдыхал здесь.

При посещении тотемского музея Эренбург заинтересовался выставкой местных художественных промыслов, изделиями из папье-маше, резьбой по дереву, которыми славилась в своё время Тотьма. Привлекли внимание писателя выставленные в музее картины художника-тотемича А. М. Вахрушева.

Всё это позволило писателю ввести в роман «Не переводя дыхания» несколько эпизодов, связанных с Тотьмой. Рисует он и дорогу из Архангельска в Устюг, и спокойную Сухону, и один из вологодских колхозов близ Устюга, даёт яркую картину сплава леса по рекам области и Северного края.

«Внизу широкая река, — пишет Эренбург. — Золотые брёвна несутся по ней. Но вот они останавливаются, поворачивают... Лес идёт с верховьев Двины, с Вычегды, с Сухоны...

На брёвнах стоят люди с баграми: они подталкивают брёвна. Они видят издали, какое дерево идёт. Они кричат: «Ёлка! Сосна! Пиловочник! Подтоварник!». Они стоят на скользких брёвнах с длинными баграми, похожие на древних жрецов... Как бы шутя, они пропускают десятки тысяч брёвен. Огромные леса, на опушках которых ютились деревушки; леса со скитами и разбойниками; леса, в которых играло молодое зверьё, а девки пели свои песни...; эти леса побеждены, они плывут вниз, вступают в запань, расходятся по кошелюам. Их связывают, как пленников».

Из Тотьмы Илья Эренбург выехал на пароходе в Вологду, а затем по железной дороге в Киров. В январе 1935 года работа над романом «Не переводя дыхания» была закончена.

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

(1863—1949)

Три года жизни на Севере тесно связывают с нашим краем Александра Серафимовича Серафимовича (Попова), славного советского писателя старшего поколения.

Весной 1887 года студент Петербургского университета, товарищ Александра Ульянова, А. С. Попов-Серафимович был арестован за составление воззвания после неудачного покушения на Александра III. В начале июля Серафимович в сопровождении двух жандармов проехал через Вологду, по дороге в Архангельскую губернию, куда был выслан под гласный надзор полиции. Отбыв ссылку в городах Мезени и Пинеге и направляясь на родину под гласный надзор полиции, он вновь побывал в Вологде летом 1890 года.

На Севере Серафимович стал писателем. Здесь он познакомился с тяжёлой жизнью крестьян-поморов, с их

ежедневной борьбой за существование в условиях суровой северной природы; здесь он написал свой первый рассказ «На льдине», взявший у требовательного художника много напряжённого труда и доставивший ему большую радость в день опубликования¹⁾.

Северные края были близки Серафимовичу, и когда Вологодский обком ВКП(б) в 1941 году обратился к писателю с просьбой приехать в Вологду, он живо откликнулся на приглашение. Серафимович любил ездить по Советскому Союзу, встречаться с новыми людьми, обогащаться впечатлениями, познавать жизнь. «Какой уж там писатель в четырёх стенах», — говорил он.

Утром 5 марта 1941 года А. Серафимович прибыл в Вологду. Вспоминая об этом приезде, Серафимович позже писал: «Вот и Вологда. Когда-то захудалый губернский город, потом районный советский, теперь областной»²⁾.

Несмотря на престарелый возраст, А. С. Серафимович старался как можно чаще общаться со своими читателями, выступать перед читательской аудиторией в разных концах Советского Союза. «... Раз ты приехал в область или в край для лекционных выступлений, — говорил он, — необходимо познакомиться с жизнью этого края, этой области». Приехав в Вологду, Серафимович интересуется всем новым в жизни города, области, радуется росту количества учебных заведений и исследовательских институтов, замечает в городе и драматический театр и «прекрасную областную библиотеку для взрослых и для детей». На месте кулацких заводиков и артелей он увидел маслодельные заводы, делающие первосортное вологодское масло, которое раньше почему-то именовалось «Парижское сладкое масло».

«Огромная область под живительным руководством партии гигантски развивается, — отмечает Серафимович... — А какие чудесные леса, кишашие рыбой реки, озёра!».

Тепло встреченный городскими организациями Серафимович в первый же день своего приезда выступил перед преподавателями и студентами Вологодского педагогического института им. В. М. Молотова. Он поделился воспоминаниями о встречах с Горьким, Короленко, Куприным, рассказал, как сам стал писателем.

На другой день Серафимович побывал у вологодских пионеров. Он ярко нарисовал им картину мрачной жизни детей в царское время, вынужденных с малых лет заниматься тяжёлым трудом. С большим интересом слушали пионеры сообщение писателя о том, как в Мезени, на чердаке, он создавал свой первый рассказ «На льдине», как встречался с Лениным, Горьким, Маяковским, Шолоховым, Н. Островским.

Вечером 7 марта Серафимович выступал перед вологжанами в клубе железнодорожников, а потом побывал в областной библиотеке, на предприятиях.

Выезжал писатель и в вологодские колхозы, и в г. Сокол. «На станции Сухона, — писал он об этой поездке, — пересаживаемся в слепую без окон теплушку, — километра три осталось. Пахнуло далёким девятнадцатым годом: морозец, стынет дыхание, дребезжит железная печурка, скамьи качаются. Сокол — это городок около Вологды. Кругом — снега, леса, в городке огромный целлюлозно-бумажный комбинат. День и ночь громяют его гигантские машины. Он выбрасывает груды бумаги, обслуживая множество газет, типографий и спичечные фабрики. Девяносто процентов спичечных коробок оклеивает бумагой комбинат...».

Обходя цехи комбината, писатель внимательно присматривался к работе станков, расспрашивал мастеров, членов завкома, работников профсоюза. Его лицо озарилось довольной улыбкой.

Серафимовича радовала яркая звезда, говорящая о выполнении комбинатом дневного плана, и чистая уют-

ная заводская столовая, стены которой были украшены картинами местных художников. «Серафимович подробно расспрашивал в райкоме про художников, — вспоминает Г. Нерадов, — и потом во время выступления хвалил их работу, говорил, что они на правильном пути, что надо рисовать именно вологодский родной пейзаж, который им наиболее близок».

На встречу с выдающимся советским писателем пришли рабочие и инженеры, врачи и учителя, школьники и домашние хозяйки Сокола. Он рассказывал собравшимся о том, как мучительно тяжело было работать русским писателям в царское время.

«А теперь, — взволнованно говорил Серафимович, — в советское время, как пристально следит наша партия за созданием кадров советских писателей. Сколько внимания, бережности, поощрения, ласки... А теперь наша литература — лучшая литература в мире. Она насыщена великими идеями социализма, насыщена правдой».

Серафимовича слушали, затаив дыхание, а после лекции стали поступать десятки записок. Писатель отвечал на них до поздней ночи.

Прожив в Вологде восемь дней, Серафимович выехал в Москву 13 марта 1941 года. Перед отъездом он обещал вологодским читателям закончить роман «Колхозные поля», но война помешала ему выполнить это обещание.

А. Я. ЯШИН

Я считаю своей особой поэтической удачей, — пишет лауреат Сталинской премии Александр Яшин, — что... моим любимым местом на земле оказался Север, Вологодская и Архангельская области. Здесь много своеобразия в природе, в производственной жизни людей, в их быте и языке. Через свой родной Север мне легче было почувствовать мощь нашей великой Родины и её великого русского народа...»¹⁾

Александр Яковлевич Яшин (Попов) родился 27 марта 1913 года в деревне Блуднове, Никольского района. Тяжёлым и безрадостным было детство будущего поэта. Отец его в империалистическую войну погиб на фронте, а мать с двумя маленькими детьми делила горе и нищету. Несмотря на то, что Евдокия Георгиевна, не разгибая спины, трудилась с утра до ночи, семье приходи-

лось часто голодать, переживать горькую нужду, нищенствовать. «Но условия привольной деревенской жизни, — вспоминает А. Яшин, — вблизи лесов с ягодами, грибами и всякой живностью, таят в себе для детского возраста столько прелестей, что ныне я склонен вспоминать из этой поры больше хорошее, чем плохое, жестокое».

Впоследствии поэт не раз тепло отзывался о своих детских годах в стихотворениях: «Так начиналась молодость», «Письмо брату-краснофлотцу», «Весеннее», «Детство большеглазое», «Снег» и др. В повести в стихах «Мать и сын» Яшин пишет:

Мальчишества беззлая пора!
Как нас ни унижали, как ни били, —
Мы всё позабыли, всё простили,
Когда в былое отошло вчера,
Когда мы рыбу на реке ловили,
Да смех и шум в полях, да запах трав,
Да лес, в который по грибы ходили.

В деревне Блудново Яшин окончил три класса сельской школы, а затем, с помощью советской власти, получил семилетнее образование в школе при детском доме.

Поэтические наклонности Яшина определились очень рано, чему немало помогла его бабушка, Авдотья Павловна Попова. Это была неграмотная, но бывалая крестьянка, замечательная сказочница. Своими сказками, пословицами и прибаутками она славилась в округе. Посвятив её памяти несколько стихотворений, Яшин писал в одном из них:

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету?!
Одну из них поведаю я свету, —
Наставь, родимая, на светлый путь.

Своеобразие природы севера, неисхоженные девственные леса, сенокосы, деревенские свадьбы со старинными

обрядами, весёлые и торжественные праздники— всё это рано вошло в сознание будущего поэта.

«Мне посчастливилось, — пишет Яшин, — с детства познакомиться с богатым русским фольклором и не из книг, не из лекций и сборников учёных-фольклористов, а, так сказать, из первоисточников. Сказочники в избушках на дальних сенокосах, на охотничьих привалах, в лесозаготовительных бараках не заставляли долго себя упрашивать. Более того, они считали своим долгом дать уставшим людям «культурный отдых» и поздним вечером рассказывали или напевали свои неторопливые складные песни с продолжением до тех пор, пока не засыпал последний труженик... Сказочные образы детства навсегда связались в моём сознании с тем огромным новым, что принесла в северную деревню советская власть...».

Учась в неполной средней школе, Яшин начал печатать небольшие заметки на страницах «Пионерской правды». Первые его стихи появились в районной газете «Никольский коммунар» в то время, когда он учился в Никольском педагогическом техникуме. Здесь по его почину был организован литературный кружок «Наше творчество», выпускался рукописный журнал. В журнале и в стенной газете техникума печаталось немало стихов Яшина. Но первые стихи и те, которые печатались в 1928—1929 гг. в великоустюжских газетах «Ленинская смена», «Советская мысль» и «Северные огни», были ещё ученическими, подражательными.

Во время учёбы в педтехникуме Яшин тяжело заболел и лишь в 1931 году окончил его. Работая учителем Леоновской школы Чёбсарского района, он вступил в комсомол, принимал активное участие в проведении коллективизации. «Сказки и новая жизнь, — вспоминает поэт, — былинные напевы, колхозные и комсомольские собрания— всё это было моей родиной, пришедшей ко мне в

ранней юности. Здесь началось и собственное творчество». Участие поэта в коллективизации, строительстве новой жизни в деревне определило и тематику его дальнейших произведений. Стихотворения «Рапорт с просек», «Выходим в поле», «Льнозавод», «Колхозная осень», написанные в 1931—1932 гг. в Леонове и Чёбсаре, существенно отличаются от николевских стихов, насыщенных часто ложными вычурными образами (например, стихотворение «Молодьба»). Наивная подражательность, абстрактность всё меньше встречаются у молодого поэта. Делаются попытки шире использовать устное народное творчество (стихотворение «Льнозавод»).

Весной 1932 года Яшин учится в Вологодском пединституте на курсах подготовки преподавателей литературы и языка для неполной средней школы, а после их окончания утверждается председателем Вологодского оргкомитета Союза Советских писателей.

Большой школой для поэта была работа в газете «Красный Север» и радиогазете «Рабочая Вологда». На страницах областной печати поэт публиковал свои стихотворения, через газету он впервые познакомился с людьми индустриального труда, рабочими завода «Северный коммунар» и паровозо-вагоноремонтного завода. В многотиражке «Тяговик» часто появлялись его стихи, статьи и заметки. В это время им была написана и поэма «Высокое давление»²⁾.

В стихотворении «Двадцать трудодней» поэт подвёл итоги прожитым двадцати годам. Сознвая, что сделал ещё мало, он хочет отдать всю жизнь борьбе и вдохновенному труду:

Потому-то в ледолом весёлый
Так хочу работать и любить,
Чтоб стране моей,
Чтоб комсомолу
Больше песен звонких подарить.

Поэт видит большие преобразования в родном краю, радость людей, строящих своё счастье, формирование нового социалистического сознания и отражает это в своих стихах:

С восходом над полями — перестуки:
Мы сортируем на гумне овёс,
А рядом кузница... И вот, когда мороз —
Мы бегаем, у горна греем руки.
Здесь строится теперь большой совхоз,
А был когда-то монастырь «Прилуки».
По-новому живут и радуются люди.
Наш долг — ускорить оборот земли.
Мы в эту жизнь весёлость принесли,
Мы бодростью заполнили груди.

В стихотворении «О реконструкции людей» (Вологда, 1932) Яшин описывает приезд своей матери-колхозницы в город. Она рассказывает сыну о том, как изменилась дальняя глухая сторона, когда пришла к ним в колхоз новая техника. Её не удивляют ни лесогиганты, выросшие на Севере, ни лесовозы в Никольске и Великом Устюге.

Мать ушла..
И, слова её перебирая,
Понял я, что вместе и везде
С реконструкцией лесного края
Шла и реконструкция людей.

В ноябре 1933 года Яшин приезжает в Архангельск, работает в редколлегии журнала «Звезда Севера». В начале 1934 года краевое издательство выпускает в свет первую книгу А. Яшина «Песни Северу». Печата-лась она в Вологде. Критика называла её «ученической» и была готова «не принимать во внимание»³⁾. Действительно, в книге много недостатков, стилистических оплошностей, поэт ещё не приобрёл своего творческого лица, но чувство нового, стремление активно

участвовать в жизни, умение вторгаться в неё, поднимать смелые актуальные вопросы поэт обнаружил уже в то время.

Первый съезд советских писателей, делегатом которого был Яшин, учёба на курсах молодых литераторов в Москве — важный этап в творческой биографии молодого поэта. Осенью 1935 года Яшин начинает учиться в Литературном институте имени Горького.

В Москве в 1938 году вышла книга его стихов «Северянка». Это книга лирических стихотворений, объединённых любовью поэта к родному Северу и его людям. Она принесла ему литературную известность. С большим чувством рассказывает он о своеобразии северной природы, изображает новую жизнь в деревне, трудовые дела льноводов, говорит о лесном крае, преображённом за годы советской власти. В этой книге поэт начинает создавать образ женщины-северянки Олёны, подмечает торжество нового в сознании крестьянки. В «Северянке» уже определяется творческое лицо, поэтическая индивидуальность поэта, развивающего самобытные черты русской национальной поэзии⁴⁾.

«Наша борьба, — говорит Яшин, — за сохранение и развитие национальных особенностей русской советской поэзии также связана с принадлежностью советских поэтов к народным поэтическим традициям той или иной области».

После «Северянки» Яшин выступил с двумя поэмами на страницах журнала «Октябрь». Поэма «Клад», несмотря на глубину замысла, страдала существенными недостатками: была перегружена натуралистическими образами, засорена языковыми оплошностями. Но критика и в этой поэме отметила знание поэтом деревни, умение ощутить в ней рождение нового.

В поэме «Мать» Яшин освобождается от многих не-

достатков: чище и выразительнее становится его язык, проявляется умение разработать композицию большого поэтического полотна, раскрыть психологию своих героев. Поэту удалось нарисовать трагический образ бедной матери, которая «отбилась... от людей». Устав от нищенской жизни, она встала на путь защиты собственности, не сумела преодолеть тягу к ней.

Показав, как уходит в прошлое старая деревня с её нищетой, Яшин прославляет новую жизнь. В последнем варианте поэмы («Мать и сын»), над которым он работал в Блуднове, новое выступает ещё ярче. Поэма заканчивается лирическим посвящением:

Ты навсегда любима. Отзовись!
Поедем в Ухту, в старое Блудново,
Там в наше время что ни день — обнова,
Другие люди и другая жизнь.

В 1941 году Яшин окончил Литературный институт. В первые дни войны он вступил в члены ВКП(б) и вскоре ушёл на фронт, участвовал в боях морской пехоты на Балтике, под Ленинградом и Сталинградом, на Чёрном море. На кораблях военных флотилий, в окопах и блиндажах он писал стихи, очерки и рассказы, воспитывавшие ненависть к врагу и веру в конечную победу нашей Родины. В газете «Красный Балтийский флот» был дан портрет поэта в боевой форме, а под портретом подпись: «Поэт-боец Александр Яшин (Попов) сражается в рядах отрядов морской пехоты, защищающих город Ленина. Автор ряда поэм и стихов, боевой журналист, фронтовой редактор».

Несмотря на то, что Яшин выступил со стихами задолго до начала Отечественной войны, его творчество сформировалось и созрело в годы великих испытаний для советского народа. В это время вышло несколько сборников стихов А. Яшина: «Красная горка», «На Балтике было», «Город гнева», объединённых позже в

книгу «Земля богатырей», удостоенную премии ЦК ВЛКСМ.

Открывая книгу небольшой поэмой «Клятва», Яшин тем самым обращает внимание на главную идею сборника — идею верности родине, идею советского патриотизма, вдохновляющего советский народ в борьбе с фашизмом. Автор рисует необъятную ширь своей светлой и молодой родины, её мощь и величие. Он вспоминает о её героическом прошлом, призывает поклясться «ни в чём никогда не сходить с вершины»:

Поворотись на север.
Там, за степями, льны и клевер.
Ольховые рощи, сосновые чаши,
Начало рек широких, журчащих,
Там васильки и разрыв-трава.
В лесах токуют тетерева.
Там Москва — всему голова.
Там Вологда, где мы с тобой родились,
Где жить учились.
За домом, у тына,
Не виноград — рябина.
Среди вековых лесов заводы,
Глядятся трубы в озёрные воды...
Не забывай о родине, о нашем роде,
О сильном, честном, прямом народе.
Не забывай...
Жить с народом — служить народу
Клянись!..

В некоторых военных стихах Яшин достиг большой выразительности, ярко передал мужество, героизм русского народа, проявленный при защите родины («Русские мы», «Снайпер», «Триста моряков», «Наша сила» и др.), его лютую ненависть к врагу («Хищники», «Лицо врага», «Пленные»). Поэт создаёт произведения, в которых показывает неразрывность судеб народа, партии и её вождей. В стихотворении «Сталин в землянке» Яшин передал любовь народа и армии к великому пол-

ководцу товарищу Сталину. Сплоховав в бою, бойцы в решительный час вспомнили вождя, отстояли дот с его портретом, и с тех пор «стал ещё ближе, роднее ребятам в узенькой рамке портрет Вождя».

Вечно помнить будет народ
Сорок первый военный год,
Руку верную, в тяжёлый час
Направлявшую в битву нас,
Как и ту, что с броневика
Указала путь на века.

В 1944 году Яшин, получив инвалидность, демобилизовался и приехал в родную деревню. «И опять на родине. Я уже бывалый, — пишет он. — Милое... Знакомое... На душе легко...». Здесь он создал стихи о родном колхозе «Красный пахарь», вошедшие в сборник «Земляки» (1946 г.).

В стихотворении «Деревня Блудново», передавая легенду о происхождении названия родной деревни, поэт запечатлел большие преобразования, происшедшие в ней после революции. Туда, где была глушь, описанная Засодимским, где нищие крестьяне ковыряли землю сохой, пришла техника, в избах крестьян вместо лучины горит электричество, меж старых сосен гудят провода. Яшин с любовью выписывает образ заботливого председателя колхоза в зелёной гимнастёрке; передаёт напряжённый труд подростков, сражавшихся за урожай; с тёплым юмором повествует об одиноличнице Настасье, которая в трудные для родины дни приобретает к коллективному труду и обещает, если её погонят из колхоза, дойти до Сталина. Со страниц книги Яшина встают образы и учителя-фронтовика, урок которого, затаив дыханье, слушают малыши-школьники, будущие хозяева страны; и образ фронтовика, лишь на несколько недель отпущенного в родные края; и образ

труженицы Алёны Фоминой, которую народ не хочет отдавать в другой колхоз.

Яркая народная речь, лиричность, напевность, песенная ритмика некоторых стихов, тонкий и мягкий юмор, выражающий оптимизм, склонность к шутке, свойственную народу, — всё это является особенностью стихов Яшина, снова показавшего в книге «Земляки» хорошее знание жизни советской деревни.

О любви к родине, родному северному краю и о новой жизни глухой когда-то стороны поэт рассказал в стихотворении «Не умру»:

Ах, родина, лесная сторона!
Как всё твоё предельно стало мило —
Брусника в чашах, рек голубизна..
Просторны тёмсом крытые дворы.
В холмистом поле широки загоны,
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!
Моторы в сизых ельниках стучат.
Плывёт над лесом рокот молотилок.
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.
А сколько зверя, сколько птиц в бору..

Яшин не порывает связи с родным колхозом «Красный пахарь» и в послевоенное время. Он несколько раз приезжал к матери, работающей в колхозе, переписывается с земляками, выполняет их хозяйственные поручения и просьбы, собирает библиотеку, присылает свои книги. Сообщая о выделении колхозу грузовой автомашины, Яшин писал в одном из писем: «Видел в газете «Никольский коммунар», что колхоз ваш за весенний посев занесён на Доску Почёта. Радовался вашим успехам. Очень хочу, чтобы колхоз стал, наконец, по-настоящему хорошим, зажиточным, передовым...

Желаю всяческих успехов. Постарайтесь хорошо провести уборку урожая хлебов»⁵).

В ответ председатель колхоза А. М. Попов сообщил, что уборка урожая и сдача зерна государству закончены досрочно, что колхоз получил новую автомашину.

Яшин творчески тесно связан с родным краем. Поэт не может писать без воспоминаний о своём колхозе.

«... Где бы я ни жил, — говорит он, — чем бы ни занимался, меня всегда тянет в родные места, в свой колхоз «Красный пахарь», к охотникам, к звероловам».

В 1948 году, работая над повестью в стихах «Алёна Фомина», Яшин в течение пяти месяцев ходил по родным местам Вологодской области, собирал материал, изучал жизнь тружеников колхозной деревни, встречаясь с колхозниками, подолгу беседовал с ними⁶).

Повесть в стихах «Алёна Фомина» — итог творческих поисков поэта в изображении духовного облика советской крестьянки.

Образ Алёны, передовой женщины советского села, давно волновал поэта. Её он сделал героиней некоторых стихотворений, поэтически подчёркивал её трудолюбие, внешнюю и внутреннюю красоту. В повести поэт главное внимание уделяет изображению силы воли в характере советской женщины, показывает формирование женщины нового типа, устремлённой вперёд.

Алёна Фомина — мужественная, волевая женщина-патриотка, воспитанная социалистическим строем. Духовная красота её облика раскрывается поэтом на фоне коренных преобразований, происшедших в деревне за годы советской власти.

Основной конфликт повести — это борьба Алёны Фоминой с отсталыми взглядами бывшего председателя колхоза Козлова. Алёна не уступает ему руководства колхозом, проверяет его на деле. Под влиянием партии, под воздействием всего коллектива и его передо-

вых представителей Козлов постепенно приобщается к жизни колхоза, внутренне обновляется, отрешается от ложного стремления к почёту и покою.

Оставляя в центре внимания фигуру Алёны Фоминой, Яшин рисует образы и других простых тружеников сельского хозяйства — Якова Розанова, Мани Лыковой, Дуни Козловой, старика-счетовода. Под руководством партии, при поддержке дружного коллектива колхозников, работает Алёна Фомина. Как и все советские люди, она ощущает близость товарища Сталина, партии к народу, их руководящую, направляющую роль в строительстве коммунизма.

Большое достоинство повести — простота, доступность, богатство народной речи, умелое использование различных форм русского народного творчества. Смело пользуясь фольклорными мотивами, поэт вводит в текст повести русские пословицы и поговорки, песни и частушки северной деревни. Он часто меняет строфику, чередует рифмовку, большое значение придаёт подбору ритма.

Повесть впитала в себя богатство русской классической литературы. Яшин нередко обращается к интонациям и образам Пушкина, Некрасова. Но «Алёна Фомина», как и всякое достижение социалистического реализма, — новаторское произведение, рождённое нашей сталинской эпохой. Яшин рисует исторически конкретную действительность в её революционном развитии, смело заглядывает вперёд и находит в настоящем ростки будущего⁷⁾.

Многолетний труд поэта над этой повестью в стихах, оконченной в 1949 году, был высоко отмечен правительством: Яшину была присуждена Сталинская премия II степени.

Сейчас поэт работает над книгой стихов о людях строек коммунизма на Волге, заканчивает поэму, ма-

териалом для которой послужили его поездки по Украине с делегациями крестьян стран народной демократии.

Лучшие произведения А. Яшина связаны с богатым в поэтическом отношении вологодским севером. Он является для поэта «неиссякаемым источником вдохновения и жизненных сил». Поэт внимательно следит за всем новым, что нарождается и развивается в его родной области.

В день 800-летия Вологды Яшин от всего сердца поздравил её и людей нового советского города с знаменательным историческим юбилеем:

Нашей столицы сестра и ровесница,
Пусть она ширится, пусть она светится,
Пусть кружевами и песнями славится,
Маслом и мясом — наша красавица!
Льном-долгунцом, штабелями сосновыми,
Хлебом, станками, вагонами новыми,
Пусть будут люди, дела её молоды —
Древней, любимой, советской Вологды! 8).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Дважды был в Вологде один из виднейших критиков-марксистов, литератор-большевик *Вацлав Вацлавович Воровский* (1871—1923 гг.).

28 февраля 1904 года департамент полиции по особому отделу министерства внутренних дел сообщал начальнику Одесского охранного отделения специальным секретным донесением за № 2821, что о Воровском, вернувшемся из-за границы в Одессу, «имеются следующие сведения»:

«Состоя студентом Московского университета в 1891 году, Воровский играл выдающуюся роль в образовавшемся среди студентов университета польском революционном кружке «Коло», а в мае 1896 года удалён из Москвы на время коронационных торжеств под надзор полиции в течение трёх месяцев в Вологодскую губернию...».

27 апреля 1896 года В. В. Воровский приезжает в Вологду. Как сообщают документы жандармского управления, он останавливается в гостинице «Золотой якорь», а оттуда переселяется на квартиру к инженеру путей сообщения Нейману.

В июле срок ссылки истёк, и В. В. Воровский покинул Вологду.

8 июня 1912 года за принадлежность к Одесской социал-демократической организации и за партийную работу Воровский был арестован и вскоре снова выслан в Вологду сроком на два года. Сюда он был доставлен под конвоем 30 октября 1912 года.

Один из вологодских ссыльных вспоминал об этом:

«... Среди ссыльных пронёсся слух, что к нам высылается В. В. Воровский. Вскоре же, идя по берегу реки, я увидел извозчика, на котором сидел рядом с городовым Вацлав Вацлавович. Я окликнул его; он остановил извозчика, и мы несколько минут поговорили; Воровский расспрашивал об условиях жизни, о составе ссылки и т. д.».

В Вологде Воровский сначала проживал на Большой Петровке (теперь Красногвардейская ул.) в доме Добрякова. Его квартиру часто посещали ссыльные. Не прекратились встречи ссыльных с большевиком-ленинцем и тогда, когда он переехал на Пятницкую улицу (теперь ул. Героев Арктики), в дом Рынина.

Лично знавшие Воровского рассказывают, что большую часть своей второй ссылки в Вологду он провёл на квартире у Паничева на Кирилловской улице (теперь Советская), дом 16.

Ко времени второй ссылки в Вологду В. В. Воровский был уже видным партийным работником, членом ЦК и сотрудником большевистских газет, автором известных литературно-критических статей «Лишние люди», «Базаров и Сатин», статей о В. Г. Белинском, И. А. Добролюбова, Д. И. Писареве, о писателях-современниках А. И. Куприне, Л. Андрееве, Ив. Бунине и др.

«Воровский, — пишет о нём А. В. Луначарский, — это страстный политический деятель и борец. На свою литературную работу и в частности на свои критические статьи он смотрит как на существенный элемент своей общественно-революционной деятельности».

Воровский среди товарищей по ссылке вёл не только культурную и литературную работу, но и большую политическую пропаганду. Он организовал в Вологде нелегальные кружки по изучению марксистской литературы. Полиция усиленно искала организатора и руководителя этих кружков, догадываясь, что распространение марксистских идей среди ссыльных — дело В. В. Воровского. Но все попытки полиции обнаружить его участие были безуспешны: Воровский имел большой опыт подпольной работы. Всё же однажды, несмотря на отсутствие улик, Воровский был арестован. Вскоре полиция была вынуждена освободить его, и он снова продолжал вести марксистскую агитацию.

Ссыльные, имевшие общение с Воровским, вспоминают его удивительное спокойствие и выдержку. В одном из таких воспоминаний читаем:

«... все окружавшие от души любили его. Я никогда не видел его раздражённым, вспыльчивым, злым; удивительная выдержка и ровность характера, мягкость и ласковая внимательность ко всем людям, с которыми он соприкасается. Неудивительно, что всех его знакомых тянуло к нему; истинным наслаждением была беседа с Вацлавом Вацлавовичем, никогда не опускавшаяся в болото обывательской болтовни, но всегда содержательная и интересная, пронизанная, как лучом, меткой шуткой Воровского».

Здоровье Вацлава Вацлавовича, которому пришлось вести тяжёлую работу в условиях царской реакции, подолгу сидеть в тюрьмах и скитаться по ссылкам, сильно пошатнулось. Будучи второй раз в Вологде уже далеко не молодым, он часто хворал, но даже тяжело больной он не прекращал работы.

Осенью 1912 года Воровский вместе со ссыльным Б. Богдановым был приглашён Вологодским обществом

истории вологодского маслоделия. Здесь он взял на себя самую трудную работу, которая требовала поисков новых материалов о прошлом вологодского маслоделия. Этот труд был подготовлен и издан уже после отъезда Воровского из Вологды.

Кроме того, Воровский деятельно готовил северную кооперацию к Киевскому съезду и Всероссийской кооперативной выставке.

Многосторонняя деятельность Воровского в Вологде не ограничивалась этим. Наряду с постоянной работой для «Правды», он, как инженер, углубляется в чертежи, составляя план для постройки в Вологде женской гимназии.

За время пребывания в Вологде Воровский написал статьи: «В кругу и вне круга», «Польский Данте», «Сигизмунд Красинский». Они были найдены в бумагах писателя после его смерти.

В 1913 году срок ссылки Воровского был сокращён, и в начале следующего года он выехал из Вологды в Петербург, где продолжал партийную и литературную работу.

«Красный Север», 1923, 16 мая, № 105, с. 1; 20 мая, № 108, с. 2; «Север», Вологда, 1923, № 2; «Дело Вологодского губернского жандармского управления о состоящем под гласным надзором полиции В. В. Воровском. Начато 2 ноября 1912 г. Окончено 26 февраля 1913 г. На 7 листах». Вологодский Гособлархив, арх. № 10; «Дело 1912 г. по описи № 158 о состоящем под гласным надзором полиции дворянине В. В. Воровском». Вологодский Гособлархив, арх. № 252.

★ ★ ★

«В Вологду, — пишет в своих воспоминаниях *Анатолий Васильевич Луначарский* (1875—1933 гг.), — я выехал после тяжёлой болезни зимой 1902 года. Как раз

потому, что я приехал в этот засыпанный снегом городок, в тот день, сиявший на солнце, выздоравливающим и ещё пошатывающейся походкой сходил на перрон вокзала, — я воспринял новые вологодские впечатления необычайно радостно. Я тогда физически воскресал и с особенным наслаждением впитывал в себя окружающее».

Полубольной Анатолий Васильевич прямо с вокзала прибыл на заседание Вологодского земства, а через день поселился в Кувшинове, в доме А. А. Малиновского-Богданова, который там работал врачом в психиатрической лечебнице.

6 февраля 1902 года пристав 3-го участка Вологды доносил вологодскому полицмейстеру: «состоящий под особым надзором полиции дворянин Анатолий Вас. Луначарский прибыл во вверенный мне участок 2 сего февраля и временно остановился в доме Гусева (на Калашной улице. — В. Г.), а 4 февраля выбыл на жительство в Вологодский уезд в село Кувшиново к доктору Малиновскому».

Поселившись недалеко от Вологды, Анатолий Васильевич принял самое активное участие в политической жизни города. В то время, по его словам, «социал-демократы составляли количественно и качественно самую сильную группу в Вологде».

Луначарский неоднократно участвовал в собраниях вологодских ссыльных, проходивших обычно под председательством И. А. Саммера, читал свои рефераты. Скоро, благодаря блестящим ораторским способностям, он завоевал симпатии учащейся молодёжи и ссыльных. А среда ссыльных, по словам самого А. В. Луначарского, была в то время «чрезвычайно многочисленной».

«Почти в первый же день приезда А. В., — рассказывает в своих воспоминаниях И. Е. Ермолаев, — я по-

знакомился с ним на квартире А. А. (Богданова.—В. Г.). Анатолию Васильевичу в то время, вероятно, было не более 25—26 лет... А. В. в тот же первый вечер декламировал стихи, и свои, и чужие».

Живя в Кувшинове, Луначарский ни одной минуты не тратил даром. Он писал статьи, очень много читал, занимался переводами, изучал философию, увлекался астрономией. О необычайной трудоспособности Луначарского свидетельствует тот факт, что в течение часа он мог перевести с немецкого языка на русский около 30 стихов. Свою статью «Педагогические идеи Гербарта» он написал менее чем за час и тут же прочёл её товарищам.

Его публицистическая и литературная деятельность «началась, действительно, в Вологде». «Я опубликовал, — пишет он, — ряд статей: «Русский Фауст» в «Вопросах философии и психологии», «Белые маги» в «Образовании» и несколько более мелких полемических статей против идеалистов».

Вологодская жизнь Луначарского была прервана вмешательством губернатора, приказавшего выслать опасного публициста из города. Поводом послужило следующее обстоятельство.

В Вологде в то время нередко устраивались благотворительные спектакли в пользу рабочих. На один из них, устроенный на винокуренном заводе, был приглашён и Луначарский. Для рабочих на этом представлении не оказалось места: весь зал был заполнен «почётной публикой».

Об этом событии Луначарский не без иронии написал в либеральную ярославскую газету «Северный край», куда был приглашён корреспондентом от Вологды. Прочитав корреспонденцию ссыльного, начальник казённой палаты донёс губернатору. Тот немедленно распорядился

выслать Луначарского в Тотьму «как элемент опасный даже в Вологде».

Луначарскому очень не хотелось расставаться с «высококультурной вологодской средой», и он «поднял большой шум», стараясь всеми силами задержаться здесь, в кругу своих близких и знакомых, в своей семье. Но все попытки Луначарского не увенчались успехом: он был отправлен к месту новой ссылки.

Несмотря на то, что Луначарский усиленно избегал поездки в Тотьму, этот маленький северный городок необычайно понравился ему. Писатель вспоминает Тотьму «как какую-то зимнюю сказочку, какую-то декорацию для «Снегурочки», среди которой был «на курьих ножках» и домик, где жили Луначарские.

Позже в своих воспоминаниях Луначарский писал:

«Мои тотемские воспоминания ещё приятнее вологодских. Их тоже портит только администрация. Тотьма очаровательный, узорный городок, с церквями в стиле рококо, на берегу громадной реки, за которой тянутся тёмные леса. Недалеко от города лежит монастырь, где жил когда-то чудотворец, куда можно ездить на санях сквозь серебряные зимние леса, и где дают хлеб, квас и уху, каких я ни до, ни после никогда не едал. Это было нашей любимой прогулкой».

Луначарский не жил замкнуто и в этом городке. Он познакомился с местной интеллигенцией и вскоре стал членом любительской труппы при клубе. Но полиция, следившая за каждым шагом писателя, исключила его из числа членов клуба.

Годы ссылки в Тотьму Луначарский использовал для своего самообразования. Он углубился в чтение, занимался переводами, изучал философию, много работал в области публицистики, писал в различные журналы.

«Во-первых, — вспоминает Луначарский, — я развер-

нул в Тотье большую литературную работу. Здесь я написал большой этюд о Ленау, перевёл его «Фауста» и опубликовал в «Образовании» и «Правде» большой ряд критических и полемических этюдов, которые, по возвращении из Тотьмы, я издал отдельным большим томом в издательстве Мягкова, и которые доставили мне довольно широкую известность среди читающей публики».

В Тотье Луначарский написал также несколько сказок и рассказов для книги «Идеи в массах».

15 мая 1904 года, по истечении срока ссылки, тотемский исправник освободил Луначарского от надзора и возвратил ему документы.

Вместе с женой Анатолий Васильевич отправился на пароходе в Вологду, но пребывание его здесь было кратковременным. Как сообщают очевидцы, Луначарский выступил перед большой аудиторией ссыльных и через несколько дней выехал в Киев, а затем — за границу, где вместе с В. И. Лениным, В. В. Воровским и другими марксистами принял участие в издании газет «Вперёд» и «Пролетарий».

Луначарский надолго сохранил любовь к северной природе, отдавал должное древней вологодской архитектуре. 25 февраля 1924 гда, будучи наркомом просвещения, он писал в Тотьму: «Я всегда с удовольствием вспоминаю маленькую красавицу Тотьму... часто передо мною стоят картины Сухоны и окружающих её лесов, очаровательные места около города».

В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм; о Л. см. также по указателю имён полн. собр. соч. В. И. Ленина; Н. К. Крупская. Страстный агитатор. «Комсомольская правда», 1933, № 300; А. В. Луначарский. Из вологодских воспоминаний. «Север», Вологда, 1923, № 2, с. 1—5; И. Е. Ермолаев. Мои воспоминания. «Север», 1923, № 3—4, с. 1—28; А. Кривоше-

е в а. Эстетические взгляды А. В. Луначарского. М.—Л., «Искусство», 1939, см. здесь гл. «Годы ссылки и революции 1905 г.», с. 7—38; «Дело № 11, Вологодского полицмейстера о состоящем под особым надзором полиции дворянине А. В. Луначарском. Начато 8 января 1902. Окончено 5 июня 1902, на 7 листах»; «Дело № 40. О состоящем под гласным надзором полиции за агитацию среди рабочих против правительства дворянине А. В. Луначарском. Начато 30 марта 1903. Кончено 19 мая 1904». (Облгосархив. Канцелярия губернатора). Дело Вологодск. Облгосархива (ист. отд.). «Тотемский музей им. А. В. Луначарского», фонд Вологодского общ-ва изуч. Сев. края, ед. хр. 107.

★ ★ ★

В 1892—1893 гг., по окончании Вышневолоцкого технического училища, в Вологодской губернии работал выдающийся советский писатель, лауреат Сталинской премии *Вячеслав Яковлевич Шишков* (1873—1945). После работ по переустройству Березайского бейшлота он был переведён в Вологду и вскоре совершил двухнедельную поездку по рекам губернии, производил маршрутные съёмки Пинеги. Некоторое время будущий писатель работал на плотине «Знаменитой» около Кубенского озера, хорошо изучил окрестные деревни. В конце 1894 года Шишков уехал в Сибирь. Впоследствии, в 1920 году, писатель, собирая материал для своих произведений, побывал на Шексне.

В. Бахметьев. Вячеслав Шишков (жизнь и творчество). М., «Сов. писатель», 1947, с. 21—23.

★ ★ ★

В Вологде долгое время жил и работал писатель *Иван Васильевич Евдокимов* (1887—1941). Здесь он окончил гимназию, с 1903 года состоял в вологодской большевистской организации. После Октябрьской рево-

люции Евдокимов заведовал в Вологде школой, работал библиотекарем в Вологодском молочнохозяйственном институте, читал лекции в Институте народного образования. С 1915 года в вологодских газетах печатаются его первые рассказы. Евдокимов — автор ряда произведений о Вологде и вологодской деревне, её жизни и быте до революции, книг о живописи и архитектуре Севера.

И. В. Евдокимов (некролог), «Лит. газета», 1941, 3 сентября, № 35, стр. 4.

★ ★ ★

Автор «Доменной печи» *Николай Николаевич Ляшко* (1884) в 1908 году был сослан в Вологодскую губернию за участие в революционных выступлениях. В 1909 году он сидел в Кадниковской тюрьме. В вологодской ссылке Ляшко начал серьёзную литературную деятельность, создав здесь несколько своих произведений. В 1911 году писатель был освобождён из-под надзора. В марте 1941 года Ляшко вместе с И. Молчановым побывал в Вологде. Руководимая им бригада писателей выступала в пединституте, перед работниками областной газеты. Встретившись с трудящимися города во Дворце культуры железнодорожников, Ляшко читал отрывки из романа «Сладкая каторга».

«Московские писатели в Вологде». «Красный Север», 1941, 25 марта, № 70, стр. 4.

★ ★ ★

Писатель *Александр Иванович Тарасов* (1901—1941) — уроженец д. Назаровской, Чарондской волости, Вологодской губернии. Окончив сельскую школу, жил и работал в деревне, затем служил в Красной Армии. В 1925—1927 гг. учился в Вологодской совпартшколе, затем работал в следственных органах в Кадникове, библиотекарем в Няндоме. Первый рассказ Тарасова «Рябина» был напечатан в Вологде, в литературном сборнике «Зар-

ницы». Как писатель, Тарасов формируется в середине 30-х годов, создавая известные сейчас произведения «Крупный зверь», «Охотник Аверьян», «Анна из деревни Грехи» и др. В это время он жил в Москве, но связи с родными местами не порывал до самой смерти. «Бывало, с весны, — пишет Б. Вадецкий, — он уезжал из Москвы в вологодскую деревню и там, уподобляясь охотнику Аверьяну, жил среди своих земляков и вместе с ними и работал, и охотился, пешком исхаживая десятки километров по глухим лесным тропам». Больше всего писатель любил и хорошо знал север, свои родные леса. Многие герои его книг имеют прототипы среди вологодских колхозников и охотников, встреченных писателем на родине. Тарасов безвременно погиб в самом начале Отечественной войны.

Б. Вадецкий. Александр Тарасов. В кн. А. Тарасов. Повести и рассказы. М., «Сов. писатель», 1946, стр. 372—376; А. Т. Сотников. Очерки о писателях-вологоджанах. Вологда, 1947, стр. 44—49.

В Вологде родился в 1903 году советский поэт *Анатолий Сергеевич Ольхон (Пестюхин)*. Здесь он окончил приходское училище, а после Октябрьской революции среднюю школу и пединститут. В перерывах между учёбой работал в районах области на лесозаготовках. Первое его стихотворение было напечатано в Вологде, в 1924 году, в комсомольской газете «Юный строитель». Редакция этой же газеты выпустила через два года отдельным изданием поэму Пестюхина-Ольхона «Тундра». Молодой поэт в это время нередко выезжал на крайний север, корреспондировал из Коми АССР, печатался в местных газетах, журналах и альманахах: «Звезда Севера», «Зарницы», «Северный альманах», «Юный строитель», «Ленинская молодёжь», «Красный Север» (Во-

логда), «Советская мысль», «Ленинская смена» (Великий Устюг). В 1927 году в Вологде вышла вторая книга его — поэма «Бронепоезд». Стихи Ольхона-Пестюхина появляются в столичных журналах. Вскоре он уезжает в Москву. Последние годы жизни Ольхон провёл в Сибири. В 1950 году он умер в Москве.

Био-библиографическую справку о нём см. в его книге: А. Ольхон. Стихи и поэмы за двадцать лет. 1926—1946. Иркутск, 1946, с. 300; Анатолий Ольхон (некролог). «Лит. газета», 1950, 14 ноября, № 107, стр. 4.

★ ★ ★

В 1923—1925 гг. вёл в Вологде большую партийную работу литературный критик *Марк Исаакович Серебрянский* (1900—1941). Он создал здесь первую литературную группу и печатался в вологодских изданиях, в Москве издал поэму «Коммуна».

«Писатели советского Дона». Био-библиографический справочник, вып. 1-й и 2-й. Ростов н/Д., 1948, стр. 76—80; С. Кирьянов. Критик-большевик. В книге: М. Серебрянский. Литературные очерки. М., «Сов. писатель», 1948, с. 3—8.

★ ★ ★

В феврале 1929 года в Вологду приезжал поэт *Александр Алексеевич Жаров* (1904). Здесь он выступал с чтением своих стихотворений на конференции писателей «Комсомольской правды», в педтехникуме и других учреждениях города. Его стихотворения и отрывки из новой поэмы «Сентиментальный круг» печатались в те дни в «Красном Севере».

«Красный Север», 1929, 17 февраля, № 40, стр. 2.

★ ★ ★

«В Вологде я был проездом несколько дней. Этот город был мне ключом к северному путешествию для

изучения сплава лесов», — сообщает один из советских писателей старшего поколения *Михаил Михайлович Пришвин* (1873).

В Вологду Пришвин приехал в начале мая 1935 года. Отсюда он и начал своё северное путешествие, которое описано им в серии очерков «Берендеева чаша».

«По реке Вологде, — рассказывает Пришвин о своей поездке и впечатлениях, — мы выплываем в Сухону и, как охотники, любуемся чудесными местами».

Внимательно, пристально всматриваясь в живописную по берегам Вологды и Сухоны природу, писатель замечает на ближайших озерах множество уток различных пород, дупелей на богатых сенокосных лугах, лёгкие лодки вологодских охотников. Он любуется широким разливом почти рядом впадающих в Сухону рек Вологды и Лежи.

В очерках, объединённых общим названием «Берендеева чаша», Пришвин с большой любовью описывает золотое богатство Севера—леса, непроходимые лесные чащи, которое человеческая рука обращает в круглый лес, а затем в первосортный строительный материал, целлюлозу, бумагу и другую ценную продукцию.

Поездки Пришвина по родной стране давали ему обильный материал для его рассказов. Передавая в своих очерках и рассказах величие и суровую красоту Севера, писатель учит читателя любить родные края, свою величественную прекрасную родину.

М. Пришвин. Собр. соч., т. IV (Берендеева чаша). М., ГИХЛ, 1939, с. 364—478; Письмо М. М. Пришвина к В. В. Гура от 5. IV. 1951 г.

★ ★ ★

Направляясь на Карельский фронт, в октябре 1941 года в Вологде останавливался на некоторое время лауреат Сталинских премий, поэт, прозаик и драматург

Константин Михайлович Симонов (1915). Здесь он написал несколько стихотворений, в том числе стихотворение «В домотканном деревянном городке».

В 1943 году в Вологде побывал лауреат Сталинской премии *Василий Иванович Лебедев-Кумач* (1898—1949). Вместе с композитором К. Я. Листовым он был 11 марта в гостях у вологодских школьников (22-я школа). Лебедев-Кумач читал свои стихи, а композитор исполнял песни на тексты поэта.

Встреча школьников с поэтом-орденоносцем В. И. Лебедевым-Кумачом. «Красный Север», 1943, 10 марта, № 56, с. 1.

Во время Отечественной войны корреспондентом «Красного Севера» по Великому Устюгу был литератор *Леонтий Раковский*. 13 июня 1943 года в Вологде состоялся первый литературный вечер писателя. Он рассказал о своей работе и прочёл главы из написанного им в осаждённом Ленинграде романа «Генералиссимус Суворов». В феврале 1943 года Л. Раковский выступил в Никольске с лекцией «Как создаётся художественное произведение».

«Красный Север», 1943, 28 февраля, № 49, с. 2; там же; 13 июня, № 123, стр. 2.

В селе Мегре, Белозерского района, Вологодской области, в 1921 году родился *Сергей Сергеевич Орлов*. В 1940 году он окончил в г. Белозерске среднюю школу и поступил на исторический факультет Карело-Финского Государственного университета. В начале войны ушёл в армию и по окончании танкового училища участвовал в боях с фашистами, был ранен. Демобилизовавшись в 1944 году, приехал на родину. Своим творчеством С. Орлов

тесно связан с родными краями. Здесь в областных газетах «Красный Север» и «Сталинская молодёжь» он печатал свои первые стихи. После войны в Ленинграде вышли два сборника стихотворений Орлова — «Третья скорость» (1946), «Поход продолжается» (1948). В 1948 году поэт побывал в колхозе «Первое мая» Кичменгско-Городецкого района. На материале этой поездки им была создана поэма «Светлана», печатавшаяся на страницах «Красного Севера» (первая часть — под названием «От зари до зари»). Бывая на родине, С. Орлов выступал с чтением своих стихов в Вологде, в районах области, принимал участие в двух областных совещаниях писателей. В 1950 году Орлов выезжал в вологодские колхозы вместе с ленинградским поэтом Л. Хаустовым. Сейчас Орлов живёт и работает в Москве.

Биографическую справку см. в его книге «Светлана». Вологда. Обл. изд-во, 1950. См. также «Красный Север», 1949, 3 июня, № 107, с. 1; там же, 1949, 10 июня, № 112; с. 3.

★ ★ ★

Во Дворце культуры железнодорожников перед вологжанами выступал 16 ноября 1947 г. лауреат Сталинской премии поэт *Сергей Владимирович Михалков* (1913). Он читал стихи для детей и стихотворения на политические темы.

Н. Болотова. Встреча с поэтом Сергеем Михалковым. «Красный Север», 1947, 18 ноября, № 227, с. 3; Вечер поэта С. Михалкова. «Сев. путь», Вологда, 1947, 19 ноября, № 139, с. 2.

★ ★ ★

Лауреат Сталинской премии *Лев Абрамович Кассиль* (1905) приезжал в Вологду в 1947 году. 2 декабря он выступал во Дворце культуры железнодорожников с рас-

сказом о своём творческом пути и о поездке за границу.

К приезду писателя Л. Кассиля. «Сев. путь», Вологда, 1947, 30 ноября, № 144, с. 2.

★ ★ ★

«В этом году (1949), — пишет лауреат Сталинских премий *Вера Панова*, — я побывала в одном из крупных животноводческих совхозов Вологодской области, созданных в первую сталинскую пятилетку. Благословенные места, заливные луга, душистые травы, золотые пчёлы вокруг цветущих лип, тучное, откормленное стадо, молочные реки». Вера Панова не раз бывала в Вологде и области, выступала с рассказом о своей работе перед трудящимися города, в студенческой аудитории пединститута. Герои её книги «Спутники» — большей частью вологжане. На вологодском материале написана повесть «Ясный берег».

В. П а н о в а. Самый родной, самый близкий. «Красный Север», 1949, 21 декабря, № 250, с. 3.

★ ★ ★

В конце 1947 г. и начале 1948 г. в гор. Соколе около двух месяцев на бумкомбинате работала группа Союза советских писателей во главе с лауреатом Сталинской премии Евгением Ароновичем *Долматовским*. В группе были писатели — лауреат Сталинской премии Лев Иванович *Ошанин*, Борис Савельевич *Ласкин*, Ян Иванович *Сашин*, Цезарь Самойлович *Солодарь* и др. Они принимали участие в работе выездной редакции газеты «Красный Север» и «Лит. газеты». На страницах газеты «Больше бумаги родине» печатали свои стихи, эпиграммы, фельетоны, юморески. В Соколе и Вологде группа писателей несколько раз выступала на литературных вечерах.

См. комплект газеты «Больше бумаги родине!».

★ ★ ★

В конце 1950 года в Вологду приезжал лауреат Сталинской премии Леонид Максимович *Леонов*. Несколько недель он жил на ст. Вохтоге и собирал материал для нового романа. Сейчас Л. Леонов пишет книгу о людях лесной промышленности.

«Лит. газета», 1950, 31 декабря, № 127, стр. 1; письмо писателя к автору настоящей книги от 25. II. 1951 г.

КОММЕНТАРИИ

МУРАВЬЕВ Михаил Никитич

1) М. Н. Муравьёв. Полн. собр. соч., тт. I—III, СПб. 1819—1820. В дальнейшем текст произведений цитируется по этому, правда, далеко не полному изданию. См. т. I, с. 11; т. III, с. 246, 247, 252; т. I, с. 20—21, 69—70, 71, 97, 98, 18. Здесь помещено и «Письмо к И. М. Муравьёву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьёва» (с. I—XXX); см. также: Соч. К. Н. Б а т ю ш к о в а, изд. П. Н. Батюшкова, т. II, СПб. 1885, с. 73—91; комментарии—на с. 417—432. Отдельные сочинения М. печатались с 1773 г. Частично они зарегистрированы в «Справочном словаре» Геннадии (см. с. 354) и в книге П. Д и л а к т о р с к о г о. «Вологжане-писатели». 1889, с. 73. Кроме того, М. участвовал в «Опытах трудов Вольного российского собрания», в «Собеседнике любителей русского слова», «Сыне Отечества», «Вестнике Европы» и других изданиях того времени.

2) В. Г. Б е л и н с к и й. Собр. соч. в трёх томах, т. III. М., ГИХЛ, 1948, с. 314.

3) Н. Д р у ж и н и н. Декабрист Никита Муравьёв. М., изд. Всеросс. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933, с. 58. В комментариях к книге есть обширная библиография, см. особенно с. 373—374.

4) «Губернский предводитель *Алексей Васильевич Олешев*, человек весьма образованный по тому времени и имевший у себя хорошую библиотеку, был женат на Марье Васильевне, родной

сестре светлейшего князя А. В. Суворова. Суворов приезжал с сыном Аркадием Александровичем, тогда ещё не совершеннолетним, в имение родных своих, живших около Вологды». Впоследствии имением Ермолово владел князь А. И. Горчаков, участник похода Суворова в Италию, а затем — князь А. А. Волконский. См.: Ф. Фортунатов. Заметки и дополнения вологжанина к статье об А. П. Мельгунове (из запаса семейных бумаг и памяти). «Русский архив», М., 1865, с. 926 (А. П. Мельгунов — ярославский и вологодский губернатор в 1784—1797 гг.). А. В. Олешев занимался и литературной деятельностью. Некоторые биографические сведения о нём и список его трудов см. в статье «Алексей Васильевич Олешев». «Русская старина», т. I. СПб. 1870, с. 463—465.

5) История русской литературы, т. IV. М.—Л., АН СССР (Институт литературы. Пушкинский дом), 1947, с. 454. См. статью «Муравьёв», с. 454—461.

6) Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., Учпедгиз, 1951, с. 664.

БАТЮШКОВ Константин Николаевич

1) К. Н. Б а т ю ш к о в. Соч. Изданы П. Н. Батюшковым со статьею и примечаниями Л. Н. Майкова. т. I, СПб. 1887, с. 255. Этот том наиболее полного собрания сочинений включает обширную статью о жизни и творчестве Б. и 119 его стихотворений. В т. II (1885) собрана вся известная проза Б., а в т. III (1886) — письма. Издание снабжено обстоятельными текстологическими комментариями, содержащими большой фактический материал. См. также след. советские издания: К. Н. Б а т ю ш к о в. Соч. Вступ. статья, редакция и комментарий Д. Д. Благого. М., Академия, 1934, 748 с.; К. Н. Б а т ю ш к о в. Стихотворения. Вступ. статья, ред. и прим. Б. С. Мейлаха. Л., «Сов. писатель», 1941, 264 с. (Библиотека поэта. Большая серия); К. Н. Б а т ю ш к о в. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1948, LX + 343 с. (Библиотека поэта. Малая серия); К. Н. Б а т ю ш к о в. Стихотворения. Вступ. статья Г. С. Черемина. Вологда. Обл. изд-во, 1951, 272 с.

2) *Межаков Павел Александрович* (1788—1840?) — вологодский дворянин, знакомый Батюшкова, поэт. М. печатал свои стихи в «Чтениях в Беседе любителей русского слова», в «Памятнике отечественных муз» и других изданиях начала XIX века. Первое собрание его стихотворений, «Уединённый певец», вышло в Петербурге в 1817 г., второй сборник, «Стихотворения Павла Межакова», значительно расширенный, появился в 1828 г.

Выйдя в отставку в 1809 г., М. жил в своём богатом родовом имении с. Никольском, Кадниковского уезда. В одном из стихотворений он так описал свою усадьбу:

В долине, скатом наклоненной
До самых озера валов,
Стоит мой дом уединенный,
От бурных ветров защищенный
Столетней сению дубов.

В «Стихотворениях Павла Межакова» описываются охоты, катание на лодках; праздная жизнь собиравшегося у Межакова кадниковского дворянского общества; идиллически рисуется жизнь крепостных крестьян. (См. о П. Межакове: К. Н. Б а т ю ш к о в. Соч., т. III, СПб. 1866, с. 645—646; В. В. Д а н и л о в: Кадниковский уезд Вологодской губернии. «Север», 1923, № 3—4, с. 223—226).

3) П. Г р е в е н и ц. Несколько заметок о К. Н. Батюшкове. «Вологодск. губ. ведомости. Часть неофициальная», от 15 октября 1855 г., № 42; от 22 октября 1855 г., № 43; О погребении Батюшкова 10 июля 1855 г. см. «Волог. губ. вед.» от 16 июля 1855 г., № 29. В очерке использованы: «Волог. губ. вед.» от 13 августа 1855 г., № 33. (Константин Николаевич Батюшков. Характер его произведений. Несколько биографических о нём подробностей); от 1 октября 1855 г., № 40 (Ф. Б е р г. Ещё заметки о К. Н. Батюшкове и его произведениях). Кроме того, см.: В. Г. Б е л и н с к и й. Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. [Обзор поэтической деятельности Батюшкова; характер его поэзии]. В книге: В. Б е л и н с к и й. Собр. соч. в трёх томах, т. III. М., ГИХЛ, 1948, с. 293—323; Л. Н. М а й к о в. Батюшков, его жизнь.

и сочинения. СПб. 1896, 287 с.; Л. Н. Майков. Характеристика Батюшкова как поэта. СПб. 1887, 21 с.; К. Н. Батюшков. Его письма и очерки его жизни. «Русск. архив», 1867, № 10, с. 1342—1360, № 11, с. 1440—1531; С. П. Шевырёв. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850, ч. I, с. 109, 110, 111, 114; «Кончина К. Н. Батюшкова (из письма к С. П. Ш.)». «Москвитянин», 1855, т. VIII, с. 247—249; Н. Бунаков. К. Н. Батюшков (критико-биографический очерк). «Москвитянин», 1855, XII, с. 89—112; Н. Бунаков. Батюшков в Вологде (заметки к его биографии). «Русск. вестник», 1874, VIII, с. 503—518; В. И. Тузов. Памяти поэта-вологжанина К. Н. Батюшкова. По поводу чествования столетней годовщины со дня рождения поэта в 1887 г. в Вологде. Вологда, 1892, 30 с. (оттиски из №№ 5, 6, 7 «Волог. губ. вед.» за 1892 г.); П. Дилакторский. О Батюшкове. «Родина», 1905, № 15.

4) *Савинов Феодосий Петрович*. Родился во второй половине 60-х гг. в г. Тотме, в семье бедного чиновника. Писать начал во время обучения в Вологодской гимназии, которую не окончил. Печатался с 1885 г., через три года издал в Вологде первый сборник стихов. Работал в Вологодском губернском правлении, но был уволен в отставку «без пенсии и мундира» за то, что сочинял сатиры и эпиграммы на губернских чиновников. За поэму «Савинада», в которой подвергались резкой критике губернские порядки, был арестован, а после освобождения покинул Вологду. Живя в Москве, издал ещё один сборник стихов, печатался в «Русск. мысли», «Русск. обозрении» и других журналах. В начале 90-х гг. душевнобольной Савинов вернулся в Вологду и жил здесь до смерти в нужде и одиночестве. (М. Швецов. Из прошлого. Вологда, 1913, с. 49—54; стихотворение Ф. Савинова цитируется по книге В. И. Тузова — Памяти поэта-вологжанина К. Н. Батюшкова. Вологда, 1892, с. 6—7).

ВЯЗЕМСКИЙ Павел Андреевич.

1) В. Г. Белинский. Собр. соч. в трёх томах. М., ГИХЛ, 1948, т. I, с. 51; т. III, с. 714. См. здесь и др. высказывания Б. о

В.: т. I, с. 284, т. II, с. 418, 625, 652—653; т. III, с. 19, 209, 212, 333. Пушкин о В.: сб. «Пушкин-критик». М., ГИХЛ, 1950, указатель имён — с. 715.

2) П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. III (1808—1827), изд. графа С. Д. Шереметева. СПб., 1880, с. 27—28. Здесь см. стихотворения В. за 1812 г., а в томе II—статью о Нелединском-Мелецком, где В. рассказывает о жизни в Вологде (с. 380—384). Кроме того: Ф. Фортунатов. Памятные заметки вологжанина. «Русский архив», 1867, с. 1651 и далее.

3) *Остолопов Николай Фёдорович* (1782—1833) родился в Сольвычегодске, служил в Петербурге и в 1808—1820 гг. в Вологде. Занимался литературой: переводил, писал стихи, романы и повести. С 1806 г. издавал журнал «Любитель словесности», в котором широко печатал произведения свои, К. Н. Батюшкова, вологодского архиепископа Евгения Болховитинова и др. Первое стихотворение О. «Пастушок», присланное из Вологды, напечатано в 1801 г. и прочитано 3 мая 1802 г. при вступлении в члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. О. в начале XIX в. пользовался известностью и уважением в литературных кругах, сотрудничал во многих центральных журналах («Свиток муз», «Санктпетербургский вестник», «Сыт отечества», «Отечественные записки», альманах «Полярная звезда» и др.). Кроме того, О. издал 11 своих книг: в 1816 г. вышел сборник его стихотворений «Прежние досуги», а в 1827 г. — «Апологические стихотворения».

Известен как автор трёхтомного «Словаря древней и новой поэзии», составленного в Вологде.

Краткую биографическую справку «Николай Остолопов» см. в сб. «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Вступ. статья, редакция и комментарий Вл. Орлова. (Библиотека поэта. Большая серия). «Сов. писатель», 1935, с. 359—363. Здесь же опубликовано несколько стихотворений О. (с. 364—414); комментарии к ним на с. 796—803; К. Н. Батюшков. Соч., т. III, СПб., 1866, с. 682—683.

последнего к «Выдержкам из старых бумаг Остафьевского архива». «Русский архив», М., 1866, с. 217—254. Здесь же письма к Вяземскому в Вологду, относящиеся к 1812 г., и послание к нему О. Стихотворение Вяземского к О.: П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. III, с. 33—34.

4) *Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович* (1752—1828). Известен, главным образом, как автор песен «Выйду ль я на реченьку», «Ах, тошно мне...» и др. Батюшков писал о нём в 1811 г.: «Истинный Анакреон, самый острый и умный человек, добродушный в разговорах и любезный в своём быту — вопреки и звезде, и сенаторскому званию, которое он заставляет забывать...». Пушкин положительно оценивал Н.-М. за простоту и искренность. Белинский говорил о том, что в песнях Н.-М. «сквозь румяны сентиментальности проглядывало иногда чувство и блёстки таланта». Общая характеристика творчества Н.-М. дана в «Истории русской литературы», т. IV, М.—Л., АН СССР, 1947, с. 451—453; биограф. справку, библиографию его сочинений и статей о нём см. в «Русск. биограф. словаре». СПб., 1914, с. 215—218.

5) «Литературное наследство. А. С. Грибоедов» (№№ 47—48). М. Изд-во АН СССР, 1946, с. 230. Общая характеристика творческого пути В. дана во вступ. статьях к его стихотворениям: П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. Ред. статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.—Л., Academia, 1935 (здесь же см. биограф. канву); П. А. Вяземский. Стихотворения. Вступ. статья, редакция и примечания Л. Гинзбург. Л. «Советский писатель», 1936, 214 с.; П. А. Вяземский. Стихотворения. Подбор текста и вступ. статья Б. М. Другова. М., Гослитиздат, 1944, 61 с. (Писатели-патриоты великой родины); Н. Кутанов. Декабрист без декабря. В сб.: «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, с. 201—290.

Хронологический указатель соч. В., алфавитный список их, письма В., материал для его биографии и т. д. см. в книге: С. И. Пonomarev. Памяти князя П. А. Вяземского (1792—1878). 1879.

1) Стихотворения Красова цитируются в основном по сборнику: В. И. Красов. Стихотворения. Изд. Павла Шейна. М., 1859, 194 с. Здесь, кроме стихотворений, опубликованных поэтом в различных периодических изданиях (библиографию произвед. К. см. в книге П. Дилакторского — Вологжане-писатели. 1899, с. 46—50), в разделе «Стихотворения неизданные» печатается тетрадь К., доставленная издателю В. А. Глаголевским,

2) В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. проф. Н. Л. Бродского. М., 1948 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей), с. 115, 117. В книге опубликовано несколько писем К. к Белинскому, стихи его, посланные критику (с. 107—120); есть биограф. справка и комментарии (с. 121—123).

3) Н. Л. Бродский. Поэты кружка Станкевича. «Изв. II Отд. русск. яз. и словесн. ИАН». СПб. 1912, кн. 4. В этом исследовании учтена вся литература о К. по 1912 год. В дальнейшем в нашем очерке все неоговорённые цитаты — по данному источнику. Кроме того, краткие биограф. справки о К. см.: Н. Б. Гербель — Русские поэты в биографиях и образцах. Изд. 3-е, СПб., 1888, с. 363—364; М. Н. Шведов. Из прошлого. Ист.-лит. очерки. Вологда, 1913, с. 36—39; Н. Дашкевич. В. И. Красов, полузабытый лирик и словесник 30-х и 40-х гг. «Сб. Отд. русск. яз. и словесн. ИАН», т. 92. П. 1914, с. 639; «Русск. старина», 1887, май, с. 424—432; В. В. Данилов. Кадниковский уезд Вологодской губернии. «Север», 1923, № 3—4, с. 226—227.

4) Цитируется по книге «В. Г. Белинский и его корреспонденты». Здесь имеются значительные разночтения с текстом, вошедшим в сборник, изданный П. Шейном.

5) Белинский о К.: Соч. Б., под ред. С. А. Венгерова, т. V, с. 240, 246, 255, 424; Соч. в трёх томах. М. ГИХЛ, 1948, т. I, с. 342, 533, 729. Добролюбов о К.: Собр. соч. в трёх томах. М., ГИХЛ, 1950, т. I (статья «Николай Владимирович Станкевич», с. 362—368. О К. с. 377); Чернышевский о К.: Полн. собр. соч. в 15 томах, т. III. М., ГИХЛ, 1947, с. 200.

1) Вологодский областной архив. Канцелярия Вологодского гражданского губернатора. Инв. № 19, дело № 15 на 34 лл., л. 3. В нашем очерке это архивное дело используется впервые; учтены документы жандармерии, опубликованные в книге: М. Лемке — Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Изд. 2-е, СПб. 1909, с. 459—461. Из ранних работ о И. см. монографию: Н. И. Козмин. Николай Иванович Надеждин (жизнь и научно-литературная деятельность. 1804—1836). СПб. 1902, с. 544—552. Характеристика Н. и его журнально-критической деятельности дана в статье Н. И. Мордовченко. Н. И. Надеждин. «Телескоп» и «Молва». В книге: «Очерки по истории русской журналистики и критики», т. I. Л., изд. ЛГУ, с. 342—369. Здесь же учтены основные высказывания Белинского и Чернышевского о Н. См. ещё: Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. в 15 томах, т. III. М., ГИХЛ, 1947, с. 140—143, 146—165, 177—179, 183, 186—191, 193—196, 225, 768, 770. Биограф. справка, библиография произведений Н. и статей о нём помещена в «Русском биограф. словаре». СПб. 1914, с. 19—34.

2) Ф. Фортунатов. Заметки и дополнения вологжанина к статье об А. П. Мельгунове (из запаса семейных бумаг и памяти). «Русск. архив», 1865. О Надеждине см. комментарии, с. 946—947.

3) Тяжёлое материальное положение, необходимость расплачиваться с долгами заставили Надеждина (как это ему ни было тяжело) перед отъездом в Вологду идти на поклон к О. И. Сенковскому, с которым он одно время вёл борьбу, и вступить в переговоры относительно составления статей по Вологодской губернии для «Энциклопедического словаря» А. Плюшара.

4) *Соколовский Владимир Игнатьевич* (1808—1839) — поэт, член кружка Герцена и Огарёва. Печататься начал очень рано и вскоре стал известен как автор поэмы «Мироздание», одобренной современниками. В 1834 г. С. написал сатирическую песню по поводу смерти Александра I и восшествия на престол нового императора Николая I, а в июле 1834 г. был арестован вместе с

Герценом, Огарёвым и др. по делу «о лицах, певших насквильные куплеты», и посажен в Шлиссельбургскую крепость. После двухлетнего заключения в крепости, осенью 1837 г. С. высылается в Вологду под надзор полиции.

В Вологде С. близко сошёлся с учителями гимназии, в том числе с Н. И. Навашиним, у которого долго жил на квартире. Среди знакомых С. был и другой преподаватель гимназии, Ф. Fortunатов, с которым С. работал с начала 1838 г. в «Волог. губ. ведомостях». 27 декабря 1837 г. С. подарил ему с автографом свою драму «Хеверь». По субботам С. устраивал в Вологде вечера, которые вначале посещались многочисленными почитателями его таланта, литературной молодёжью. С. написал в ссылке поэму «Альма», послал рукопись В. А. Жуковскому и получил обратно с его пометками. Отрывки из этой поэмы С. включил в вологодский сборник, подготовленный им к печати вместе с молодыми литературными друзьями. В этом сборнике, так и не увидевшем света, было ещё несколько стихотворений С. Кроме того, поэт печатал свои произведения в «Волог. губ. ведомостях», которые он основал и редактировал до конца 1838 г. Слабое здоровье, подорванное в Шлиссельбургской крепости, заставило С. передать редакцию ведомостей Ф. Fortunатову и в начале 1839 г. переселиться на Кавказ. Вскоре, в Пятигорске, С. умер от скоротечной чахотки.

Собрания сочинений С. не издавалось. Кроме периодических изданий, где печатались его стихи, см. отрывки из поэмы «Мироздание» в хрестоматии Н. В. Гербеля. — Русские поэты в биографиях и образцах. Изд. 3-е, СПб. 1888, с. 346—347; здесь же небольшая биограф. справка о С. О нём см. «Былое и думы» Герцена, гл. XII. О встречах с С. перед отъездом в Вологду см. И. И. Панаев. Лит. воспоминания. М., ГИХЛ, 1950, с. 68—70. В комментариях И. Ямпольского к этому изданию на с. 371 дана обширная библиография о С. Укажу лишь заметки вологжан: М. Н. Шведов. Из прошлого. Вологда, 1913, с. 4—8, цитированные уже «Заметки и дополнения вологжанина к статье об А. П. Мельгунове», с. 923—925; Ф. Fortunатов. Несколько слов о В. И. Соколовском. «Русск. архив», 1865, с. 1367—1370 (статья

вносит поправки в работу М. И. Семевского — Библиографические заметки. «Отечеств. записки», 1865, август, книга 2-я, с. 294—299).

5) Статья Н. «Великий Устюг» напечатана в томе VIII «Энциклопед. лексикона». СПб. 1837, с. 291—296; «Вологда» (с. 394—402) и «Вологодская губерния» (с. 402—420) — в томе XII (СПб. 1838, разреш. цензурою к печати 14 июня 1838 г.).

6) Ф. Фортунатов пишет, что И. «принял на себя, между прочим, составление всех статей, относящихся до Вологодской губернии, а потому получил из редакции на просмотр доставленные мною туда статьи: *Вологда* и *Вологодская губерния*. Воспользовавшись, с согласия моего, заключающимися в них материалами, он сам обработал эти статьи для XII тома «Энциклопедического лексикона» (Ф. Фортунатов. Заметки и дополнения вологжанин к статье об А. П. Мельгунове», с. 947).

ШЕЛГУНОВ Николай Васильевич

1) Цитируется по книге: Т. А. Богданович. Любовь людей 60-х годов. Предисловие Н. К. Пиксанова. Л., «Academia», 1929, с. 386. В этом издании опубликована часть писем Ш. к жене из Вологодской губернии, отрывки из воспоминаний Ш. и его современников. Письма Ш. цитируются и по книге Л. П. Шелгуновой — Из далёкого прошлого. Переписка Н. В. с женой. СПб. 1901, 340 с. См. также статьи биографического характера, в которых использованы неизданные документы и дела царской полиции о ссылке Ш.: А. Пругавин. Н. В. Шелгунов в ссылке (по неизданным источникам). «Русская мысль», (М.), 1910, № 3, с. 1—25; А. Ершов. Из истории русской журналистики и общественной. «Русское слово» (1859—1865). «Образование», СПб, 1906, № 12, гл. XII «Арест и судьба Н. В. Шелгунова», с. 79—89; М. Л. Н-н.—Н. В. Шелгунов в Калуге (по неизданным документам). «Голос минувшего», 1915, № 11, с. 240—273 (о жизни Шелгунова в Вологде перед переездом в Калугу).

2) Н. В. Шелгунов. Провинция. «Русск. слово», 1865, № 1, с. 125—165; № 2, с. 29—74.

3) В самом губернском городе Вологде по данным на 1893 г. было только 18 тысяч жителей. О сегодняшнем советском Устюге см. ст. «Новая жизнь в древнем городе». «Красный Север», Вологда, 1950, 2 декабря, № 241, с. 3.

4) Н. В. Шелгунов. Сочинения в двух томах. Изд. Ф. Павленкова, 1891, с. 1. В томе II напечатана статья «Женское безделье» (с. 193—244). В 1885 г. состоялось 2-е издание сочинений Н. В. Шелгунова. Наиболее полно статьи, написанные в Вологодской губернии, вошли в издание: Н. В. Шелгунов. Соч., т. III. СПб. 1872.

5) Цитируются по воспоминаниям Н. В. Шелгунова (М.—Л., Гиз, 1923, с. 172).

6) *Лавров Пётр Лаврович* (1823—1900) — социолог, критик, публицист-народник, издававший в 1873—1877 гг. нелегальный журнал «Вперёд» и народническую газету под тем же названием; автор известной революционной песни «Отречёмся от старого мира». В 1867 г., после покушения Каракозова на Александра II, Л. был арестован и сослан в Вологодскую губернию. Прибыв в Вологду со своей семидесятилетней матерью 15 февраля 1867 г., Л. в первый же день познакомился с вологодскими семинаристами, которые впоследствии переписывали его «Исторические письма». Он хотел остановиться в Вологде, но губернатор С. Ф. Хоминский назначил местом его жительства Тотму. Здесь Л. прожил почти два года, поглощённый работой над «Историческими письмами», которые были закончены и подготовлены к печати, когда ссыльный находился уже в Кадникове. «В Тотме, — вспоминает М. П. Сажин, — Лавров был центром тамошней ссылки. На его квартире очень часто собиралась вся ссылка, приходили кроме того учителя и некоторые из местных жителей. Когда Лавров получил разрешение жить в Вологде, его провожала за город довольно шумная и большая компания из ссыльных и местных знакомых.

Осенью 1868 г. Л. переехал в Вологду, но в октябре того же года начальник вологодского жандармского управления написал на него в Петербург донос, где говорилось, что тотемское население и ссыльные при проводах «государственного преступника»

проявили сочувствие ему и симпатию. В октябре Л. был отправлен в Кадников. «После двух лет ссылки,—писал он позже сыну,— я убедился, что в уездном городе я не имею никакой возможности продолжать свои серьёзные труды. Окончания ссылки не предвиделось в скором времени, так как меня, под самым пустым предлогом, выслали снова из губернского города в уездный, по приказанию министра, опять прежде следствия и суда; трусость же губернатора и мелочная придирчивость всемогущего жандармского штаб-офицера не позволяли надеяться на энергичное заступничество местной власти». («Материалы для биографии П. Л. Лаврова», вып. I. П. «Колос», 1921).

Положение ссыльных всё ухудшалось, притеснение увеличивалось, пересылка книг доставляла Л. неприятности. Находясь в Кадникове, Л. попрежнему много работает, но жалуется на плохое здоровье. «... Несмотря на все мои старания,— писал он из Кадникова 10 марта 1869 г.,— я скоро заметил, что все мои работы по истории наук и по истории мысли здесь невозможны, и я должен ограничиваться эфемерными журнальными статейками» («Голос минувшего», 1915, № 2).

Так постепенно зрело решение бежать за границу. Герман Лопатин узнал о намерениях Л. и решил ему помочь. Однажды под вечер в Кадников въехали сани, в них сидел отставной штабс-капитан. Это и был Лопатин, скрывавшийся под фамилией Скирмунт. Через день, вечером 15 февраля 1870 г., когда карточная игра в доме кадниковского исправника была в полном разгаре, Л. на тройке добрых коней мчался уже к Вологде.

«Весь побег,— вспоминал Г. А. Лопатин,— произошёл без каких-либо осложнений и инцидентов. Только за Вологодой, кажется в г. Грязовце, на постоялом дворе, где мы перепрягали лошадей, нам пришлось встретиться с вологодским жандармским полковником Мерклиным. К счастью, эта встреча окончилась для нас благополучно. Надо сказать, что я подвязал щёки Лаврова платком и обложил их ватой, якобы у него болят зубы. Благодаря этому исчезла борода Лаврова, что сильно изменило его наружность. Лавров должен был только мычать на случайные вопросы встреч-

ных, в критическую же минуту стонать и отнюдь не вступать с кем-либо в разговоры или объяснения.

О бегстве Л. см. «Вологодский листок», 1915, 27 января № 18; Встреча с П. Л. Лавровым — в книге П. В. Засодимского — Из воспоминаний. М. 1908, с. 201—208.

7) *Берви-Флеровский Василий Васильевич* (1829—1918) — известный публицист и социолог, выступал с беллетристическими и критическими произведениями, печатался в «Современнике», «Отечеств. записках», «Деле» и других журналах. С 1862 г. скитался по ссылкам, весной 1866 г. был переведён под надзор в Вологду. Здесь работал над своими романами, повестями, начал критическую деятельность; создал наиболее известное свое произведение «Положение рабочего класса в России» (СПб. 1869).

«В Вологде, — вспоминает Б.-Ф., — я задумал написать книгу о положении рабочего класса в России. Неожиданно в моих руках очутился обширный статистический материал, до того времени никем не разрабатывавшийся». Б.-Ф. использовал документы Вологодского статистического комитета, в которых описывались местные промыслы и тяжёлая жизнь трудящегося населения. Работая над книгой, писатель глубоко переживал несчастья народа. «Я жил страданиями этого народа, — писал он, — я желал на себе испытать всю трудность его положения, чтобы изобразить его во всей реальности». Одна из глав книги Ф. называется: «Землевладелец на помещичьих землях Вологодской губернии» (Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России. М., Соцэкгиз, 1938, с. 165—183).

Читая произведение Б.-Ф., Маркс сообщал Энгельсу: «Это — первая книга, в которой сообщается правда об экономическом положении России». «... это — самая значительная книга о «Положении рабочего класса», какая только появилась после твоей работы...». (К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947, с. 232).

Членам комитета русской секции в Женеве Маркс писал: «Это — труд серьёзного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспри-

страстного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущённого против гнёта во всех его видах... и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса. Такие труды, как Флеровского и вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века». (К. Маркс, Ф. Энгельс, Об искусстве. М.—Л., «Искусство», 1938, с. 328, см. также с. 327).

Б.-Ф. выехал из Вологды в Тверь осенью 1868 г. (Его воспоминания см. в «Голосе минувшего», 1915, III, IV, VI, VII, VIII, IX; 1916, I, II, V—VI. Сокращённо: «Записки революционера-мечтателя», М.—Л., 1929, 231 с.).

8) *Круглов Александр Васильевич* (1853—1915). Родился в г. Великом Устюге в семье смотрителя народных училищ. В детстве К. был перевезён в Вологду, учился здесь в гимназии, но полного курса её не окончил. По выходе из гимназии жил некоторое время частными уроками, отдавая свободное время литературе. Позднее К. работал корректором в Вологодской типографии, затем в Казённой палате, занимаясь народными школами края. Оставив службу, целиком посвятил себя литературной деятельности. В Вологде встретился с Лавровым и Шелгуновым, которые с похвалой отзывались о его литературных опытах. К. начинает посылать в Петербург романы, статьи, рассказы и стихотворения, а в 1873 г. переезжает в столицу, встречается с Достоевским и другими видными литераторами того времени. Работая библиотекарем, часто болея, писатель живёт в большой нужде. С 1879 г. К. печатается в «Русск. мысли», «Историческом вестнике», «Вестнике Европы» и других журналах. В 1880 г. К. уехал из Петербурга, жил в разных городах страны, часто бывал на родине. О вологодских краях написал несколько повестей, этнографических очерков и набросков («Вологодские кружевницы», «Вологда и вологодский край», повесть «Поздно» и др.). Умер К. 13 октября 1915 г. под Москвой. (См. его воспоминания в «Историч. вестнике», 1894, №№ 3, 4, 5, 11, 12; 1895, №№ 8, 9, 11, 12. Биограф. справка: Е. Кондрать-

ева, А. Ермолаев. А. В. Круглов. «Красный Север», Вологда, 1948, 29 мая, № 106, с. 3; «Русские поэты за сто лет». Сост. А. Сальников. СПб. 1901, с. 149—151; Библиография: А. и А. Веселовские. Вологжане-краеведы. Вологда, Гиз, 1923, с. 50—52; П. Дилакторский. Вологжане-писатели, 1899, с. 51—60).

9) Н. Шелгунов. Вологодские кружевницы. «Дело», 1867, № 11, с. 201—220.

10) В. И. Ульянов (Ленин). Письма к родным. Партиздат, 1934, с. 21; В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 8, с. 118.

ЗАСОДИМСКИЙ Павел Владимирович

1) П. В. Засодимский. Собр. соч., т. 1, СПб. 1895; с. 3. В работе над очерком использованы оба тома собр. соч. Засодимского (Вологодина) П. Засодимский. Из воспоминаний. СПб. 1908, 450 с. Ежегодник Вологодской губернии на 1913 г. Вологда, 1913 (некролог о З. см. отд. 2-й, с. 40); Общая характеристика З, как детского писателя дана в книге: А. П. Бабушкина — История русской детской литературы. Учпедгиз, 1948, с. 426—430.

2) Вологодский Облархив. Канцелярия губернатора. Дело № 5 Вологодского полицмейстера о состоящем под негласным надзором полиции литераторе Павле Владимировиче Засодимском. Началось 17 декабря 1891 г., кончилось 13 марта 1892 г. На 10 листах.

3) М. Н. Швецов. Из прошлого. Вологда, 1913, с. 40—41. А. А. Карелин (1863—1905?) — автор книги «Общинное землевладение в России», с 1891 г. находился в Вологде, в ссылке, печатался в «Северном вестнике» и «Вестнике Европы».

4) «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». М., Гослитиздат, 1937, с. 135.

ГИЛЯРОВСКИЙ Владимир Алексеевич

1) В. Гиляровский. Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. М., «Федерация», 1928, с. 5—6. Кроме этих воспоминаний,

в очерке использована автобиографическая заметка Г. «Мои семьдесят пять лет». «Огонёк», 1928, 11 ноября, № 46 (294), с. 7.

2) А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. XIII. М., ГИХЛ, 1948, с. 141. Высказывания Чехова о Г. см. по указателю имён этого собр. соч. и писем; Г. был близко знаком с Чеховым, бывал у него в Москве, Мелихове, Ялте. О Чехове он пишет в книге «Друзья и встречи», см. там же его воспоминания о Чехове («Чеховиана» И. Ф. Масанова).

3) Н. Телешов. Записки писателя. М., «Сов. писатель», 1950, с. 21—23. Книга Г., о которой говорит Телешов, — «Трущобные люди» (М. 1888). «Книжку его конфисковали ещё в ноябре за то, что в ней все герои — отставные военные — нищенствуют и умирают с голода. Общий тон книжки уныл и мрачен, как дно колодезя, в котором живут жабы и мокрицы» (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. XIV, М., ГИХЛ, 1949, с. 131).

4) В. Гиляровский. Забытая тетрадь (стихотворения). Изд. 3-е, пересмотр. и дополн. М., 1901, с. 60. На обложке рукою Г. написано: «Молодому художнику Ив. Вас. Федышину от старого писателя на добрую память. В. Гиляровский. 15 июня 1905 г.». Книга хранится в Вологодском обл. краеведческом музее.

5) М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1941, с. 18. Эта рецензия Горького сначала была напечатана в «Самарской газете», 1896, 27 января, с. 3—4.

6) В. Гиляровский. Негативы. М., 1900. Экземпляр книги с автографом Г. хранится в Вологодской обл. библиотеке (Г-47; 111730).

7) «Известия», 1935, 3 октября, № 231, с. 4. Библиографию произвед. Г. см. в конце его книги «Москва и москвичи». Воспоминания. М., 1926, с. 128. Биографические заметки о Г.: «Словарь членов Об-ва любителей русской словесности», 1911; «Русские поэты за сто лет». Сост. А. И. Сальников. СПб., 1901, с. 401—405; «Огонёк», 1923, № 49; «Город и деревня», 1924, № 8—9,

с. 31—38; «Красный Север», Вологда, 1947, 17 августа, № 162, с. 3; «Красный Север», 1948, 15 мая, с. 4.

УСПЕНСКИЙ Глеб Иванович

1) Г. И. Успенский. Полн. собр. соч. Изд. 7-е, т. IV. СПб. Изд. А. Ф. Маркса, 1909, с. 290, 295—296. См. здесь очерк «По Шексне (впечатления двух дней поездки)», ранее опубликованный в «Русск. ведомостях», 1899, 6 августа, № 215.

2) «Летописи Гос. лит. музея». «Г. И. Успенский». Гослитмузей, 1939, с. 57 и далее 78, 191, 188, 189—190. «Глеб Успенский. Материалы и исследования», М.—Л., АН СССР, 1938, т. I, с. 650. (Здесь в описании переписки У. зарегистрированы письма и телеграмма писателя из Устюжны).

3) Общую характеристику творчества Г. У. см.: Н. А. Глаголев. Творческий путь Г. И. Успенского. «Литература в школе», 1940, № 3, с. 18—29; Б. Г. Успенский. Глеб Успенский. М., Гослитмузей, 1944, 19 с.; В. Дружин. Г. И. Успенский. В книге Г. У.: Избр. соч. М.—Л., ГИХЛ, 1949, с. III—XVI.

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович

1) В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XI, с. 98; «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». М., Гослитиздат, 1937, см. статью «Писатель-гражданин», с. 168. О жизни и творчестве К.: Е. Балабанович. В. Г. Короленко. М., Гослитмузей, 1947, 168 с.; А. Котов. В. Г. Короленко (очерк жизни и литературной деятельности). В книге: В. Г. Короленко. Избранные произведения. Гослитиздат, 1947, с. III—XVI; Г. А. Бялый. В. Г. Короленко. М.—Л., Гослитиздат, 1949, 370 с. О ссылке К. в Вологду, кроме указанных источников: В. Петров. Письмо из Москвы. «Молва», 1876, 4 апреля, № 14, с. 267. П. Б—в. Короленко в Вологодской ссылке. «Северный край», Вологда, кн. I, 1922, с. 49—53.

2) Здесь и в дальнейшем в очерке впервые используется неопубликованное дело о К. канцелярии начальника Вологодской

губернии. Начато 26 марта 1876 г., окончено 19 апреля 1876 г., на 33 л. Вологодский обл. архив, инв. № 322.

3) В. Г. Короленко. История моего современника. Кн. 2. М. ГИХЛ, 1935, с. 216—217.

ГАРШИН Всеволод Михайлович

1) Н. М. Гаршина. Автобиографическая заметка. Из рукописного собрания проф. Ю. Г. Оксмана.

2) В. М. Гаршин. Полн. собр. соч. в трёх томах, под ред. Ю. Г. Оксмана, т. III. Письма. М.—Л., Academia, 1934, с. 184. В дальнейшем письма Г. цитируются по этому изданию (с. 187—190).

3) «Художники» набраны и пойдут в сентябре, — писал Гаршин из Петербурга 29. VIII. 79. — Я послал их из Городка...». «Художники» были напечатаны впервые в журнале «Отечественные записки», 1879, № 9, с. 103—108; цензура отнесла рассказ к числу «предосудительных» произведений. См. тексты рассказов и комментарии к ним в след. советских изданиях: В. М. Гаршин. Рассказы. М.—Л., ГИЗ, 1928; В. М. Гаршин. Сочинения. Л., ГИХЛ, 1938. Жизни и творчеству Гаршина посвящена книга Н. Беляева — В. М. Гаршин. М., «Молодая гвардия», 1938, 180 с.

4) Этот рассказ должен был представлять первую часть цикла рассказов «Люди и война», но замысел писателя полностью не осуществился. Под названием «Люди и война» рассказ был впервые опубликован в ж. «Русское богатство», 1880, № 3, с. 109—125.

5) Никонова Елизавета Фёдоровна — сестра Калерии Фёдоровны Золотиловой (до замужества Никоновой), матери Надежды Михайловны, жены Гаршина. По смерти матери и её родителей, Никоновых, Н. М. Золотилова (Гаршина) воспитывалась у Е. Ф. Никоновой, которая заменила ей мать.

6) П а н к о в е ц. Расхищение библиотеки Гаршина. «Известия Вологодск. губ. исполкома», 1918, 5 июля, № 139, с. 4. А. Р о з а н о в. Народ и книга. Там же, 1918, 10 июля, № 143, с. 4. Кроме того, см.: «Вологодская публичная советская библиотека. Год работы». Вологда, 1920, с. 39.

КУПРИН Александр Иванович

- 1) А. И. Куприн, Собр. соч., т. 10, «Жидкое солнце» и другие рассказы. Изд. 4-е, Московск. кн-во, 1917, с. 65. Предположения о походе в «Ревизоре» Гоголя устюженской действительности см.: Г. Лесоклинский. Устюжна и «Ревизор» Гоголя. «Красный Север», 1945, 21 октября, № 210, с. 4; И. Бразуль. Устюжна. «Огонёк», № 37 (сентябрь), с. 34—36; В. Гура. Русские писатели о Вологодской области. «Красный Север», 1950, 31 декабря, № 261, с. 4; Материалы к биографии А. И. Куприна см. в книге: А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения. Пенза, Обл. изд-во, 1951, с. 273—326; здесь же статья А. Волкова — Выдающийся писатель-реалист, с. 3—45.
- 2) А. И. Куприн. Поли. собр. соч. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1912, т. VI, с. 263—264.
- 3) Воспоминания Н. М. Дмезова записаны Г. М. Лесоклинским. Цитируются по рукописи.

КОНИЧЕВ Константин Иванович

- 1) К. Коничев. Деревенская повесть. Вологда, Обл. изд-во, 1950, с. 194. В дальнейшем все цитаты из «Деревенской повести» по этому изданию. В очерке использованы материалы из архива К. (автобиография 28.XI.1950; газетные вырезки, автобиографические заметки, письма и т. д.), а также письма писателя к автору настоящей книги. О творчестве К.: Н. Никитин. Повесть о старой деревне (о первой части «Деревенской повести»). «Лит. газета», 1949, 7 сентября, № 72, с. 3; Г. Лебедев. Навстречу жизни (о вологодском издании «Деревенской повести»). «Красный Север», Вологда, 1950, 13 октября, № 204, с. 3; Б. Пономарёв. Новые книги... (см. здесь о «Дерев. повести» и о книге «Люди больших дел»). «Север», Архангельск, Обл. изд-во, 1949, с. 245, 249—250; К. Лапин. Люди, которыми должно гордиться (о книге «Люди больших дел»). «Новый мир», 1950, № 5, с. 246—249. Библиография произведений К. хранится в Вологодской обл.

библиотеке, здесь же — книги К. и подаренные ему книги с автографами А. Серафимовича и других писателей.

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич

1) И. Эренбург. Не переводя дыхания. Архангельск, Северное краевое изд-во, 1935, с. 111 и далее с. 115—116, 118, 123, 87. В очерке использованы воспоминания П. И. Петухова (цитируются по рукописи) и письмо И. Г. Эренбурга к автору настоящей книги от 16. II. 1951 г.

СЕРАФИМОВИЧ Александр Серафимович

1) О ссылке С. в Архангельскую губ. см.: Е. Юревич. А. С. Серафимович в северной ссылке. «Звезда Севера», Архангельск, 1932, № 6—7, с. 80—84; Г. Атабеков. В ссылке на Севере. «Красный Север», Вологда, 1941, 5 марта, № 53, с. 3. (К приезду А. С. Серафимовича в Вологду). Критико-биографический очерк о С.: В. Куриленков. А. С. Серафимович. М., «Сов. писатель»; 1950. См. раздел «Краткая библиография», с. 151—158.

2) А. Серафимович. По родимой стране. Собр. соч., т. X, М., ГИХЛ, 1948, с. 242—247. Этот очерк под названием «Радость народа» был впервые напечатан в «Правде», 1941, 30 апреля, № 119, с. 3. О поездке С. в Вологду и область: «А. С. Серафимович в Вологде». «Красный Север», 1941, 6 марта, № 54, с. 4; «В гостях у пионеров». «Красный Север», 1941, 7 марта, № 55, с. 4; «А. С. Серафимович в Вологде». «Сталинская молодёжь». Вологда, 1941, 6 марта, № 19, с. 1; «Серафимович в доме пионеров», «Незабываемая встреча». «Сталинская молодёжь», 1941, 9 марта, № 20, с. 4; «А. С. Серафимович выехал в Москву». «Красный Север», 1941, 15 марта, № 62, с. 4; Г. Нерадов. Поездки А. С. Серафимовича по Советскому Союзу. В книге: А. С. Серафимович — Исследования. Воспоминания. Материалы. Письма. М.—Л., изд. АН СССР, 1950, с. 197—235.

1) Здесь и далее использованы письма Я. ко мне от 25.IV.50 и 16.IV.51 г., а также биографическая заметка Я. «Из автобиографии» (15.IV.1951 г.), написанная для настоящей книги.

2) Девять глав из этой поэмы были напечатаны в архангельском журнале «Звезда Севера». Вся поэма вместе с другими неопубликованными произведениями погибла во время Отечественной войны. «Поэма эта была неудачной,—признаётся сам поэт,—и, может быть, мне не следует жалеть, что она погибла, но это было моё первое приобщение к теме индустриального труда» («Из автобиографии»).

3) Л. Тимофеев. Первая книжка. «Октябрь», 1938, № 12, с. 245.

4) Рецензия на книгу «Северянка»: Л. Тимофеев, Первая книжка. «Октябрь», 1938, № 12, с. 244—245. См. там же след. литературно-критические статьи о творчестве Я.: В. Инбер. Две поэмы Александра Яшина (о поэмах «Клад» и «Мать»). «Лит. газета», 1940, 13 октября, с. 3; К. Симонов. Стихи Ал. Яшина. «Известия», 1941, 31 января, с. 4; Н. Никитин. На Балтике было. «Литература и искусство», 1942, 19 декабря, с. 4; Б. Соловьёв. Лирика и хроника (о книге «Земля богатырей»). «Лит. газета», 1946, 9 марта, с. 3; В. Инбер. На верном пути (О книге «Земля богатырей»). «Лит. газета», 1947, 1 февраля, с. 3; Н. Павлович. Александр Яшин. «Октябрь», 1946, № 9, с. 188—191. Биографические справки о Я. в его книгах: «Стихотворения и поэмы», Архангельск, 1948, с. 404—405; «Стихи разных лет». М., «Правда», 1947, с. 2. Библиографию книг Я. и статей о нём см.: Поэт-вологжанин Александр Яшин (указатель литературы). Вологда, 1949, 10 с. (Вологодская областная библиотека. Знатные люди области). Книги Я. с его автографами хранятся в Обл. библиотеке, Обл. музее и библиотеке Пединститута.

5) Письмо земляка. «Красный Север», 1949, 5 октября, № 196, с. 1.

6) Встреча с поэтом Александром Яшиным. «Красный Север», 1948, 12 сентября, № 182, с. 1.

7) О повести в стихах Я. см. ст.: В. Гура. «Алёна Фомина». «Северная новь», Вологда, Обл. изд-во, 1950, с. 155—166.

8) А. Яшин. Дорогому юбиляру. «Красный Север», 1947, 27 сентября, № 191, с. 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
М. Н. Муравьёв	9
К. Н. Батюшков	18
П. А. Вяземский	43
В. И. Красов	49
Н. И. Надеждин	60
Н. В. Шелгунов	68
П. В. Засодимский (Вологдин)	87
В. А. Гиляровский	102
Г. И. Успенский	113
В. Г. Короленко	117
В. М. Гаршин	122
А. И. Куприн	128
К. И. Коничев	135
И. Г. Эренбург	146
А. С. Серафимович	151
А. Я. Яшин	155
Литературная хроника	168
Комментарии	185
